

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В.ЛОМОНОСОВА

ФАКУЛЬТЕТ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Кафедра глобалистики

На правах рукописи

Чу Чэнчэн

**Сотрудничество в сфере образования между Китайской Народной
Республикой и странами Центральной Азии**

Специальность: 5.5.4.

Международные отношения, глобальные и региональные исследования

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата политических наук

Научный руководитель:

кандидат политических наук

Алексеев Олег Александрович

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ГЛАВА 1: Теоретико-методологические основы анализа внешней политики КНР в сфере гуманитарного сотрудничества	18
1.1. Концептуальные и идеологические основы внешней политики КНР в сфере гуманитарного сотрудничества.....	18
1.2. Центральная Азия в системе внешнеполитических приоритетов КНР	32
1.3. Сотрудничество в области образования как приоритет внешней политики КНР в сфере гуманитарного сотрудничества	41
ГЛАВА 2: Основные направления сотрудничества в сфере образования между Китаем и странами Центральной Азии	49
2.1. Развитие сотрудничества в сфере образования между Китаем и Казахстаном, Узбекистаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном	49
2.2. Институты Конфуция и их деятельность в государствах Центральной Азии	71
2.3. Проекты гуманитарного сотрудничества в рамках ШОС и инициативы «Один пояс – один путь»	80
ГЛАВА 3: Внешняя политика КНР и конкурирующих с ней в сфере гуманитарного сотрудничества в Центральной Азии государств.....	87
3.1. Сравнительный анализ политики в сфере образования России, США, Турции, Японии и Китая в Центральной Азии.....	89
3.2. Особенности и тенденции сотрудничества в Центральной Азии в гуманитарной сфере в постпандемийный период	114
Заключение	123
Библиография	132
Приложение	166

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена укреплением внешней политики Китая в сфере гуманитарного сотрудничества. Еще в самом начале XXI столетия, в 2003 году, лидер КНР Ху Цзиньтао подчеркнул на саммите государств – членов ШОС в Москве, что Китай выступает за защиту разнообразия мировых цивилизаций посредством равноправного и открытого отношения к ним и активно стремится к созданию гармоничного мира, интегрирующего все существующие цивилизации¹. Китай активно участвует в глобальном управлении, укрепляет гуманитарный обмен и проводит многовекторную политику как внутри государства, так и на внешнеполитической арене.

Особый интерес вызывают отношения Китая с государствами Центрально-Азиатского региона. В условиях глобализации, при нынешней форме серьезных изменений в отношениях между крупными державами, региональное сотрудничество занимает все более важное место. Укрепление отношений между Китаем и странами Центральной Азии имеет важное практическое значение. Главным противоречием в их отношениях на данном этапе является дисбаланс между активным экономическим сотрудничеством и несколько отстающим гуманитарным сотрудничеством.

Гуманитарный обмен стал важной частью внешней политики Китая. Во-первых, гуманитарный обмен является основой взаимного доверия. Во-вторых, гуманитарный обмен является мощной гарантией экономического сотрудничества.

В 2005 году на саммите ООН по случаю 60-й годовщины создания Организации Китай выдвинул Концепцию создания гармоничного мира. С этого

¹ Выступление Ху Цзиньтао на саммите ШОС / Официальный сайт Посольства КНР в Российской Федерации. 10.06.2003. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/jbwzlm/shhzz/zyjhwhj/200306/t20030610_3114130.htm?ysclid=lkqn6c1kdf491916212 (дата обращения: 28.06.2023)

момента гуманитарная политика Китая не только отражается в «Шанхайском духе» – «взаимном доверии, взаимной выгоде, равноправии, уважении к многообразию цивилизаций, стремлении к совместному развитию»², но и проявляется в концепции проекта «Одного пояса – одного пути» – «мира и сотрудничества, открытости и инклюзивности, взаимного обучения и заимствования положительного опыта, взаимной выгоды и взаимного выигрыша»³. Более того, на XVIII-м съезде КПК лидер Китая Си Цзиньпин предложил концепцию создания Сообщества единой судьбы человечества с целью поддержания мира во всем мире и стимулирования общего процветания. Стоит отметить, что четыре государства Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан) не только активно откликаются на инициативу «Один пояс – один путь», но также являются членами Шанхайской организации сотрудничества.

В рамках данной работы анализируются актуальные проблемы гуманитарного обмена между Китаем и государствами Центральной Азии. Этот процесс автор рассматривает на примере сотрудничества в сфере образования, которое является основным направлением гуманитарных обменов, в рамках которого было реализовано множество проектов: институты Конфуция, Университет Шанхайской организации сотрудничества, альянс университетов «Шёлкового пути», программы академического обмена и так далее. Все это обуславливает актуальность исследования гуманитарного сотрудничества в области образования между Китаем и государствами Центральной Азии, что позволит не только сформировать комплексное представление о внешней политике Китая в гуманитарной сфере, но и разобраться в гуманитарной политике среднеазиатских государств.

² Хартия Шанхайской Организации Сотрудничества. Принята Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым, Председателем КНР Цзян Цзэминем, Президентом Киргизии Аскар Акаевым, Президентом России Владимиром Путиным, Президентом Таджикистана Эмомали Рахмоновым и Президентом Узбекистана Исламом Каримовым 7 июня 2002 года в Санкт-Петербурге / Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 28.06.2023).

³ Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства “Экономического пояса Шелкового пути” и “Морского Шелкового пути XXI века”. – Пекин: Народное издательство, 2015.

Степень научной разработанности проблемы

При выполнении настоящего исследования автор обращался к трудам российских, китайских и зарубежных ученых.

В России. С начала 2000-х гг. российские ученые активно занимаются изучением отношений Китая и стран Центральной Азии. Существующие исследования можно разделить на четыре тематических блока.

Первый блок составила литература, посвященная геополитическому весу и роли Центральной Азии на мировой арене. Она представлена, в частности, работами таких авторов, как С.С. Жильцов, М.Т. Лаумулин, И.П. Лебедева, Д.Б. Малышева, Э.Г. Соловьев, Г.И. Чуфрин⁴.

Второй блок включает публикации, посвященные месту Центральной Азии во внешней политике КНР и дипломатическим отношениям между Китаем и странами региона после обретения ими независимости – здесь следует отметить работы О.И. Бодровой, А.М. Кумукова, Ю.В. Морозова, Т.Г. Трояковой⁵, в которых освещаются различные аспекты состояния и развития отношений Центральной Азии с Китаем.

Третий блок – это работы о культурно-гуманитарном сотрудничестве КНР со странами Центральной Азии. В частности, это публикации Р.М. Валеева, В.Д. Данилова, Л.И. Кадыровой, Ю.В. Кулинцева⁶.

⁴ Жильцов С.С. Роль многосторонних механизмов сотрудничества в политике внешних акторов в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2021. – Т. 24. – № 3. – С. 15-27; Лаумулин М. Т. Изменения в стратегии Европейского Союза в отношении Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2011. – Т. 14. – №4. – С. 33–51. Лебедева И.П. Центральная Азия – особое направление внешней политики Японии. Рецензия на книгу О.А. Добринской «Стратегия Японии в Центральной Азии: политическое, экономическое и культурное измерение» // Японские исследования. – 2021. – №4. – С. 134–140. Малышева Д.Б. Политические процессы в постсоветской Центральной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11. – № 3. – С. 36–52. Соловьев Э.Г, Чуфрин Г.И. Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 276 с.

⁵ Бодрова О. И. Акценты гуманитарного усиления КНР во внешнеполитических концепциях // Общество и государство в Китае. – 2015. – №2. – С. 435–443. Кумуков А.М. КНР – Центральная Азия: особенности регионального взаимодействия и субрегионального сотрудничества: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / Кумуков Альберт Мусабиевич; [Место защиты: Казанский (Приволжский) федеральный университет]. – Казань, 2016. – 255 с. Морозов Ю.В. Сафронова Е.И. Значение гуманитарного сотрудничества России и Китая с центральноазиатскими партнерами в рамках ШОС // Национальные интересы, приоритеты и безопасность. – 2014. – №32 (269). – С. 35–49. Лян Чжэньпэн, Троякова Т. Г. Эволюция политики КНР в отношении стран Центральной Азии (1990–2018 гг.) // Известия Восточного института. – 2018. – № 2. – С. 24–31.

⁶ Валеев Р.М., Кадырова Л.И. Гуманитарное сотрудничество Китайской Народной Республики и Республики Казахстан в сфере образования (1990-2000-е гг.) // Вестник КАЗГУКИ. – 2015. – №1. – С. 115–120. Данилов В.Д. Проблемы культурно-гуманитарного сотрудничества КНР со странами Центральной Азии (на примере Киргизии)

В четвертый блок можно включить большое количество публикаций, посвященных сравнительному анализу геополитических интересов и политики мировых держав в Центральной Азии, среди которых были использованы работы Е.Б. Аюшиевой, Т. Бордачева, Р.А. Гумерова, В.Н. Земскова, А.А. Казанцева, В.В. Парамонова, Т.И. Поньки, Е.В. Савковича, А.В. Строкова, О.А. Столповского, В. Цинсун, К.А. Шаповаловой, А.С. Юньюшкиной⁷.

В Китае. Работы китайских авторов можно разделить на следующие блоки.

Первый блок – работы, посвященные исследованию истории, геополитики, и сотрудничества в Центральной Азии. Автором были изучены публикации таких исследователей, как Ван Цзиньго, Дин Ду, Лян Чаошуо, Пан Чжипин, Сунь Чжуанчжи, У Хунвэй, Чжао Чанцин, Чжоу Цзюнь⁸.

// Современная научная мысль. – 2020. – №. 2. – С. 112–119. Кулинцев Ю.В. Стратегия развития ШОС и концепция «Экономический пояс шелкового пути»: интеграционный потенциал культурного гуманитарного сотрудничества
// Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2019. – №24. – С.131–144.

⁷ Аюшиева Е.Б. Геополитические интересы России и Китая в Центральноазиатском регионе : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04 / Аюшиева Евгения Болотовна. – Москва, 2003. – 143 с.; Бордачев Т., Смолл Э., Цинсун В. Россия, Китай и США в Центральной Азии: Баланс интересов и возможности сотрудничества / Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/13120/> (дата обращения: 10.05.2023); Гумеров Р. А. Геополитические интересы США, Китая и России в Центральной Азии : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04 / Гумеров Родион Альфредович; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Москва, 2009. – 132 с.; Казанцев А.А. Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии. Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2016. – 52 с.; Казанцев А.А. Политика США в постсоветской Центральной Азии // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – №4. – С. 155–164; Земсков В.Н. Стратегия США в Центральной Азии // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – №2 (29). – С. 28–32; Парамонов В.В., Строков А. В., Столповский О.А. Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность. – Бишкек: Общественный фонд А. Князева, 2008. – 201 с.; Юньюшкина А.С., Понька Т.И., Шаповалова К.А. Конкуренция мировых держав в Центральной Азии // Международные отношения. – 2021. – №2. – С. 40–54; Савкович Е.В. Проблема перехода от регионального к глобальному: "мессианская" роль Китая/ В сборнике: VII Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона. Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 96-99.

⁸ 汪金国 《全球文化力量消长与中亚政变化研究》。兰州大学出版社, 2010 年, 286 页。(Ван Цзиньго. Рост глобальной культурной мощи и изучение политических изменений в Центральной Азии. – Издательство Ланьчжоуского университета, 2010. – 286 с.)

丁笃本. 《中亚通史》新疆人民出版社 (Дин Дубэн. «Общая история Центральной Азии». – Урумчи, 2007. – 474 с.)

梁超. 《中亚局势新动向》社会科学文献出版社, 2012 年, 276 页。(Лян Чао. Новые тенденции в ситуации в Центральной Азии. – Китайское издательство литературы по социальным наукам, 2012. – 276 с.)

潘志平. 《中亚的地缘政治文化》新疆人民出版社, 2003 年, 369 页。(Пан Чжипин. Геополитическая культура Центральной Азии», «Исторический статус и перспективы этнических отношений в Центральной Азии. – Синьцзян: Синьцзянское народное издательство, 2003. – 369 с.)

孙壮志 《中亚国家的跨境合作研究》, 上海大学出版社, 2014 年, 236 页。(Сунь Чжуанчжи. Исследование трансграничного сотрудничества в странах Центральной Азии. – Шанхай: Издательство Шанхайского университета, 2014. – 236 с.)

吴宏伟 《中亚地区发展与国际合作机制》社会科学文献出版社, 2011 年, 345 页。(У Хунвэй. «Механизм регионального развития и международного сотрудничества в Центральной Азии». – Китайское издательство литературы по социальным наукам, 2011. – 345 с.)

Второй блок представлен публикациями об отношениях КНР и стран Центральной Азии, а также внешней политике Китая в данном регионе, эти вопросы рассматриваются в трудах китайских исследователей Ли Чаофэй, Лян Чжэньпэн, Син Гуанчэн, Чжао Хуашэн, Чжао Сяоцзя.⁹

Третий блок работ посвящен культурно-гуманитарным связям КНР и стран Центральной Азии, «мягкой силе» Китая в регионе, а также их сотрудничеству в сфере образования. Сюда можно отнести работы Амина, Го Вэйдун, Ли Хуэй, Сукат, Тан Цзюань, У Баоянь, Хань Лян, Чжан Цюаньшэн, Чжоу Гупин, Чунян Ли.¹⁰

К четвертому блоку можно отнести работы, посвященные сравнительному анализу политики Китая, России и США в Центральной Азии, эти аспекты

赵常庆《中亚五国新论》，昆仑出版社(Чжао Чанцин. Знакомство с пятью странами Центральной Азии. – Пекин, 2014. – 456 с.) Чжоу Цзюнь. Значение государств Центральной Азии в мировой политической системе // Управленческое консультирование. – 2017. – №3 (99). – С. 164–171.

⁹ Лян Чжэньпэн, Троякова Т. Г. Эволюция политики КНР в отношении стран Центральной Азии (1990–2018 гг.) // Известия Восточного института. – 2018. – № 2. – С. 24–31. 李朝飞. 中国在中亚的软实力外交研究, 上海外国语大学博士论文, 2018 年, 180 页。(Ли Чаофэй. Исследование о дипломатии мягкой силы Китая в Центральной Азии. Дис ... канд. полит. наук. – Шанхай, 2018. – 180 с.)

邢广程. 中国和新独立的中亚国家关系, 黑龙江教育出版社, 1996 年, 304 页。(Син Гуанчэн. Отношения между Китаем и новыми независимыми странами Центральной Азии. – Хэйлунцзян: Издательство образования, 1996. – 304 с.)

4.赵华胜《中国的中亚外交》，北京：时事出版社(Чжао Хуашэн. Дипломатия Китая в Центральной Азии. – Пекин, 2008. – 473 с.)

4.赵晓佳.中国与中亚的友好交流研究[J]. 北京 中央民族大学(Чжао Сяоцзя. Исследование дружественных взаимоотношений между Китайской Народной Республикой, Республикой Казахстан и Центральной Азией. диссертация ... кандидата политических наук. – Пекин, 2011. – 299 с.)

¹⁰ 李慧,苏卡特,阿米娜. 中国与中亚国家“教育丝绸之路”合作路径探析——基于中亚四国高等教育的发展[J]. 东北大学学报(社会科学版) (Ли Хуэй, Сукат, Амина. Анализ пути сотрудничества Китая и стран Центральной Азии на «Образовательном Шелковом пути» – на основе развития высшего образования в четырех странах Центральной Азии // Журнал Северо-Восточного университета (Социальный Научное издание). – 2018. – Т. 20. – № 04. – С. 419–426).

唐泽园. 浅析上海合作组织框架下的人文合作. 现代经济信息, 2015 年. Тан Цзюань. Анализ гуманитарного сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Современная экономическая информация. – 2015. – № 3. – С. 26.

У Баоянь. Сотрудничество в области образования между Китаем и странами Центральной Азии: состояние и проблемы развития // Вестник Московского университета. Серия XXVII. Глобалистика и геополитика. – 2013. – № 1.

周谷平,韩亮. “一带一路”倡议与教育外交[J]. 比较教育研究 (Чжоу Гупин, Хань Лян. Инициатив «Один пояс, один путь» и образовательная дипломатия [J] // Сравнительные исследования в области образования. – 2018. – Т. 40. – № 04. – С. 3–9).

张全生, 郭卫东. 中国与中亚的人文交流合作.——以孔子学院为例. 新疆师大学报(Чжан Цюаньшэн, Го Вэйдун. Гуманитарные обмены и сотрудничество между Китаем и Центральной Азией: на примере институтов Конфуция // Журнал Синьцзянского педагогического университета (издание по философии и социальным наукам). – 2014. – Т. 35. – № 04. – С. 64–71).

Чунян Ли. "Мягкая" сила как составная часть внешнеполитического курса Китая на постсоветском пространстве // Дневник науки. – 2021. – № 5(53). – DOI 10.51691/2541-8327_2021_5_9.

рассматривают Ли Лифань, Хуан Цзинжун, Цзэн Сяньхун, Чжэн Юй, Чжао Хуашэн, Чжао Хуэйронг.¹¹

На Западе. Особый интерес представляют работы Джозефа Ная¹². В связи с постоянным повышением международного статуса Китая, созданием ШОС и внедрением стратегии «Один пояс – один путь» западные ученые уделяют все больше внимания влиянию Китая в Центральной Азии, которое в основном делится на следующие два аспекта :

1. В начале 2000-х годов Запад начал изучать отношения Китая и стран Центральной Азии, в основном, анализируя политику Китая в Центрально-Азиатском регионе, и западные исследователи полагали, что Китай начал распространять свое влияние на Запад. В основном обсуждались военные, политические и экономические вопросы развития Китая в контексте интересов безопасности Центральной Азии. Западные ученые считают, что экономика является основой влияния Китая в данном регионе, Китай обычно относится к международным отношениям реалистично, поэтому стратегическое соперничество между Китаем и другими крупными державами в Центральной

¹¹ 李立凡.析中俄美大三角与中亚的地缘政治战略——兼论“上海合作组织”的国际地位[J].世界经济研究 (Ли Лифань. Анализ геополитической стратегии треугольника Китай-Россия-Соединенные Штаты и Центральной Азии – и международного статуса «Шанхайской организации сотрудничества» [J] // Мировые экономические исследования. – 2003. – № 04. – С. 21–25).

曾向红,黄敬荣.上海合作组织对中俄在中亚地区互动的的影响[J].兰州大学学报(社会科学版) (Цзэн Сяньхун, Хуан Цзинжун. Влияние Шанхайской организации сотрудничества на взаимодействие между Китаем и Россией в Центральной Азии [J] // Журнал Ланьчжоуского университета (издание по социальным наукам). – 2013. – Т. 41. – № 02. – С. 62–70).

郑羽《中俄美在中亚：合作与竞争(1991-2007)》社会科学文献出版社，2007 年，525 页。(Чжэн Юй. «Международные отношения России, стран Восточной Европы и Центральной Азии» «КНР, РФ и США в Центральной Азии: сотрудничество и конкуренция 1991–2007»). – Китайское издательство литературы по социальным наукам, 2007. – 525 страниц.

4. 赵华胜.中俄美在中亚的存在:上升和下降[J].国际观察(Чжао Хуашэн. Присутствие Китая, России и Соединенных Штатов в Центральной Азии: взлет и падение [J] // Международная вахта. – 2015. – №06. – С. 87–103).

5. 赵华胜.浅评中俄美三大战略在中亚的共处[J].国际观察 (Чжао Хуашэн. Краткий обзор сосуществования трех основных стратегий Китая, России и Соединенных Штатов в Центральной Азии [J] // Международная вахта. – 2014. – № 01. – С. 96–109).

6. 赵会荣.俄美中欧在中亚:政策比较与相互关系[J].新疆师范大学学报(哲学社会科学版)(Чжао Хуэйронг. Россия, Соединенные Штаты и Европа в Центральной Азии: сравнение политики и взаимосвязи [J] // Журнал Синьцзянского педагогического университета (издание по философии и социальным наукам). – 2014. – Т. 35. – № 04. – С. 54–63.

¹² Nye J. Think Again: Soft Power // Foreign Policy. – 23.02.2006. – Vol. 152. – URL: <https://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/> (дата обращения 25.08.2023).

Азии неизбежно. Эти идеи высказывали, в частности, в своих публикациях Б. Джилл и М. Оресман, Э. Бор, Э. Медейрос и Т. Фрэвел¹³.

2. С созданием ШОС и внедрением стратегии «Один пояс – один путь» западные ученые начали исследование политики «мягкой силы» Китая в отношении Центральной Азии, анализ роли институтов Конфуция в распространении китайской культуры и влияние китайской Стратегии Шелкового пути на страны Центральной Азии. Сюда можно отнести работы Б.Дейва, Х.Каррара, У. Сона¹⁴.

В Центральной Азии. Ученые из Центральной Азии подчеркивают установление независимой дипломатии между странами Центральной Азии и Китаем после распада Советского Союза и считают, что динамичное развитие Шанхайской Организации Сотрудничества и инициативы «Один пояс – один путь» в области гуманитарных наук активно способствовало развитию отношений КНР с центральноазиатскими государствами, особый интерес представляют работы Р.Р. Алиева, А.К. Имангазиева, Х.Т. Мирзоева, З.Т. Мураталиевой¹⁵.

¹³ Gill B., Oresman M. China's New Journey to the West: China's Emergence in Central Asia and Implications for US Interests. – Washington, D.C.: CSIS Press, 2003. Bohr A. Regionalism in Central Asia: New Geopolitics, Old Regional Order // International Affairs. – 2004. – Vol. 80. – Issue 3. – P. 488. Medeiros E., Fravel T. China's New Diplomacy // Foreign Affairs. – 2003. – Vol. 82. – No 6. – Pp. 22–35. Central Asia and the World: Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan / Ed. by M. Mandelbaum. – New York, N.Y.: Council of Foreign Relations, 1994. – 251 p. Mullerson R. Central Asia: a Chessboard and Player in the New Great Game. – New York, N.Y.: Columbia University Press, 2007. – 400 p. Swanstrom N. China and Central Asia: A New Great Game or Traditional Vassal Relations? // Journal of Contemporary China. – 2005. – Vol. 14. – No 45. – Pp. 569–584. Ong R. China's security interests in Central Asia // Central Asian Survey. – 2005. – Vol. 24. – No 4. – Pp. 425–439. Sheives K. China Turns West: Beijing's Contemporary Strategy towards Central Asia // Pacific Affairs. – 2006. – Vol. 79. – No 2. – Pp. 205–224. doi:10.5509/2006792205

¹⁴ Nogayeva A. Limitations of Chinese 'Soft Power' in Its Population and Language Policies in Central Asia // Geopolitics. – 2015. – Vol. 20. – No 3. – Pp. 583–605. Dave B. Silk Road economic Belt: effects of China's soft power diplomacy in Kazakhstan // China's Belt and Road Initiative and its Impact in Central Asia / Ed. by M. Laruelle. – Washington, D.C.: The George Washington University, 2018. – Pp. 97–109. Karrar H.H. The new silk road diplomacy: a regional analysis of China's Central Asian foreign policy, 1991-2005. A Thesis Submitted to McGill University in partial fulfillment of the requirements of the degree of Doctor of Philosophy. – Montreal, 2006. – 374 p. Karrar H.H. The new Silk Road diplomacy: China's Central Asian foreign policy since the cold war[M]. – Vancouver: UBC Press, 2010. – 272 p. Song W. China's Approach to Central Asia: The Shanghai Cooperation Organisation. – London: Routledge, 2016. – 184 p.

¹⁵ Алиева Р. Р. Взаимодействие Республики Таджикистан с государствами-членами ШОС в гуманитарной сфере // Вестник Педагогического университета. – 2015. – № 4. – С. 240–247. Имангазиев А.К. Роль и место стран Центральной Азии в мировой политике (на примере отношений с Россией, КНР и США) : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04 / Имангазиев Алмаз Кулубекович; [Место защиты: Дипломатическая академия министерства иностранных дел РФ]. – Москва, 2009. – 156 с. Мирзоев Х.Т. Взаимодействие Республики Таджикистан с Китайской Народной Республикой в сфере образования // Вестник Таджикского Национального Университета. – 2020. – №5. – С. 77–82. Мураталиева З.Т. Региональная политика России и Китая в Центральной

В целом, в большинстве опубликованных исследователями научных трудов раскрывается общая проблематика политики Китая в отношении центральноазиатских странами и сделаны некоторые полезные выводы о гуманитарном обмене между Китаем и государствами Центральной Азии. В рамках инициативы «Один пояс – один путь» сотрудничество в области образования между Китаем и странами региона постепенно углубляется. Основным направлением исследований является конкретный анализ определенной страны, но не хватает общего анализа и обобщения по всему Центрально-Азиатскому региону.

В итоге, в данных работах рассматриваются отдельные аспекты сотрудничества КНР и стран Центральной Азии. Комплексных исследований, посвященных анализу взаимодействия государств в сфере образования, на текущий момент недостаточно.

Цель исследования – выявить характер и раскрыть особенности сотрудничества в сфере образования между Китаем и странами Центральной Азии.

Задачи исследования:

1. Выявить основные черты и цели внешней политики КНР;
2. Оценить место и роль Центральной Азии в системе внешнеполитических приоритетов КНР как контекста для развития сотрудничества в сфере образования;
3. Установить основные приоритеты внешней политики КНР в сфере гуманитарного сотрудничества и образовательного сотрудничества как его части;
4. Раскрыть ключевые особенности сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии в области образования;

5. Оценить роль институтов Конфуция в образовательных обменах между Китаем и странами Центральной Азии;

6. Выявить ключевые характеристики политики КНР в сфере гуманитарного и образовательного обмена в рамках ШОС;

7. Определить перспективы проектов гуманитарного и, в частности, образовательного сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии в рамках инициативы «Один пояс – один путь»;

8. Выявить сильные и слабые стороны гуманитарной центральноазиатской политики Китая в сравнении с другими крупными державами;

9. Выявить особенности и тенденции сотрудничества в Центральной Азии в гуманитарной сфере в постпандемийный период.

Объект исследования: взаимодействие между КНР и странами Центральной Азии в сфере образования при реализации внешней политики КНР в рамках гуманитарного сотрудничества.

Предмет исследования: особенности и закономерности развития сотрудничества Китая со странами Центрально-Азиатского региона в области образования.

Хронологические рамки исследования. Исследование охватывает период с 1991 г. по настоящее время.

Научная новизна диссертационного исследования. Новизна диссертационного исследования обусловлена тем, что возрастающее влияние КНР в различных сферах на страны Центральной Азии в ходе взаимовыгодного сотрудничества порождает, в том числе, необходимость выявления политических аспектов развития гуманитарного сотрудничества на данном пространстве в рамках формирования и реализации внешней политики КНР в данной области и, прежде всего, в сфере образования как ключевой для долгосрочного гуманитарного взаимодействия стран. Реализация комплексного подхода к анализу содержания и состояния китайско-центральноазиатских отношений с использованием различных документов и статистических данных

по региону, в том числе китайских, а также изучение растущего влияния других стран на образовательную сферу Центрально-Азиатского региона позволили существенно расширить сферу теоретического понимания проблем международного сотрудничества для регионального развития в условиях глобальной неопределенности.

В ходе данного исследования получены следующие новые **научные результаты**:

1. Выявлены основные принципы и механизмы гуманитарного сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии в контексте появления и реализации новых подходов КНР во внешней политике по отношению к региону;

2. Выделены исторические этапы развития сотрудничества в сфере образования КНР и стран Центральной Азии в контексте развития международной политики в целом и политики КНР в сфере гуманитарного сотрудничества в частности;

3. Определены основные направления и принципы центральноазиатской гуманитарной политики таких государств, как Российская Федерация, США, Япония и Турция, оказывающих наиболее значительное воздействие на развитие образования в регионе;

4. На материалах, посвященных реализации в регионе отдельных международных проектов, выявлены существующие проблемы сотрудничества в сфере образования Китая и стран Центральной Азии;

5. Определены основные тенденции в развитии международного образовательного сотрудничества в Центральной Азии в постпандемийный период;

6. Показано влияние отношений КНР и стран Центральной Азии в гуманитарной сфере на геополитическую обстановку в регионе.

Теоретическая значимость работы

Исследование представляет собой комплексный анализ состояния гуманитарного сотрудничества Китая со странами Центральной Азии, а также их взаимодействия в области образования и подготовки квалифицированных кадров. Теоретическая значимость исследования также определяется тем, что диссертация вносит вклад в углубление научных знаний о проблемах внешней политики Китая в Центральной Азии. Представленная работа может служить основой для дальнейших исследований внешней политики Китая в гуманитарной сфере, способствовать приращению научных знаний в данной области. Также основные положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы в комплексном изучении взаимодействия Китая и стран Центральной Азии в гуманитарной сфере, особенно в сфере образования. Работа способна послужить методологической основой для последующих научных исследований в данной области.

Практическая значимость работы

Практическая значимость работы состоит в том, что ее выводы о специфике внешней политики КНР в гуманитарной сфере и отношений между КНР и странами Центральной Азии могут лечь в основу выработки приоритетов и конкретных направлений российско-китайских и российско-центральноазиатских отношений.

Фактические материалы диссертации могут быть использованы преподавателями и студентами вузов Китая и России при разработке и изучении соответствующих учебных курсов – выводы могут быть рекомендованы для использования в учебном процессе для разработки курсов лекций по дисциплинам «Внешняя политика Китая», а также соответствующих дисциплин по выбору и курсов вариативной части учебных планов.

Отдельные результаты исследования могут лечь в основу учебно-методических пособий, посвященных изучению гуманитарной политики Китая в Центральной Азии.

Выводы и обобщения исследования могут использоваться в качестве аналитического материала в деятельности различных образовательных учреждений и межгосударственных объединений для улучшения качества и эффективности взаимодействия государств-участников данных организаций.

Теоретико-методологическая основа исследования.

Методология работы носит комплексный характер и состоит в сочетании методов. В основе исследования лежит системный подход, позволяющий изучить целостные свойства объекта исследования, его структуру и динамику. Таким образом, гуманитарная составляющая внешней политики Китая изучается как система взаимосвязанных направлений, определяющих степень внешнего гуманитарного влияния КНР.

Автор провел анализ официальных документов, что позволило выявить место Центральной Азии во внешнеполитических приоритетах Китая.

Функциональный метод позволил показать роль и значение образования в дипломатических отношениях Китая и стран Центральной Азии. Культурологический подход помог автору в рассмотрении значения и характера влияния культуры на внешнюю политику Китая. Институциональный подход применялся для изучения взаимосвязей Китая и Центральной Азии в рамках международных организаций и объединений.

Использование сравнительно-политического подхода позволило определить схожие и отличительные черты внешней политики в сфере гуманитарного сотрудничества КНР и других государств в Центральной Азии. Важное значение для исследования имела также методика SWOT-анализа.

Эмпирическую базу исследования составили:

1. Официальные документы и материалы всех уровней властей КНР и стран Центральной Азии, касающиеся внешней политики, а также материалы международных организаций. В их число входят Белые книги по вопросам внешней политики¹⁶, План действий по образованию для инициативы ОПОП¹⁷,

¹⁶Белая книга «Китайская дипломатия». – Пекин: Министерство иностранных дел КНР, 2020.

¹⁷Education Action Plan for the Belt and Road Initiative / Ministry of Education of the People's Republic of China. 2016

доклад ЮНЕСКО «Переосмысление концепции образования: на пути к глобальному общему благу?»¹⁸ и так далее.

2. Заявления и выступления официальных лиц КНР и лидеров стран Центральной Азии, содержащие установки для основных направлений гуманитарного обмена Китая и Центрально-Азиатского региона.

3. Статистические справочники, в которые входят данные официальной статистики КНР (к примеру, Статистический доклад о международных студентах в Китае, подготовленный Министерством образования КНР¹⁹), а также отчеты международных организаций, таких как ООН, ШОС, Университетский альянс Шелкового Пути.

4. Публикации в китайских, российских, центральноазиатских и мировых СМИ, в частности, в таких изданиях, как Жэньминь жибао, China Daily, Синьхуа Новости, Шэньси жибао, China Education Daily, RUSSIAN.NEWS.CN, Российская газета, ТАСС, Sputnik Казахстан, КАВАР-Кыргызское национальное информационное агентство, «Газета.uz», «Большая Азия», informburo.kz, а также на официальных сайтах профильных ведомств и организаций.

Положения, выносимые на защиту:

1. Гуманитарная дипломатия представляет собой особый способ культурного обмена, который подчеркивает ценность человека и принимает за основу сотрудничество и неофициальные контакты в сфере культуры, спорта, туризма и прочих отраслях. Этот способ не только содержит универсальную ценность «ориентированности на людей», но и обладает персонифицированным оттенком китайской культуры. Это один из специфических компонентов общей дипломатии Китая на сегодняшний день, а также новый путь развития современной китайской дипломатии.

URL: <https://en.imsilkroad.com/p/314241.html> (дата обращения: 28.06.2023)

¹⁸ ЮНЕСКО. Переосмысление концепции образования: на пути к глобальному общему благу? URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000232555_rus (дата обращения: 28.06.2023).

¹⁹ 2018 年来华留学生简明统计。中国教育部国际合作与交流司, 2019 年。Statistical report on international students in China for 2018 / Ministry of Education of the People's Republic of China. 18.04.2019. URL: http://en.moe.gov.cn/documents/reports/201904/t20190418_378692.html (дата обращения: 28.06.2023).

2. Действие китайско-зарубежного гуманитарного обмена внесло огромный вклад в продвижение открытости Китая внешнему миру и способствовало культурным обменам и взаимному признанию цивилизаций в глобальном масштабе. В настоящее время и Китай, и Россия вовлечены в активный гуманитарный обмен со странами Центральной Азии, при этом «перевес» в образовательных обменах с данным регионом остается на стороне России.

3. В настоящее время основным противоречием между Китаем и странами Центральной Азии является дисбаланс и несоответствие между быстро развивающимися политическими и экономическими обменами, с одной стороны, и медленно развивающимися гуманитарными связями, с другой. Вторичное противоречие заключается в том, что при высокой интенсивности дружественных контактов между правительствами, взаимодействия на неофициальном уровне недостаточны.

4. В условиях возрастающей политической неопределенности в международных отношениях действия ШОС, инициативы «Один пояс – один путь» и институтов Конфуция сохраняют свою важность, оставаясь эффективными инструментами для баланса и координации взаимодействия между КНР и странами Центральной Азии, а также для политики по сохранению мира и безопасности в целях устойчивого развития.

5. Широкое взаимодействие КНР и стран Центральной Азии в сфере образования в современных геополитических условиях следует рассматривать как политический инструмент, который целесообразно использовать в качестве механизма противодействия установленным странами Запада ограничениям в отношении Китая. Приграничное взаимодействие КНР и стран Центральной Азии в сфере образования может рассматриваться как элемент общей системы китайско-центральноазиатских отношений в их новом формате. Наиболее значимые внутренние и внешние факторы, формирующие новую систему отношений – это отсутствие глубокого понимания между Китаем и странами

Центральной Азии, а также значительное отставание связей в сфере культуры от сотрудничества в сферах экономики и торговли.

6. Сравнительный анализ гуманитарной политики, проводимой крупными державами в Центральной Азии, показывает их стратегические позиции в данном регионе. Турция имеет культурные связи со странами региона, общее языковое происхождение и общую религию, но не может обеспечить прочное экономическое сотрудничество. Япония находится далеко от Центральной Азии и продвигает демократические ценности, но страны региона относятся к этому с настороженностью. Китай стремится применять гуманитарный обмен как средство улучшения своего имиджа в Центральной Азии и увеличения своего влияния и привлекательности. Хорошие межгосударственные отношения Китая со странами региона и быстрый рост экономического влияния Китая создают для этого много возможностей. Однако гуманитарная политика Китая в регионе в основном опирается на государственные институты и высшие эшелоны власти, а уровень народной (публичной) дипломатии не столь значительный. Россия конкурирует с Китаем в сфере гуманитарной политики в регионе. США стремятся расширять гуманитарные обмены с регионом для укрепления своего влияния, но сталкиваются со значительным недоверием.

Апробация результатов работы.

Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в 4 научных статьях, опубликованных в периодических научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук, в 1 статье, опубликованной в рецензируемом научном издании из Перечня ВАК, а также в 1 статье в сборнике научных трудов. Содержание и выводы диссертационного исследования нашли отражение в докладах на международных и всероссийских научных конференциях и круглых столах.²⁰

²⁰ Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 15–17 июня 2021г.; Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2022», Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 11–22 апреля 2022 г.; Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2023», Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 10–21 апреля 2023 г.

ГЛАВА 1: Теоретико-методологические основы анализа внешней политики КНР в сфере гуманитарного сотрудничества

1.1. Концептуальные и идеологические основы внешней политики КНР в сфере гуманитарного сотрудничества

Внешняя политика Китая, ее ключевые векторы, задачи и применяемый инструментарий традиционно привлекают большое внимание со стороны внешнего мира. После окончания «холодной войны» китайская публичная дипломатия «преследовала пять основных целей: (1) более активная пропаганда заявлений и утверждений китайского правительства внешнему миру, (2) формирование желательного имиджа государства, (3) предоставление опровержений к искажению зарубежных сообщений о Китае, (4) улучшение международной обстановки вокруг Китая и (5) оказание влияния на политические решения зарубежных стран»²¹.

В последние десятилетия одной из ключевых целей китайской публичной дипломатии изначально было смягчение образа страны на мировой арене и формирование представления о подъеме Китая как о «мягком подъеме», т.е. осуществляемом мирным путем, с помощью мира и ради мира. Руководство Китая также сделало акцент на важности подчинения национального образа государства в мире его национальным интересам²². Если в 1990-х гг. акцент ставился на концепте «многополярности», то в 2000-х гг. ему на смену пришла «дипломатия успокоения», в которой подчеркивались такие концепты, как «ответственная великая держава» [负责任大国], «политика добрососедства» [睦邻政策], «мирный подъем» [和平崛起], «мирное развитие» [和平发展] и

²¹ Wang Y. Public diplomacy and the rise of Chinese soft power // The annals of the American academy of political and social science. – 2008. – Vol. 616. – No 1. – Pp. 257-273. P. 268.

²² Hartig F. How China understands public diplomacy: The importance of national image for national interests // International Studies Review. – 2016. – Vol. 18. – No 4. – Pp. 655-680.

«гармоничный мир» [和谐世界]²³. Долгосрочная задача китайской публичной дипломатии «состоит в том, чтобы рассказать миру, как именно Китай будет использовать свою мощь после того, как его подъем будет завершен»²⁴. Чтобы глубже понимать публичную дипломатию Китая, сначала необходимо выделить и определить несколько важных терминов: мягкая сила, публичная дипломатия, гуманитарная дипломатия, а также проанализировать их интерпретацию руководством Китая.

Известный ученый Джозеф Най ввел в научный оборот собственно термин «мягкая сила» и посвятил целый ряд своих работ изучению этого явления²⁵. Най определяет власть как «способность влиять на поведение других для получения желаемых результатов»²⁶ и выделяет три способа осуществления такого влияния – через принуждение, через материальное поощрение и через привлечение и сотрудничество; последний способ и представляет собой «мягкую силу». Н. Сноу отмечает три основания, на которых может строиться преимущество той или иной страны в «мягкой силе»:

1. доступ к большему разнообразию каналов коммуникации, которые могут влиять на то, как то или иное событие подается в новостных сообщениях и аналитике глобальных масс-медиа;
2. большее соответствие национальной культуры преобладающим в мире культурным нормам и стандартам;
3. наличие у страны большего «кредита доверия» благодаря выбранной линии поведения во внутренних делах и на международной арене²⁷.

²³ Scott D. China's public diplomacy rhetoric, 1990–2012: Pragmatic image-crafting // *Diplomacy & Statecraft*. – 2015. – Vol. 26. – No 2. – Pp. 249-265.

²⁴ Wang Y. *Op.cit.* P. 258.

²⁵ Nye J. S. Soft power // *Foreign policy*. – 1990. – No 80. – Pp. 153-171. Nye Jr. J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: PublicAffairs, 2009. 208 p. Nye Jr J. S. Public diplomacy and soft power // *The annals of the American academy of political and social science*. – 2008. – Vol. 616. – No 1. – Pp. 94-109. Nye Jr J. S. Soft power and American foreign policy // *Political science quarterly*. – 2004. – Vol. 119. – No 2. – Pp. 255–270.

²⁶ Nye Jr J. S. Get Smart: Combining Hard and Soft Power // *Foreign Affairs*. 01.07.2009. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2009-07-01/get-smart> (accessed 23.08.2023)

²⁷ Snow N. *Rethinking Public Diplomacy in the 2020s* // *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. 2nd ed. / Ed. by N. Snow, N.J. Cull. – New York, N.Y.: Routledge, 2020. – Pp. 3–12. P. 5.

Термин «публичная дипломатия» в его современном значении ввел в употребление Э. Галлион; по сути он обозначал в положительном ключе то явление, которое в негативном ключе именуется в англоязычных обществах «пропагандой»²⁸. Отметим, однако, что в Китае термин «пропаганда» существует достаточно давно и не имеет отрицательных коннотаций, а термин «публичная дипломатия» является заимствованным²⁹. Исследователи иногда отмечают сложность разграничения понятий «мягкой силы» и публичной дипломатии; эта сложность хорошо заметна, например, в нижеследующих определениях:

публичная дипломатия «... рассматривает влияние общественного мнения на формирование и осуществление внешней политики. Она охватывает аспекты международных отношений, выходящих за рамки традиционной дипломатии; культивирование правительствами общественного мнения в других странах; взаимодействие частных групп и интересов в одной стране с другой; влияние на зарубежную политику; связь между теми, чья работа - общение, как дипломаты и иностранные корреспонденты; и процесс межкультурной коммуникации»³⁰;

при этом публичная дипломатия есть «совместная и согласованная деятельность государств и санкционированных государством субъектов, направленных на негосударственные группы в других странах с целью решения задач внешней политики»³¹.

Най отмечает, что публичная дипломатия имеет долгую историю как средство продвижения «мягкой силы» страны³². Дж. Закариас предлагает считать публичную дипломатию одним из инструментов осуществления «мягкой силы»³³. В настоящей работе мы придерживаемся этого терминологического разграничения. Китайская публичная дипломатия как инструмент реализации «мягкой силы» содержит в себе целый набор практических инструментов

²⁸ Cull N.J. *Public Diplomacy Before Gullion: The Evolution of a Phrase* // *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. 2nd ed. / Ed. by N.Snow, N.J. Cull. – New York, N.Y.: Routledge, 2020. – Pp. 13–18.

²⁹ Wang Y. *Op.cit.* P. 259.

³⁰ Cull N.J. *Public Diplomacy Before Gullion*. P. 13.

³¹ Sevin E. *Pathways of connection: An analytical approach to the impacts of public diplomacy* // *Public Relations Review*. – 2015. – Vol. 41. – No 4. – P. 562–568. P. 563.

³² Nye Jr J. S. *Public diplomacy and soft power*.

³³ Zacharias G. *China's Public Diplomacy: Evolution, Challenges, and the Greek Case* // *Journal of Liberty and International Affairs*. – 2021. – Vol. 6. – No 3. – Pp. 79–89.

меньшего масштаба – это и «панда-дипломатия»³⁴, и проведение масштабных международных мероприятий (к примеру, Олимпийских игр в 2008 и 2022 гг., Всемирной выставки World Expo в 2010 г. в Шанхае)³⁵, и открытие «фабрик мысли» по совершенствованию образа страны на международной арене³⁶, и развитие сети Институтов Конфуция в разных странах мира³⁷, и интернационализация китайских СМИ (в том числе появление китайских масс-медиа, пишущих и вещающих на английском языке)³⁸, и присутствие в глобальных социальных сетях (особенно в сети Твиттер (X)* - заблокирована на территории РФ за нарушение ФЗ)³⁹, и многие др. меры. Активно используется такой инструмент, как обмен визитами высокого уровня⁴⁰. Чрезвычайно важный инструмент в контексте темы данного диссертационного исследования – реформы в сфере образования в целом, направленные на привлечение иностранных студентов, и, в частности, введение целого ряда различных стипендий для таких студентов – это стипендия правительства Китая и стипендии правительств провинций, стипендия Министерства торговли, стипендия Китайской академии наук (CAS), президентская стипендия Всемирной академии наук (TWAS), а также стипендия Конфуция и собственные стипендии разных университетов. Помимо стипендий,

³⁴ Hartig F. Panda diplomacy: The cutest part of China's public diplomacy // *The Hague Journal of Diplomacy*. – 2013. – Vol. 8. – No 1. – Pp. 49–78. Huang Z. A., Wang R. 'Panda engagement' in China's digital public diplomacy // *Asian Journal of Communication*. – 2020. – Vol. 30. – No 2. – Pp. 118–140.

³⁵ Cull N. J. The public diplomacy of the modern Olympic Games and China's soft power strategy // *Owning the Olympics: Narratives of the new China* / Ed. by M.E.Price, D.Dayan. – Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2008. – Pp. 117–144. Grix J., Lee D. Soft power, sports mega-events and emerging states: The lure of the politics of attraction // *Global society*. – 2013. – Vol. 27. – No 4. – Pp. 521–536.

³⁶ Li H. Y., Wong S. The evolution of Chinese public diplomacy and the rise of think tanks // *Place Branding and Public Diplomacy*. – 2018. – Vol. 14. – Pp. 36–46. Menegazzi S. Chinese think tanks and public diplomacy in the Xi Jinping era // *Global Society*. – 2021. – Vol. 35. – No 3. – Pp. 373–394.

³⁷ Hartig F. Chinese public diplomacy: The rise of the Confucius Institute. – New York, NY: Routledge, 2015. – 204 p.

³⁸ Sun W. Slow boat from China: public discourses behind the 'going global' media policy // *Cultural Diplomacy: Beyond the National Interest?* / Ed. by I. Ang, Y. Isar, P. Mar. – New York, NY: Routledge, 2018. – Pp. 46–64. Rawnsley G. D. Chinese international broadcasting, public diplomacy and soft power // *Routledge handbook of Chinese media* / Ed. by G. D. Rawnsley, M.T.Rawnsley. – New York, NY: Routledge, 2015. – Pp. 460–475.

³⁹ Guo J. Crossing the "great fire wall": a study with grounded theory examining how China uses Twitter as a new battlefield for public diplomacy // *Journal of Public Diplomacy*. – 2021. – Vol. 1. – No 2. – Pp. 49–74. Thunoe M., Nielbo K.L. The initial digitalization of Chinese diplomacy (2019–2021): establishing global communication networks on Twitter // *Journal of Contemporary China*. – 2024. – Vol. 33. – No 146. – Pp. 244–266. Huang Z. A., Wang R. Building a network to "tell China stories well": Chinese diplomatic communication strategies on Twitter // *International Journal of Communication*. – 2019. – Vol. 13. – Pp. 2984–3007.

⁴⁰ Об эффективности этого инструмента см., например: Goldsmith B. E., Horiuchi Y., Matush K. Does public diplomacy sway foreign public opinion? Identifying the effect of high-level visits // *American Political Science Review*. – 2021. – Vol. 115. – No 4. – Pp. 1342–1357.

иностранные студенты могут становиться участниками исследовательских проектов и получать финансовую поддержку из средств таких проектов⁴¹.

Что касается гуманитарной дипломатии, она отличается от иных концепций, но до сих пор в академических кругах не существует строгого определения этого термина. Фу Си Нянь возводит зарождение гуманитарных ценностей в Китае к периоду Чуньцю (770 – 476/403 гг. до н.э.) и полагает, что из Китая через арабский мир гуманитарные идеи распространились в Европу в эпоху Возрождения⁴². Всеобщая декларация прав человека ООН ознаменовала собой правовое оформление и «официальную» интернационализацию гуманитарных ценностей, что стало, по сути, фундаментальной реализацией гуманитарной мысли.

Гуманитарная дипломатия представляет собой особый способ культурного обмена с зарубежными странами, который подчеркивает ценность человека и принимает за основу сотрудничество и неофициальные контакты в сфере культуры, спорта, туризма и прочих отраслях⁴³. С точки зрения концепции, он не только содержит универсальную ценность «ориентированности на людей», но и представляет один из специфических компонентов общей дипломатии Китая на сегодняшний день, а также новый путь развития современной китайской дипломатии. В Китае гуманитарная дипломатия получила новый виток развития при Си Цзиньпине, когда правительство Китая стало активно способствовать решению гуманитарных проблем, включая чрезвычайные ситуации (к примеру, проблемы сирийских беженцев⁴⁴, проблема непальцев, пострадавших от стихийного бедствия⁴⁵ и т.д.).

⁴¹ Latief R., Lefen L. Analysis of Chinese government scholarship for international students using analytical hierarchy process (AHP) //Sustainability. – 2018. – Vol. 10. – No 7. – P. 2112.

⁴² 傅斯年《性命古训辨证》，2006，广西师范大学出版社，182页。(Фу Си Нянь. Диалектика древнего жизненного девиза. – Гуанси: Издательство Гуансийского педагогического университета, 2006. – 182 с.).

⁴³ Bogatyreva O. Humanitarian diplomacy: Modern concepts and approaches //Herald of the Russian Academy of Sciences. – 2022. – Vol. 92. – Suppl 14. – Pp. S1349-S1366. Felfeli A. Humanitarian diplomacy //The Palgrave handbook of diplomatic thought and practice in the digital age / Ed. by F. Onditi, K. McLarren, G. Ben-Nun, Y.A. Stivachtis, P. Okoth. – Cham: Springer International Publishing, 2023. – Pp. 173–199.

⁴⁴ Gong L. Humanitarian diplomacy as an instrument for China's image-building // Asian Journal of Comparative Politics. – 2021. – Vol. 6. – No 3. – Pp. 238–252.

⁴⁵ Lin P. China's evolving humanitarian diplomacy: Evidence from China's disaster-related aid to Nepal // Asian Journal of Comparative Politics. – 2021. – Vol. 6. – No 3. – Pp. 221–237.

Для достаточно глубокого и детального рассмотрения гуманитарной дипломатии Китая, необходимо, в первую очередь, разобраться в интерпретации гуманитарных наук и гуманитарных ценностей в традиционной китайской культуре. Истоки древнекитайского гуманитарного духа, проявляющегося в виде основы выстраивания взаимоотношений между человеком и природой, человеком и обществом, человеком и богами, личной нравственностью и желаниями, можно проследить до династии Западного Чжоу. Термин «гуманитарная наука» впервые появился в Книге «И цзин»: «Наблюдайте за астрономией, чтобы понять изменения во временных рядах; наблюдайте за человеческим обществом, чтобы сделать мир гармоничным и единым»⁴⁶. Значительную роль в основании древнекитайской гуманитарной мысли сыграло конфуцианство. Четыре классических конфуцианских произведения «Луньей» 论语, «Мэнцзы» 孟子, «Дасюе» 大学, «Чжуньюн» 中庸, а также пять классических произведений «Чжоуи» 易经, «Шу-цзин» 书经, «Шицзин» 诗经, «Лицзи» 礼记, «Чуньцю» 春秋⁴⁷, которые часто называют «четыре книги и пять канонов», систематически и в полной мере описывают китайский гуманитарный дух. Именно эти книги отражают многие аспекты гуманитарного духа Конфуция, такие как восстановление социальной этики и порядка с помощью мысли о праведности на социальном уровне; стремление к личному индивидуальному нравственному совершенствованию, нравственному поведению и нравственной личности с помощью идеи доброжелательности на моральном уровне; обсуждение и размышления о смысле жизни личности, социальной ценности и конечном предназначении с точки зрения небес.

Конфуций оказал значительное влияние на идеологию и культуру в Китае и даже за его пределами. Он создал школу конфуцианства, ядром которой была “доброжелательность”, а также способствовал созданию частных школ и передаче знаний. Конфуций был не только выдающимся мыслителем, но и

⁴⁶ Hon, Tze-ki. The Yijing and Chinese Politics: Classical Commentary and Literati Activism in the Northern Song Period, 960–1127. – Albany: State University of New York Press, 2005. – 217 p.

⁴⁷ Nylan M. The Five "Confucian" Classics. – New Haven: Yale University Press, 2001. – 416 p.

великим педагогом и социальным деятелем. Конфуцианство стало важной составляющей мировой мысли и культуры. Лео Штраус отмечал:

«Великие мыслители, к которым мы должны прислушиваться – это определенно не только великие идеи Запада»⁴⁸.

«Только когда мы сможем учиться у Востока, особенно у Китая, мы сможем надеяться превзойти технологическое мировое общество; мы можем надеяться на создание истинного мирового общества»⁴⁹.

Безусловно, китайский даосизм и буддийская культура также оказали влияние на формирование китайского гуманитарного духа. Основным способ мышления восточной культуры – это синтез. С философской точки зрения это воплощено как своего рода мысль о «единстве природы и человека». Чжан Цзая в книге «Симин» отметил наиболее яркое выражение этой мысли⁵⁰. В индийской философии также существует концепция под названием “Брахма подобен единому”, которая передает сходные идеи. Иными словами, многие восточные культуры подчеркивают, что человек и природа – друзья, а не противники, и не следует говорить о покорении природы.

Можно наблюдать, что гуманитарная дипломатия и гуманитарный дух неразрывно связаны. В нынешнее время общепринято считать, что гуманитарный дух означает необходимость устанавливать людей на первое место, отражать человеческие ценности, обладая при этом различными историческими формами. Интенсивное продвижение гуманитарной дипломатии заключается в применении гуманитарного духа к взаимодействию с зарубежными державами для достижения собственных дипломатических целей.

Внешняя политика Китая также отличалась в разные периоды, и каждый период выдвигал свои требования к форме и наполнению дипломатической

⁴⁸ 刘小枫:《施特劳斯与古典政治哲学》,上海三联书店出版社,2002 年版,第 291 页。(Лю Сяофэн. Штраус и классическая политическая философия. – Шанхай: Издательство книжного магазина Shanghai Sanlian, 2002. – 291 с.)

⁴⁹ 赵常庆《中亚五国新论》,昆仑出版社(Чжао Чанцин. Знакомство с пятью странами Центральной Азии. – Пекин, б.и., 2014. – 456 с.)

⁵⁰ 余源培.《哲学辞典》.上海辞书出版社。(Юй Юаньпэй. Философский словарь. – Шанхай: Шанхайское издательство словарей, 2009. – 501 с.)

деятельности, адаптированной к особенностям времени. Эти мысли раскрывают контекст развития китайской гуманитарной дипломатии.

*Дэн Сяопин: Концепция и политика открытости внешнему миру*⁵¹.

Согласно взгляду Дэн Сяопина, сегодняшний мир – открытый мир. В целях содействия строительству социалистической модернизации он решил проводить политику открытости внешнему миру, активно реализовывать равноправное и взаимовыгодное экономическое сотрудничество со странами по всему миру, в полной мере использовать международные и внутренние ресурсы и рынки, впитывать и извлекать уроки из всех достижений других стран. Дэн Сяопин предположил, что при рассмотрении национальных отношений следует ориентироваться на собственные долгосрочные стратегические интересы, а не уделять слишком много внимания различиям в социальных системах и идеологиях. Он выступал за поддержание контактов со всеми странами. Данные глубокие идеи, адаптированные к новой ситуации, направляли дипломатию китайского правительства и народную дипломатию, позволяя ей преодолеть искусственные ограничения, избавиться от идеологических пут и быстро сформировать новую ситуацию в дипломатической работе.

*Цзян Цзэминь: Новый взгляд на безопасность*⁵²

В начале 1990-х годов ситуация в мире кардинально изменилась, холодная война полностью закончилась, интернациональная политика приобрела многополярный характер, и мир вступил в эпоху экономической и информационной глобализации. Уже после окончания холодной войны отношение стран всего мира к пониманию силы поменялось, от акцента на военную мощь в прошлом она перешла к приоритезации всеобъемлющей национальной мощи с экономикой в качестве ядра, а также начала уделять

⁵¹ 桑东华.邓小平的和平思想及其时代意义[J].马克思主义与现实 (Санг Донхуа. Мысль Дэн Сяопина о мире и ее значении в "Таймс" // Марксизм и реальность. – 2020. – № 03. – С. 156–161). DOI:10.15894/j.cnki.cn11-3040/a.2020.03.021.

⁵² 王红续.中国共产党领导人的外交理念及其文化渊源[J].当代世界 (Ван Хонсюнь. Дипломатическая философия лидеров Коммунистической партии Китая и их культурное происхождение // Современный мир. – 2011. – № 08. – С. 11–15).

внимание мягкой силе с культурой и моралью в качестве ядра, равно как и общественному мнению.

В то же время, когда ситуация в мире претерпела фундаментальные изменения, всеобъемлющая национальная мощь Китая стремительно увеличилась, а его интернациональный статус улучшился как никогда прежде. Тем не менее Китай также сталкивается со серьезными вызовами и давлением со стороны международного общественного мнения. В течение данного периода китайское правительство реализовывало плодотворную двустороннюю и многостороннюю дипломатию. Лидеры Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао шли в ногу со временем, глубоко задумались над этим новым опытом и выдвинули ряд новых концепций, в том числе “новую концепцию безопасности”, “Дипломатию для народа”, “Гармоничный мир” и так далее. Основной вопрос, на который должны ответить эти новые идеи, заключается в том: когда Китай превратится в мировую державу, как он сможет привнести большой вклад в развитие человечества и содействовать построению наилучшего мира?

Цзян Цзэминь основывался на мысли Дэн Сяопина на тему эры мира и развития и установления нового международного политического и экономического режима, а также уделял внимание тенденции мировой многополярности, возможностям и вызовам, порождаемым экономической глобализацией. Он подчеркивал необходимость признания и уважения разнообразия мира и выступал за то, чтобы разнообразные цивилизации и общественные режимы, сосуществуя в течение длительного времени, извлекали уроки из сильных сторон друг друга в конкурентных сравнениях и компенсировали свои недостатки. Он также придавал большое значение культурной дипломатии и публичной дипломатии, делая акцент на распространении традиционной китайской культуры, и уделял особый интерес прямому общению с зарубежной общественностью путем оказания влияния на средства массовой информации, для того чтобы изменить их предубеждения против Китая и сформировать хороший международный имидж КНР.

Ху Цзиньтао: Новая концепция “гармоничного мира”

После того, как Ху Цзиньтао стал генеральным секретарем Центрального комитета Коммунистической партии Китая, в 2003 году он официально предложил и обнародовал Концепцию «Путь мирного развития», показав миру, что Китай решительно отказывается от пути войны, по которому следовали другие страны в истории в процессе своего подъема, но непоколебимо выбирает путь мирного развития. В китайской интерпретации концепции мирного развития отметили: “Китай должен стремиться к созданию мирной международной обстановки для собственного развития и содействовать миру своим собственным развитием; полагаться на собственные силы, реформы и инновации для достижения развития, настаивая при этом на открытости внешнему миру; соответствовать развитию тенденций экономической глобализации и стремиться к достижению взаимной выгоды, бесприигрышного и общего развития со всеми странами»⁵³. Китай настаивает на гармоничном развитии внутри страны и мирном развитии за ее пределами. Эти два направления представляют собой единое целое. Реализация Китаем «Пути мирного развития» направлена на то, чтобы тесно увязать интересы китайского народа с общими интересами народов мира.

На саммите ООН по случаю 60-й годовщины создания организации (15.09.2005) Ху Цзиньтао выступил с речью «Приложить усилия по созданию гармоничного мира на основе прочного мира и совместного процветания», где выразил готовность Китая «строить совместно с другими странами справедливый и разумный новый международный политический и экономический порядок». На XVII-м съезде КПК (15–21 октября 2007 г.) концепция «гармоничного мира» была включена в отчётный доклад председателя КНР Ху Цзиньтао, став одной из официальных идеологических установок обновлённой редакции Устава КПК и получив статус важной

⁵³ White Paper on China's Peaceful Development Road. – Beijing: Information Office of the PRC State Council, 2011. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284646.htm (дата обращения: 28.06.2023).

стратегической идеи и концепции. С этого времени концепцию построения гармоничного мира можно считать официальной внешнеполитической концепцией.

Важно подчеркнуть, что Ху Цзиньтао внес крупные новшества в концепцию дипломатии, применив идеи о народном главенстве (конфуцианская идея о том, что основу общества составляет народ), «осуществлении правления во имя народа» и «ориентированности на людей» к международным связям и выдвинув новую концепцию «дипломатии для народа»⁵⁴. В июле 2009 года он выступил со значимой речью на Одиннадцатой встрече послов за рубежом, впервые подчеркнув важность укрепления общественной дипломатии и гуманитарной дипломатии, запуска различных форм деятельности по культурному обмену за рубежом и активного распространения китайской культуры.

*Си Цзиньпин: Дипломатия великой державы с китайской спецификой в новую эпоху – Сообщество единой судьбы человечества*⁵⁵

Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин впервые предложил на рабочем совещании ЦК по иностранным делам в 2014 году, что Китай должен обладать уникальной дипломатией великой державы. Во время встречи высокопоставленных лидеров КПК в конце 2014 года Си Цзиньпин подчеркнул важность международного общения для Китая, сказав: «Мы должны увеличить мягкую силу Китая, давать хорошее повествование о Китае и лучше доносить послание Китая миру»⁵⁶.

В 2017 году в отчете 19-го съезда Коммунистической партии Китая четко предлагалось всесторонне продвигать дипломатию великой державы с китайской спецификой, которая должна быть увязана с руководящей идеологией

⁵⁴ 王红续. 中国共产党领导人的外交理念及其文化渊源[J]. 当代世界 (Ван Хонсюнь. Дипломатическая философия лидеров Коммунистической партии Китая и их культурное происхождение // Современный мир. – 2011. – Т. 08. – С. 11–15).

⁵⁵ 中央编译出版社(Си Цзиньпин. О создании сообщества единой судьбы человечества. 2021). URL: <http://ebook.dswxyjy.org.cn/storage/files/20220615/8f36b3ce8be4f8ea9ff8c0c9f50bea0438944/mobile/index.html> (дата обращения: 28.06.2023)

⁵⁶ Xi eyes more enabling int'l environment for China's peaceful development / People Daily. 30.11.2014. URL: <http://en.people.cn/n/2014/1130/c90883-8815967-3.html> (accessed 06.04.2024).

и стратегическим развертыванием социализма с китайской спецификой. На рабочем совещании ЦК по иностранным делам в 2018 году Си Цзиньпин подчеркнул, что Китай должен содействовать прогрессу человечества, реформированию и совершенствованию глобального управления и твердо защищать честность и правосудие в международных делах.

Китай выдвинул концепцию построения Сообщества единой судьбы человечества, которую можно считать одним из мощнейших ресурсов его «мягкой силы» и долгосрочным планом его развития в целом⁵⁷. С одной стороны, она неразрывно связана с наследием древних китайских мыслителей, их идеями о «единой судьбе» народов и космополитизме ценностей (концепции «Поднебесная принадлежит всем» и «Великое единение мира»⁵⁸, «Гармония наивысшая ценность», «Единство между небом и человеком»⁵⁹), восходящими еще к Лао Цзы и Конфуцию. С другой стороны, она вносит новые идеи в марксизм XXI века⁶⁰. Для реализации этой концепции Китай использует множество каналов, в том числе связанных непосредственно с личностью Си Цзиньпина как автора концепции – например, дипломатию первого лица⁶¹.

Помимо того, Китай также выступает за реализацию инициативы «Один Пояс, Один Путь», которую можно рассматривать как глобализацию по-китайски⁶². Китай подписал документы о сотрудничестве со 149 странами и 32 международными организациями. Эта инициатива берет свое начало из Концепции Экономического пояса Шелкового пути, которую Си Цзиньпин

⁵⁷ Верченко А. Л. Продвижение Китаем идеи «сообщества единой судьбы человечества» // Восточная Азия: факты и аналитика. – 2020. – №. 1. – С. 6–18.

⁵⁸ Семенов А. В., Цвык А. В. К вопросу о понятии и интерпретации концепции "сообщества единой судьбы человечества" // Общество и государство в Китае. – 2019. – Т. 49. – №. 1. – С. 547–554.

⁵⁹ Бояркина А. В., Печерица В. Ф., Мефодьева С. А. Традиционная культура Китая в контексте концепции «сообщества единой судьбы для человечества» // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2018. – Т. 24. – №. 8. – С. 56–64.

⁶⁰ Печерица В. Ф., Бояркина А. В. Концепция Си Цзиньпина «Сообщество единой судьбы человечества»: от идеи до практического воплощения. – М.: ООО ДиректМедиа, 2023. – 232 с. Бояркина А. В., Печерица В. Ф. Концепция Си Цзиньпина "Сообщество единой судьбы человечества" – вклад в творческое развитие марксизма в XXI веке // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2020. – №. 4 (55). – С. 104–112.

⁶¹ Верченко А. Л. Китайская концепция «сообщества единой судьбы человечества» и дипломатия первого лица // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2022. – №. 27. – С. 71–83.

⁶² Бояркина А. В. Китайская инициатива «Пояс и путь» в контексте концепции Си Цзиньпина «Сообщество единой судьбы человечества» // Theories and Problems of Political Studies. – 2020. – №. 9. – С. 120–126.

представил в сентябре 2013 года во время своей поездки по государствам Центральной Азии. На тот момент концепция имела «пять основных направлений: политическое сотрудничество между странами на будущем Шелковом пути; модернизация физической инфраструктуры на территории Евразии; упрощение процедур торговли и либерализация; содействие финансовому сотрудничеству, включая торговлю в местных валютах; контакты между населением стран Шелкового пути»⁶³.

Китай играет значительную роль в международных делах, регулярно выдвигая инициативы в сфере глобального развития и глобальной безопасности. От форума ООН до Всемирного экономического форума в Давосе, от Пекинского саммита АТЭС до Саммита «Группы двадцати» в Ханчжоу, от реагирования на Эболу до борьбы с пандемией коронавируса Китай играл ведущую роль в международных делах⁶⁴.

Выдвинутая Си Цзиньпином концепция дипломатии великой державы с китайской спецификой обладает огромным значением в деле развития гуманитарной дипломатии. 27 марта 2014 года в штаб-квартире ЮНЕСКО Си Цзиньпин выступил с важной речью, подчеркнув, что «цивилизации богаты благодаря взаимному обучению. Цивилизационный обмен и взаимное обучение являются важной движущей силой, способствующей прогрессу человечества и установлению мира во всем мире».⁶⁵

Принцип "ориентированности на людей" и концепт "гармоничного мира" отражают возрождение традиционного гуманитарного духа Китая на сегодняшнем этапе. Таким образом, гуманитарная дипломатия также обладает свойством "гармонии" в качестве своей основной ценности и отличается от традиционной дипломатии, такой как политическая дипломатия, экономическая

⁶³ 习近平在纳扎尔巴耶夫大学的演讲：《弘扬人民友谊 共创美好未来》，新华社，2013年9月8日。7 сентября 2013 года председатель КНР Си Цзиньпин выступил в казахстанском ВУЗе "Назарбаев университет" с речью "Развитие дружбы народов ради прекрасного будущего" / Синьхуа. 8 сентября 2013 года.

⁶⁴ 王毅：全面推进中国特色大国外交。人民日报//2022-11-08. Ван И. Всесторонне продвигать дипломатию великих держав с китайской спецификой / Жэньминь жибао. 08.11.2022.

⁶⁵ 习近平：文明交流互鉴是推动人类文明进步和世界和平发展的重要动力。求是 2019年第9期. Си Цзиньпин: Цивилизованные обмены и взаимное обучение являются важной движущей силой для содействия прогрессу человеческой цивилизации и установлению мира во всем мире // В поисках истины. – 2019. – №. 9. – С. 3.

дипломатия и военная дипломатия. Магистр синологии Чжан Дайнянь однажды сравнил концепты “единства неба и человека”, “ориентированности на людей”, “многообещающей энергичности” и “благородного монаха” в качестве основных в традиционной китайской культуре⁶⁶. Эти идеи тысячелетиями влияли на понимание китайцами человечества, природы и окружающего мира. С укреплением национальной мощи Китая эти концепты китайской традиционной культуры активно используются в конкретных дипломатических операциях. В определенной степени активное продвижение Китаем “гуманитарной дипломатии” направлено на продвижение традиционного китайского гуманитарного духа, и это уникальный вклад Китая в мировую культуру и международное сообщество.

В настоящее время мир является многокультурным, и культура считается ключевой составляющей построения мягкой силы государства. Вклад культуры во внешнеполитическую деятельность может быть весьма значительным – передача культурной продукции, воплощающей в себе ценности и идеологии, через национальные границы, может влиять и изменять концепции и установки обычных людей в иных странах, так что они смогут осознавать, принимать и даже поддерживать политику и действия государства с другими ценностями и идеологиями. Можно заключить, что китайская дипломатия сочетает в себе культурные концепты древнего Китая с принципами современной философии, и именно из этого сочетания проистекают ответы на основные вопросы мирного развития, такие как “как смотреть на мир сегодня?”, “Как разрешать различные противоречия и конфликты?” и “Как постепенно способствовать реализации цели гармоничного мира?”, за счет чего формируются принципы и методы дипломатической деятельности с уникальными китайскими особенностями, в том числе построения Сообщества единой судьбы человечества.

⁶⁶ 张岱年,方克立.中国文化概论[M].北京:北京师范大学出版社 (Чжан Дай Нянь, Фан Кели. Введение в китайскую культуру. Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 2004).

1.2. Центральная Азия в системе внешнеполитических приоритетов КНР

Китай и Центральную Азию соединяют давние и глубокие политические, экономические, культурные и исторические связи, которые насчитывают более двух тысяч лет. Административное управление Западными регионами Китая восходит к династии Западная Хань и продолжается до династии Цин. В ходе этого длительного исторического отрезка времени Китай и Западный край⁶⁷ разделялись и объединялись вновь много раз. Юрисдикция Китая над Западным краем изменялась; территория, которую он контролировал, менялась, увеличивалась или уменьшалась, на нее также нередко оказывали большое влияние войны. Впрочем, в любом случае, Западный край большую часть времени был подвластным китайским династиям или являлся их вассалом. Профессор Ма Дачжэн обобщил политику центрального правительства Китая в отношении приграничных регионов на протяжении веков и отметил, что стабильность связей поддерживались при помощи заключения династических браков и проведения политики умиротворения, а также особенностей административного управления и размещения военных гарнизонов⁶⁸.

Главным интересом и важнейшей целью Китая в Центральной Азии всегда было обеспечение безопасности и бесперебойности транспортных маршрутов. Речь идет не только о путях из Центральных равнин в Западный край, но и о путях из Западного края в Южную Азию, Западную Азию и Европу, игравших важную роль во внешней торговле и политической культуре Китая. К историческим торговым путям из Китая в Южную Азию, Западную Азию, Средиземноморье и Европу относится Шелковый путь, представлявший собой не один канал, а сеть из множества маршрутов. Следует отметить, что данный великий канал, соединяющий Евразию, в то время не имел официального

⁶⁷ Принятое в китайских исторических хрониках наименование регионов, расположенных западнее заставы Юймэньгуань; Центральная Азия.

⁶⁸ 马大正:《马大正文集》,上海辞书出版社,2005年版,第504-505页(Ма Дачжэн. Коллекция текстов Ма Да. – Шанхай: Шанхайское словарное издательство, 2005. – С. 504–505).

названия. Оно появилось позже – предположительно, было предложено в книге немецкого географа Лихтхофена «Китай. Результаты собственных путешествий», в которой он впервые ввёл термин «Великий шёлковый путь»⁶⁹.

Однако в XX столетии связь между Китаем и Центральной Азией была нарушена. После образования СССР Центральная Азия была включена в состав территории Советского Союза и стала закрытой внутренней территорией. Это привело к значительному ослаблению значения Центральной Азии в национальной концепции и внешней политике Китая, и интерес Китая к Центральной Азии также заметно снизился. Советско-китайская дружба оказала влияние на отношения между Китаем и Центральной Азией, что привело к прерыванию исторической связи почти на столетие. В то же время Центральная Азия также претерпела глубокие изменения за последние 100 лет, что привело к определенной степени отчужденности Китая от этого региона не только географически, но и политически, культурно, социально. Только в конце XX века история отношений Китая и Центральной Азии начала возобновляться.

В 1991 году, после распада Советского Союза, центральноазиатские страны одна за другой провозгласили свою независимость, и Китай начал устанавливать дипломатические отношения с этими странами. В начале периода утверждения взаимоотношений были проведены обсуждения по пограничным вопросам, было положено начало долгосрочному сотрудничеству во многих областях, таких как безопасность, военная сфера, экономика и торговля, энергетика и транспорт. По отношению к странам Центрально-Азиатского региона Китай применяет как многостороннюю дипломатию (с опорой преимущественно на ШОС), так и двустороннюю.

Дипломатические ресурсы Китая в Центральной Азии основаны в том числе и на геополитических преимуществах (непосредственное соседство со странами региона, обуславливающее целесообразность выстраивания отношений с Китаем для этих стран с точки зрения как дипломатических интересов, так и

⁶⁹ Richthofer F.F. von. China, Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegründeter Studien (China: The results of my travels and the studies based thereon). 5 vols. – Berlin: D. Reimer, 1877–1912.

потребностей в безопасности). Однако величайший дипломатический ресурс Китая заключается в его мощной экономической силе, которая, наряду с политикой внешней помощи, обуславливает привлекательность Китая для развивающихся государств⁷⁰, в том числе центральноазиатских.

Что касается определения статуса Центральной Азии, необходимо отметить, что в архитектуре китайской дипломатии существует три основных уровня: междержавные отношения, отношения с сопредельными государствами и отношения с развивающимися странами. Эти три концепции составляют вертикальные координаты внешней политики Китая. Помимо этого, дипломатия Китая также имеет горизонтальные координаты, определяемые основной внешней стратегией Китая и неотложными стратегическими вопросами, требующими решения. В частности, национальная безопасность, соблюдение экономических интересов страны, решение тайваньского вопроса и обеспечение энергоснабжения являются основными целями, преследуемыми китайской дипломатией.

С точки зрения горизонтальных координат Центрально-Азиатский регион расположен на северо-западе Китая, а не на главных стратегических направлениях Китая – востоке и юге. Тем не менее, это не означает, что Центральная Азия не важна для Китая, наоборот, Центральная Азия располагается высоко в иерархии приоритетов китайской дипломатии, особенно в сфере нетрадиционной безопасности и энергетики⁷¹.

С точки зрения вертикальных координат, центральноазиатские государства включены в сферу дипломатических отношений Китая с развивающимися странами. Однако важно отметить, что в случае совпадения концепции китайской периферии и концепции развивающихся стран, приоритет отдается первой. Действительно, Китай в основном рассматривает страны Центральной Азии не как развивающиеся государства, но как государства сопредельные. С

⁷⁰ Plater-Zyberk H. Who's Afraid of SCO? Conflict Studies Research Centre. – Shrivenham: Defence Academy of the United Kingdom, 2007. – 11 p. – P. 5.

⁷¹ 赵华胜《中国的中亚外交》，北京：时事出版社（Чжао Хуашэн. Дипломатия Китая в Центральной Азии. – Пекин, 2008. – 473 с.)

точки зрения периферийных дипломатических отношений Китая, Центральная Азия, как один из важных регионов вокруг Китая, обладает незаменимым и непреложным значением для китайской дипломатии.

Политика Китая в Центральной Азии формируется на следующих основаниях и принципах:

1. общее стратегическое мышление и принципы китайской дипломатии;
2. политика Китая по отношению к территориям, составляющим его периферию;
3. основные интересы Китая в Центральной Азии;
4. учет специфических особенностей Центральной Азии.

Принципы реализации стратегии и политики Китая в Центральной Азии можно кратко выразить следующим образом:

1. мирное развитие в качестве макро-ориентира;
2. построение гармоничного региона в качестве базовой концепции;
3. развитие двусторонних отношений с государствами региона в качестве основной опоры;
4. отношения между великими державами в качестве важного рычага;
5. использование ШОС как многосторонней платформы.

Профессор Чжэн Биджянь резюмировал китайскую теорию пути мирного развития и отметил, что путь Китая не приведет к “американской мечте” и “европейской мечте”, так как Китай не полагается на разграбление заморских ресурсов, не может осуществлять колонизацию и не участвует в гонке вооружений с другими странами, основной целью развития Китая является благо народа. Китай придерживается принципов мира и развития, сотрудничает со всеми странами для построения гармоничного мира, основанного на прочном мире и общем процветании⁷². У Китая есть только «китайская мечта», которая заключается в мирном возвышении, достижении процветания и создании

⁷² White Paper on China's Peaceful Development Road. – Beijing: Information Office of the PRC State Council, 2011. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284646.htm (дата обращения: 28.06.2023).

современной социалистической страны к 2049 году. Ее реализация не ограничена национальными границами Китая, но подразумевает, что у Китая есть три «исторические миссии» – модернизация; воссоединение Родины и мир во всем мире; общее развитие всех наций. При этом, хотя Си Цзиньпин задумал проект в масштабе всего земного шара, он подчеркивает, что здесь не подразумевается навязывания китайских норм и ценностей другим народам. Что делает Китай уникальным, так это осознание культурной преемственности на протяжении последних 5000 лет, и это осознание становится центральным инструментом китайской мягкой силы⁷³. Диалог между Китаем и международным сообществом может осуществляться через посредство участия бурно развивающегося Китая в глобальном управлении.

Западные ученые выделяют несколько этапов в строительстве взаимоотношений Китая и стран Центральной Азии в первые два десятилетия после распада СССР. В первой половине 1990-х годов в фокусе внимания Китая находилось подписание договоров о демаркации и демилитаризации границ. Во второй половине 1990-х и начале 2000-х годов его целью было создание системы коллективной безопасности посредством Шанхайской организации сотрудничества, а также освоение китайской промышленностью центральноазиатских рынков. С 2005 года Пекин ищет оптимальные способы продвижения своего языка и культуры, а также начинает обучать центральноазиатскую элиту по китайской модели⁷⁴.

Характер политики Китая в Центральной Азии таков: мир, сотрудничество, неконфронтация. Однако зарубежные академические круги имеют свое собственное понимание стратегии Китая в Центральной Азии. Существует мнение, что главной целью Китая в Центральной Азии является установление контроля и доминирования в этом регионе и превращение Центральной Азии в свою собственную сферу влияния для эффективного контроля над ситуацией в

⁷³ Jiménez-Tovar S., Lavička M. Folklorized politics: how Chinese soft power works in Central Asia // *Asian Ethnicity*. – 2020. – Vol. 21. – No 2. – Pp. 244-268. P. 246-247.

⁷⁴ Peyrouse S. Discussing China: sinophilia and sinophobia in Central Asia // *Journal of Eurasian Studies*. – 2016. – Vol. 7. – No 1. – С. 14-23.

Синьцзяне, обеспечения энергетической безопасности и «подавления либеральных и демократических вызовов на своей периферии»⁷⁵. Это мнение полностью вписывается в традицию негативного образа Китая в западных медиа, рассматривающих китайское государство как 1) политико-идеологическую угрозу; 2) военно-стратегическую угрозу и 3) как торгово-экономическую угрозу⁷⁶. Очевидно, что данная точка зрения полностью противоречит представлению Китая. Более того, китайские управленцы высшего уровня неоднократно высказывались о том, что на Западе сложилось искаженное представление о Китае, и именно инструменты публичной дипломатии должны быть использованы для того, чтобы это исправить и помочь международному сообществу подлинно понять Китай⁷⁷. Более того, отношения между Пекином и Москвой в Центральной Азии часто изображаются Западом как враждебные. В реальности же, хотя два актора и стремятся каждый к укреплению своего влияния, но параллельно они разработали интеллектуальные и бюрократические рамки для удовлетворения взаимных интересов, включая идеи «связывания» ОПОП с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС)⁷⁸. К тому же изображение центральноазиатских государств как пассивных реципиентов китайской и российской политики некорректно и далеко от истины; они осуществляют собственную активную мультивекторную внешнюю политику⁷⁹.

В последние годы политические связи Китая со странами Центральной Азии укрепились и интенсифицировались. С 2019 года китайские лидеры посещают страны Центральной Азии почти каждый год, и частота визитов лидеров стран этого региона в Китай также увеличилась. Кроме того, в рамках многосторонних

⁷⁵ Blank S. J. Dragon Rising: Chinese Policy in Central Asia // American Foreign Policy Interests. – 2011. – Vol. 33. – No 6. – Pp. 261–272.

⁷⁶ Hartig F. How China understands public diplomacy: The importance of national image for national interests // International Studies Review. – 2016. – Vol. 18. – No 4. – Pp. 655–680. P. 664.

⁷⁷ Q. Zhao, How China Communicates: Public Diplomacy in a Global Age (Beijing: Foreign Language Press, 2012). Rawnsley G.D. Communicating Confidence. China's Public Diplomacy // Routledge Handbook of Public Diplomacy. 2nd ed. / Ed. by N. Snow, N.J. Cull. – New York: Routledge, 2020. – P. 284–300.

⁷⁸ Gabuev A. Crouching bear, hidden dragon: “One Belt one Road” and Chinese-Russian jostling for power in Central Asia // Journal of Contemporary East Asia Studies. – 2016. – Vol. 5. – No 2. – P. 61–78. P. 61.

⁷⁹ Kazantsev A., Medvedeva S., Safranchuk I. Between Russia and China: Central Asia in Greater Eurasia // Journal of Eurasian Studies. – 2021. – Vol. 12. – No 1. – Pp. 57–71.

диалоговых механизмов, таких как СВМДА⁸⁰, саммит G20 и саммит ШОС лидеры Китая и стран Центральной Азии провели множество встреч по укреплению двусторонних отношений.

Темпы роста общего объема китайской торговли со странами Центральной Азии превышают таковые с США и Россией. Китай стал основным торговым партнером Казахстана и важнейшим экспортером, а также вторым по значимости торговым партнером Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана. В частности, объем торговли между Китаем и странами Центральной Азии в период с 2014 по 2020 год подробно представлен в Таблице 1.

Таблица 1. Статистические данные об объеме торговли между Китаем и пятью странами Центральной Азии, 2014–2020 гг. (единица измерения: 100 млн долл. США)

	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Казахстан	224,52	142,9	130,98	179,43	198,85	219,9	214,3
Кыргызстан	52,98	43,41	56,77	54,24	56,1	63,47	29
Таджикистан	25,16	18,47	17,56	13,48	15,1	16,75	10,63
Туркменистан	104,71	86,43	59,02	69,43	76,51	91,17	65,15
Узбекистан	42,76	34,96	36,15	42,21	64,28	76,2	64,3
Итого	450,12	326,17	300,48	358,79	410,84	467,49	383,38

(Источник: Составлено автором на основе данных отдела по торгово-экономическим вопросам Посольства Китайской Народной Республики в Республике Казахстан⁸¹)

Что касается сотрудничества в сфере образования, в первую очередь, необходимо остановиться на численности обучающихся из стран Центральной Азии в России, Китае и США. Число таких обучающихся в России намного

⁸⁰ Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии.

⁸¹ 中国与中亚五国年贸易额, 中华人民共和国商务部. Объем торговли между Китаем и пятью странами Центральной Азии / Официальный сайт Министерства коммерции КНР. 19.03.2020. URL: <http://kz.mofcom.gov.cn/article/zhhz/202003/20200302946566.shtml> (дата обращения: 28.06.2023).

превышает их количество в Китае и США, при этом число обучающихся из Казахстана выше, чем из других четырех стран, что отражает две тенденции:

1. студенты из Центральной Азии более склонны выбирать Россию для обучения за границей;

2. Казахстан более активен в гуманитарном обмене, чем другие страны Центральной Азии. Статистические данные по количеству обучающихся из пяти стран Центральной Азии в США, России и Китае в 2018 году представлены в Таблице 2 ниже.

Таблица 2. Статистические данные о количестве иностранных студентов в США, России и Китае (2018; единица измерения: количество человек)

Страны	США (2018 年新入学人数)	Россия (2018 年在籍总数)	Китай (2018 年在籍总数)
Казахстан	1865	86447	11784①
Кыргызстан	227	15600	4600+②
Таджикистан	222	34763	3000+③
Туркменистан	234	-	2000+④
Узбекистан	570	34203	-
Итого	3118	171013+	21384+

Источник: Составлено автором на основе данных Министерства образования КНР.

Россия оказывает огромное влияние на сферу образования в пяти странах Центральной Азии. В целом обучающиеся из стран СНГ составляют 3/4 от общего числа иностранных обучающихся в России. К примеру, более 40 000 студентов в Казахстане ежегодно выбирают обучение за границей, из них более 10 000 студентов отправляются в Россию⁸². Западные ученые пишут по этому поводу следующее: «Хотя мягкая сила Пекина в Центральной Азии растет, она по-прежнему не может конкурировать с присутствием российских СМИ в регионе или с тем фактом, что российские университеты, особенно в Сибири, остаются более популярными, чем китайские, хотя количество студентов из

⁸² Посол Казахстана в России: Среди казахов растёт популярность российских вузов / Редакция портала «Русский мир», 2018.12.24. URL: https://ruskiymir.ru/news/250663/?sphrase_id=913162 (дата обращения: 28.06.2023)

Центральной Азии, обучающихся в китайских университетах, зачастую получающих огромные стипендии от китайского правительства, находится на подъеме»⁸³.

Увеличение общего влияния Китая в Центральной Азии в большей степени зависит от экономической и политической сферы. Будучи крупной и динамично развивающейся экономикой, Китай оказывает сильное экономическое влияние на соседние страны и всю Азию в целом. Однако Китай и государства Центральной Азии, как уже отмечалось выше, в значительной степени утратили связь в советский период центральноазиатской истории, и они возобновляли связи недолго (лишь с 1990-х гг.), в результате чего исторический фундамент отношений между этими сторонами оказывается сейчас довольно слабым. Население центральноазиатских стран имеет очень ограниченное представление о Китае, и у них есть предубеждения по отношению к Китаю. Кроме того, для молодого поколения в Центральной Азии политическая культура и социокультурная привлекательность Китая невелики. Западные ученые утверждают, что Китай продолжает восприниматься значительной частью населения стран Центральной Азии как проблема, особенно в вопросах, связанных с культурой и идентичностью; «в аналитических центрах и академических кругах понимание ситуации экспертами в целом гораздо более критично, чем у их политических лидеров»⁸⁴. Критическое восприятие подпитывается тревогой и обеспокоенностью по поводу молчания, культивируемого властями в отношении партнерства с Пекином, и нехватки информации о реальном влиянии Китая в регионе.

⁸³ Stronski P., Ng N. Cooperation and Competition. Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic. – Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2018. – P. 9.

⁸⁴ Laruelle M., Peyrouse S. The 'Chinese Question' in Central Asia. Domestic Order, Social Changes and the Chinese Factor. – London, New York: Hurst and Columbia University Press, 2012. – 478 p.

1.3. Сотрудничество в области образования как приоритет внешней политики КНР в сфере гуманитарного сотрудничества

Гуманитарная дипломатия является важным фундаментом дипломатической стратегии Китая в новую эпоху. Особенно в последние годы китайско-зарубежный гуманитарный обмен углубился и стал одним из столпов дипломатии Китая, играющим важную роль во внешней политике китайского государства в целом⁸⁵.

Одной из трех важных задач китайской дипломатии является укрепление гуманитарной дипломатии. В новом издании Белой книги «Китайская дипломатия»⁸⁶ было четко указано, что с 2009 года Китай будет прилагать все усилия для продвижения гуманитарной дипломатии и активно расширять сотрудничество и неофициальные контакты с зарубежными странами в области культуры, спорта, туризма и т.д., при этом используя мирные средства для достижения этой цели. Среди них сотрудничество в области образования является жизненно важным аспектом.

В июле 2017 года Китай принял документ под названием «Несколько идей об укреплении и улучшении гуманитарного обмена между Китаем и зарубежными государствами»⁸⁷, который служит в качестве руководящей идеологии и основополагающего принципа гуманитарной политики Китая. Так, в данном документе указывается, что гуманитарный обмен является важной частью внешней политики Китая, важным способом укрепления основ

⁸⁵ 教育部国际合作与交流司中外人文交流机制办公室. 交流互鉴合作共赢——中外高级别人文交流机制综述. 神州学人, 2016 年第 5 期. (Департамент международного сотрудничества и обменов Министерства образования КНР. Управление китайско-иностранного механизма культурного обмена. Обмен, взаимное обучение, сотрудничество и беспроигрышная ситуация – Краткое описание механизма культурных обменов высокого уровня между Китаем и зарубежными странами // Ученые из Шэньчжоу. – 2016. – № 5.

⁸⁶ Белая книга «Китайская дипломатия». – Пекин: Министерство иностранных дел КНР, 2020.

⁸⁷ 中华人民共和国中央人民政府. 中共中央办公厅 国务院办公厅印发《关于加强和改进中外人文交流工作的若干意见》. Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. Главное управление Государственного совета, аппарат Центрального комитета Коммунистической партии Китая. Несколько заключений об укреплении и улучшении культурных обменов между КНР и США / Официальный сайт Центрального народного правительства Китайской Народной Республики. 21.12.2017. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2017-12/21/content_5249241.htm (дата обращения: 28.06.2023).

общественного мнения в международных отношениях и повышения уровня открытости Китая внешнему миру.

Приняв Повестку на период до 2030 года в сентябре 2015 года, мировое сообщество признало тот факт, что образование является ключом к достижению всех 17 Целей устойчивого развития. В частности, согласно 4-й Цели, предусматривается обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех.

Можно подчеркнуть, что члены международного сообщества, в том числе и Китай, практически единодушны в понимании важности образования, декларируя весьма амбициозные обязательства на среднесрочную и долгосрочную перспективу, и не только показали свою готовность к совместной работе по реализации 4-й Цели ООН в области устойчивого развития, но и приняли и в целом успешно начали реализовывать национальные программы и стратегии в области образования.

Учитывая этот статус-кво, Китай сформулировал программу «Модернизация образования Китая до 2035 года»⁸⁸, которая направлена на решение нерешенных проблем и слабых звеньев в области образования. Основываясь на текущей ситуации и ориентируясь на будущее развитие, программа фокусируется на стратегических задачах модернизации образования, таких, как:

- создание нового механизма для повышения открытости международного образования;
- всестороннее повышение уровня международного сотрудничества, а также содействие взаимному признанию академических квалификаций и степеней, обмену стандартами и взаимному изучению опыта между Китаем и другими странами;
- активное продвижение образовательного проекта ОПОП;

⁸⁸ 中共中央国务院印发《中国教育现代化 2035》[N]. 人民日报, 2019-02-24(001). ЦК КПК и Государственный совет опубликовали "Программу модернизации образования Китая до 2035 года" / Жэньминь Жибао, 24.02.2019.

- укрепление сотрудничества с ЮНЕСКО и другими международными организациями;
- повышение качества китайско-зарубежной связи в управлении школами;
- создание и совершенствование механизма гарантий качества подготовки зарубежных обучающихся;
- содействие созданию механизма гуманитарного обмена высокого уровня между Китаем и зарубежными странами;
- способствование развитию Институтов Конфуция и аудиторий Конфуция;
- строительство международных школ с китайской спецификой, поощрение профессиональных колледжей и университетов к созданию «Мастерских Лу Баня» за рубежом;
- активное участие в глобальном управлении образованием, в исследованиях и разработке международных образовательных правил, стандартов и систем оценки;
- содействие образовательному сотрудничеству с международными организациями и профессиональными институтами; усовершенствование механизма оказания помощи в получении образования за рубежом.

Можно сказать, что приведенный выше перечень охватывает все ключевые направления сотрудничества Китая с зарубежными государствами в области образования. Подготовка программы «Модернизация образования Китая до 2035 года» является практическим действием Китая по активному участию в глобальном управлении образованием и выполнению своих обязательств по Повестке дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года, а также по внесению китайской мудрости, китайского опыта и китайских программ в развитие мирового образования.

Китайский ученый Чжоу Гупин предлагает внедрить концепцию «образовательной дипломатии»⁸⁹, которая относится к реализации дипломатических целей посредством образовательного сотрудничества. Он отмечает, что образовательная дипломатия, по сути, представляет собой часть внешнеполитической деятельности, и ее суть заключается в поддержании основных дипломатических принципов Китая.

Основные характеристики образовательной дипломатии:

1. Сообщаемость

Прежде всего, образование выполняет уникальную функцию подготовки кадров, в то время как образовательная дипломатия фокусируется на достижении целей посредством гуманитарного обмена. По сравнению с другими дипломатическими методами образовательная дипломатия в большей степени способна преодолевать национальные, этнические, культурные, религиозные и региональные барьеры, осуществлять международные обмены и способствовать формированию Сообщества единой судьбы человечества.

2. Гибкость

Гибкость образовательной дипломатии в основном отражается в двух аспектах. Прежде всего, на микроуровне образовательная дипломатия может использовать различные гибкие методы воспитания и преподавания, чтобы глубоко воздействовать на когнитивные способности и эмоции молодого поколения посредством терпеливой, кропотливой работы. Во-вторых, на макроуровне образовательная дипломатия не призвана служить или даже подчиняться краткосрочным интересам. Она может игнорировать сиюминутные выгоды и потери, выигрыши и утраты без учета вмешательства конкретных политических событий, так что общая ситуация дипломатии предоставляет больше возможностей и пространства для маневрирования.

3. Свойство народного благосостояния

⁸⁹ 周谷平,韩亮. “一带一路”倡议与教育外交[J]. 比较教育研究, 2018, № 4.: 3-9. (Чжоу Гупин, Хань Лян. Инициатива «Один пояс — один путь» и образовательная дипломатия // Сравнительные исследования в области образования. – 2018. – № 4. – С. 3–9).

Дипломатия – типичная концепция высокого уровня. Образовательная дипломатия вносит очевидный вклад в социальное благополучие и оказывает положительное внешнее влияние на развитие людей на протяжении всей жизни. Это отражается на стоимости инвестиций и добавленной стоимости человеческих ресурсов.

4. Свойство долговечности

Сфера образования обладает отличительными характеристиками, такими как медленнодействующая периодичность, ориентированность на будущее и плавность накопления ресурса образования у индивидов. Образование не может быть измерено краткосрочными коммуникационными эффектами и количественными показателями, и оно даже может не показать каких-либо выдающихся результатов в краткосрочной перспективе, для полной демонстрации его эффекта часто требуются десятилетия.

Фактически, многие крупные страны мира используют те или иные инструменты зрелой образовательной дипломатии – к примеру, программа Фулбрайта в США и Болонский процесс Европейского союза, которые сосредоточены на международном сотрудничестве в области высшего образования. Россия также активно продвигает свою собственную политику сотрудничества в области образования. В этих условиях Китай активно осуществляет международное сотрудничество в области образования с другими странами.

Успешная реализация международного сотрудничества в области образования требует не только общих целей, но и наличия у партнеров консенсуса относительно стратегического направления и конкретных шагов для его достижения. Кроме того, между сотрудничающими сторонами должна быть создана атмосфера взаимного доверия и сотрудничества, а также должна

существовать стабильная материальная основа для поддержки устойчивого развития сотрудничества⁹⁰.

Цзян Бо отметил, что сотрудничество в области образования является важной формой и каналом обмена между странами, а также важной основой для долгосрочного здорового развития⁹¹. Образовательное сотрудничество – это практика применения концепции сотрудничества в сфере образования и важная составляющая «мягкой силы», способствующая интеграции различных культур в духе инклюзивности, а также культурной диверсификации развития. По словам Чэнь Цзю, международное и региональное сотрудничество в области высшего образования постоянно расширяется, и сфера сотрудничества становится все более обширной, включая не только изучение языков и культурные обмены, облегчающие поликультурное и межэтническое взаимодействие между представителями разных государств, но и интернационализацию технологических исследований и разработок в других областях⁹². Инструментарий образовательного сотрудничества не ограничивается совместным управлением школами, но может включать межвузовские соглашения о сотрудничестве, стимулирование академической мобильности, партнерские соглашения и программы по образовательным обменам (в том числе бюджетное квотирование определенного числа мест в вузах для студентов из стран-партнера)⁹³, программы обмена для преподавателей⁹⁴, разработку

⁹⁰ 蔡新宇,高书丽.中国与俄语区国家教育合作意愿研究[J].国家教育行政学院学报.(Цай Синью, Гао Шули. Исследование готовности сотрудничества в сфере образования Китая и русскоязычных стран // Журнал Национальной академии управления образованием. – 2020. – № 02. – С. 107).

⁹¹ 江波.教育合作是中国-东盟命运共同体的重要支柱[J].中国高等教育,(Цзян Бо. Сотрудничество в области образования является важной опорой Китайско-асианского сообщества единой судьбы // Высшее образование в Китае. – 2016. – № 18. – С. 18–19).

⁹² 陈举.我国新疆与中亚五国高等教育合作发展的机遇与路径选择——基于“全球国家地方”框架的分析[J].教育探索 (Чен Чжу. Перспективы и выбор путей развития сотрудничества в области высшего образования между Синьцзяном и пятью странами Центральной Азии – анализ, основанный на концепции “Глобального, национального и местного” // Образовательное исследование. – 2016. – № 02. – С. 85–89).

⁹³ Ефремова Л. И. О российско-китайском сотрудничестве в области образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т. 17. – №. 4. – С. 857–865. Юшкова Л. А., Неборская В. В. Международное сотрудничество в области высшего образования (на примере российских и немецких университетов) // Мир науки. Педагогика и психология. – 2016. – Т. 4. – №. 4. – С. 34.

⁹⁴ Пруцких Т. А., Пруцких А. А. Развитие российско-китайского сотрудничества в сфере образования (на примере Байкальского государственного университета) // Российско-китайские исследования. – 2019. – Т. 3. – №. 1. – С. 42–48.

совместных образовательных программ⁹⁵, выдачу двойных дипломов, расширение преподавания языка страны-партнера (с получением методической и педагогической поддержки из страны-партнера)⁹⁶, совместные исследования, проектное сотрудничество, и т.д., способствуя интеграции образовательных ресурсов и повышая международную конкурентоспособность образования в сотрудничающих странах⁹⁷. Можно сказать, что положительное влияние образовательного сотрудничества на гуманитарную дипломатию очевидно.

Хотя формы международного сотрудничества Китая в области образования разнообразны, в целом их можно свести к трем основным моделям сотрудничества:

1. Международный обмен кадрами

Международный обмен кадрами является наиболее важной формой международного образовательного сотрудничества, занимающей доминирующее положение.

2. Международный обмен проектами

Международный обмен проектами может осуществляться в очном, дистанционном или смешанном режимах. Наиболее типичным примером является Институт Конфуция.

3. Международный обмен институтами

Подобный обмен часто осуществляется путем подключения тех или иных организаций к международным проектам для предоставления соответствующих образовательных услуг в странах-партнерах в физической или виртуальной форме, часто через зарубежные филиалы, корпоративные университеты и другие

⁹⁵ Ли В., Баранова И. И. Совместные образовательные программы китайских университетов с российскими вузами: состояние, тенденции и перспективы // *Terra Linguistica*. – 2017. – Т. 8. – №. 1. – С. 134–141.

⁹⁶ Глебова Л. Н. Современные формы организации международного сотрудничества в сфере высшего образования // *Наука и школа*. – 2016. – №. 4. – С. 52–59. Баранова И. И. Международное сотрудничество в продвижении русского языка и русской культуры за рубежом // *Вопросы методики преподавания в вузе*. – 2018. – Т. 7. – №. 26. – С. 8–16.

⁹⁷ 辛越优, 阚阅. “一带一路”倡议下的高等教育合作: 国家图像与推进战略[J]. 高等教育研究, (Синь Юэю, Кан Юэ. Сотрудничество в области высшего образования в рамках инициативы ОПОП: национальная стратегия имиджа и продвижения // *Исследования в области высшего образования*. – 2018. – Т. 39. – № 05. – С. 101–109).

специфические формы (такие, как Университет ШОС и Альянс университетов Шелкового пути⁹⁸).

Можно сказать, что посредством международного сотрудничества в области образования можно в значительной степени преодолеть различия между культурами или цивилизациями, углубить взаимопонимание между людьми разных стран и еще больше укрепить узы дружбы между странами, что соответствует не только гуманитарным дипломатическим интересам Китая, но и общим интересам человечества.

Подводя итоги анализа образовательной политики Китая на фоне инициативы «Один пояс, один путь», можно заключить, что суть образовательной дипломатии соответствует основным интересам внешней политики Китая: способствовать общению и взаимопониманию между различными культурами или цивилизациями. Конкретные идеи китайской образовательной дипломатии постепенно влияют на направление нынешней практической внешней политики КНР.

⁹⁸ Гурулева Т. Л., Бедарева Н. И. Сотрудничество России и Китая в области создания сетевых университетов и совместных образовательных учреждений // Высшее образование в России. – 2019. – №. 4. – С. 108–123.

ГЛАВА 2: Основные направления сотрудничества в сфере образования между Китаем и странами Центральной Азии

2.1. Развитие сотрудничества в сфере образования между Китаем и Казахстаном, Узбекистаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Туркменистаном

После обретения независимости пять центральноазиатских стран начали активную работу по интеграции в международное сообщество. Для этого требовалось развивать сотрудничество с другими государствами в целом, в том числе в сфере образования, что означало необходимость идти по пути интернационализации высшего образования.

В первоначальный период установления дипломатических отношений сотрудничество между Центральной Азией и Китаем в основном было сосредоточено на вопросах безопасности и торговли. С развитием экономического сотрудничества важность гуманитарного обмена, в том числе в сфере образования, также становилась все более очевидной. Далее будет проанализирован статус развития сотрудничества в области образования между Китаем и каждой из пяти стран этого региона по очереди.

Сотрудничество в сфере образования между Китайской Народной Республикой и Казахстаном

Сотрудничество в области образования является одним из основных направлений развития китайско-казахстанских отношений⁹⁹. Нормативную базу такого сотрудничества составляет, в первую очередь, Соглашение между Министерством образования и науки Республики Казахстан и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования, подписанное в Астане 3 июня 2003 года¹⁰⁰. В данном документе раскрывались три основных направления сотрудничества – административное («обмен информацией о системе образования и реформах, проводимых в образовательной сфере, учебными и учебно-методическими материалами»¹⁰¹), языковое («содействие изучению и распространению государственных языков государств Сторон»¹⁰²) и собственно обмен студентами, преподавателями, аспирантами и стажерами. Оговоренные в документе масштабы эквивалентного академического обмена были невелики – стипендии, предусмотренные в рамках данного соглашения, могли получать не более 20 казахстанских студентов для обучения в Китае ежегодно; столько же стипендий получали китайские студенты для обучения в Казахстане¹⁰³. Впоследствии это число было увеличено до 100¹⁰⁴. Однако заслуживает внимания сам факт того, что такие обмены были упомянуты в качестве одного из ключевых направлений образовательного сотрудничества двух государств. После заключения данного Соглашения последовал целый ряд межвузовских и иных соглашений об обмене студентами. В 2010 году количество студентов из Казахстана, обучавшихся в Китае по всем

⁹⁹ 王雪梅，海力古丽·尼牙孜．哈萨克斯坦高等教育国际化发展研究 [J]．比较教育研究 (Ван Сюэмэй, Хелигули Ниязи. Анализ развития интернационализации высшего образования в Казахстане // Сравнительное исследование в области образования. – 2016. – Т. 319. – №8. – С. 7–17).

¹⁰⁰ Постановление Правительства Республики Казахстан от 25 апреля 2003 года N 405 «О подписании Соглашения между Министерством образования и науки Республики Казахстан и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P030000405_ (дата обращения 20.04.2024).

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Jumakulov Z., Ashirbekov A. Higher education internationalization: Insights from Kazakhstan //Hungarian Educational Research Journal. – 2016. – Vol. 6. – No 1. – Pp. 35–55. P. 39.

¹⁰⁴ Постановление Правительства Республики Казахстан от 6 ноября 2007 года N 1040 «Об утверждении Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов образования и ученых степенях». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P070001040_ (дата обращения 23.08.2023)

видам программ (государственных, корпоративных, самофинансируемых), составило 7874 человека¹⁰⁵.

Важно отметить и то, что данное постановление положило начало соглашению о взаимном признании документов об образовании¹⁰⁶. В 2007 году было подписано и вступило в силу Соглашение между правительством Республики Казахстан и правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях¹⁰⁷.

В Казахстане действует целый ряд программ, рассчитанных на поддержку международной студенческой мобильности, некоторые связанные с ней показатели установлены в качестве КРІ в документах, определяющих стратегии развития образования. Правительство Казахстана финансирует ряд бездипломных программ академической мобильности; что касается дипломных программ, наиболее важной здесь является программа «Болашак» (дипломные программы и стажировки)¹⁰⁸. Эта программа стартовала в 1993 году и была нацелена на предоставление стипендий талантливым молодым казахстанцам для получения образования высокого уровня за рубежом¹⁰⁹. Актуальность программы была обусловлена фундаментальными политическими и экономическими трансформациями, которые начинались в получившем независимость Казахстане – для успешного прохождения этих трансформаций требовались квалифицированные кадры. За первые 20 лет функционирования программы стипендиальную поддержку получили около 9,5 тыс. бакалавров, магистров и аспирантов¹¹⁰. С 2011 года программа была переориентирована на

¹⁰⁵ Serikkaliyeva A. E., Nadirova G. E., Saparbayeva N. B. Educational migration from Kazakhstan to China: Reality and prospects // *Integration of Education*. – 2019. – Vol. 23. – No 4. – Pp. 504–517.

¹⁰⁶ Duseikina A.B., Ashinova Zh.Y. China-Kazakhstan: cooperation and innovation in education as part of the belt and road initiative // *Journal of Oriental Studies*. – 2020. – Vol. 93. – No 2. – Pp. 26–33. P. 29.

¹⁰⁷ Постановление Правительства Республики Казахстан от 6 ноября 2007 года N 1040 "Об утверждении Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях". URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P070001040> (дата обращения 23.08.2023).

¹⁰⁸ Jumakulov Z., Ashirbekov A. Op.cit. P. 39.

¹⁰⁹ Perna L. W., Orosz K., Jumakulov Z. Understanding the human capital benefits of a government - funded international scholarship program: An exploration of Kazakhstan's Bolashak program // *International Journal of Educational Development*. – 2015. – Vol. 40. – Pp. 85–97.

¹¹⁰ 盛宁.“一带一路”倡议下中哈两国高等教育合作探析[J].文学教育(下) (Шэн Нин. Анализ сотрудничества в области высшего образования между Китаем и Казахстаном в рамках инициативы ОПОП // Литература и

подготовку специалистов по приоритетным национальным направлениям в аспирантуре отдельных университетов¹¹¹. Прогрессивные университеты Китая подключились к этой программе еще в 2006-2007 гг., однако в настоящее время ее роль в китайско-казахстанском сотрудничестве в сфере образования невелика – так, в 2022 году по программе «Болашак» в Китае обучалось лишь трое студентов из Казахстана (для сравнения, в Великобритании – 253 студента, в США – 630, в России – 24)¹¹².

Применительно к получению высшего образования в Китае «Болашак» является, конечно же, далеко не единственной возможностью для молодых казахстанцев. Китай выбирает значительная доля казахстанских студентов, решивших обучаться за рубежом – однако большинство таких студентов выбирают все же Россию (17,6 тыс. против 100 тыс. в 2018 году по данным Министерства образования Китая)¹¹³. Что касается образовательных специальностей, в первую очередь, востребованы различные гуманитарные специальности, а также те, что связаны с нефтегазовой отраслью, информационными технологиями, инженерным делом, строительством и транспортом. Весьма популярны программы, связанные с изучением китайского языка – их популярность обусловлена в значительной степени тем, что на это направление Китай выделяет большое число стипендий для иностранных студентов¹¹⁴.

Как видно из таблицы 3, количество учащихся из Казахстана в Китае достигло без малого 14 тыс. человек в 2016 году, что почти в 8 раз больше, чем 781 в 2005 году. Инициатива ОПОП значительно увеличила число обучающихся из Казахстана в Китае. По данным Казинформа (Казахстанского международного информационного агентства), в 2014 году из более чем 45 000

образование. – 2020. – Vol. 10. – Pp. 121–123. DOI:10.16692/j.cnki.wxjyx.2020.10.055.)

¹¹¹ Jumakulov Z., Ashirbekov A. Op.cit.

¹¹² Болашак. 2022. Годовой отчет о деятельности / Официальный сайт программы «Болашак». URL: <https://bolashak.gov.kz/storage/app/media/Godovye%20Otchety/%20%D0%A6%D0%9C%D0%9F%202022.pdf> (дата обращения 15.01.2024).

¹¹³ Serikkaliyeva A. E., Nadirova G. E., Saparbayeva N. B. Op.cit.

¹¹⁴ Там же.

студентов из Казахстана почти 12 000 выбрали обучение в Китае, что составляет около 27%¹¹⁵. Китай находится на втором месте по численности контингента казахстанских студентов после России.

Таблица 3. Число иностранных студентов в Китае (2004–2018 гг.)

Год	Казахстан	Узбекистан	Кыргызстан	Таджикистан	Туркменистан	Итого
2004	386	176	129	40	23	754
2005	781	109	248	66	31	1235
2006	1825	244	562	140	49	2820
2007	3827	340	1157	332	91	5747
2008	5666	467	1324	554	271	8282
2009	6497	582	1283	539	547	9448
2010	7874	764	1441	923	928	11930
2011	8287	996	1901	1189	1123	13496
2012	9565	1347	2513	1398	1602	16425
2013	11165	1805	3115	1944	2089	20118
2014	11764	2192	3163	2015	2002	21136
2015	13198	2450	3232	2309	1967	23156
2016	13996	3129	3247	2606	2147	25125
2017	14224	4171	4154	3282	2601	28432
2018	11784	6323	4614	4007	3157	29885

Источник данных:¹¹⁶.

¹¹⁵ Koshanova S., Rakisheva B. Some aspects of migration for educational purposes from the Republic of Kazakhstan to the People's Republic of China // Central Asia's Affairs. – 2016. – Vol. 62. – No 2. – Pp. 12–27.

¹¹⁶ 2018 年来华留学生简明统计。中国教育部国际合作与交流司, 2019 年。Statistical report on international students in China for 2018 / Ministry of Education of the People's Republic of China. 18.04.2019. URL: http://en.moe.gov.cn/documents/reports/201904/t20190418_378692.html (дата обращения: 28.06.2023).

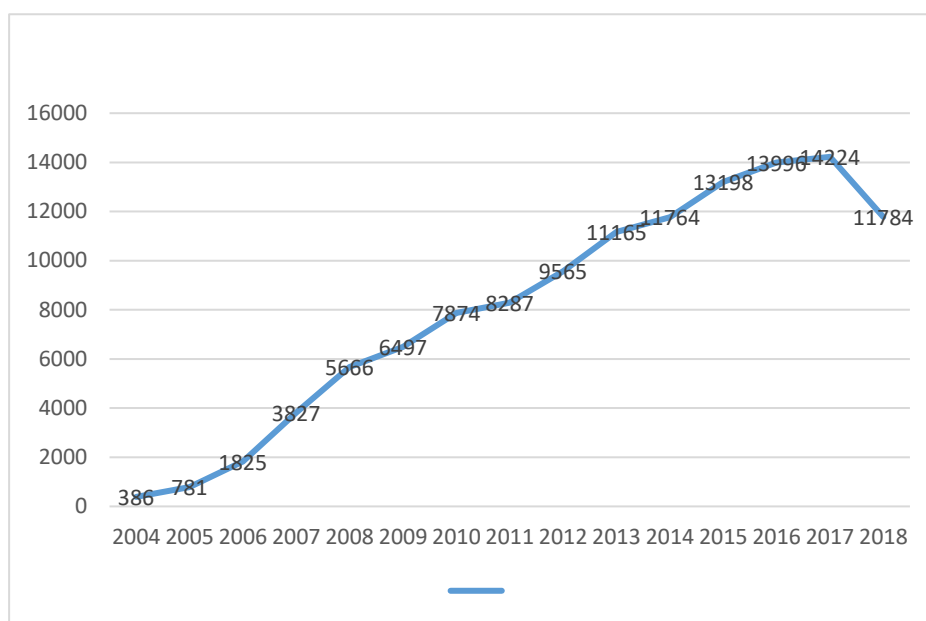

Рис 1. Число иностранных студентов из Казахстана, обучающихся в Китае, чел., 2004–2018 гг.
Источник данных: см. Таблицу 1.

Можно видеть, что популярность обучения в Китае среди казахстанских студентов неуклонно росла в течение практически всего периода, для которого имеются необходимые данные. Одним из наиболее значимых факторов такого быстрого роста являлся, несомненно, экономический и геополитический подъем Китая, на фоне которого относительно невысокая стоимость обучения в китайских вузах открывала перед выпускниками перспективы трудоустройства в китайских или совместных предприятиях с более высокими зарплатами¹¹⁷. В этом плане показательны результаты социологического обследования, проведенного в Казахстане в 2012 году – 12 процентов респондентов сами были готовы учиться в Китае, а 18 процентов хотели, чтобы образование в каком-либо из китайских вузов получили их дети; в Алматы эти показатели были значительно выше – 17% и 32% соответственно¹¹⁸.

Мотивациям казахстанских студентов, обучающихся в Китае, было посвящено более позднее исследование 2016–2018 годов, и среди названных

¹¹⁷ Sadovskaya E. Educational Migration from Kazakhstan to China: A Shift Eastward? / The Central Asia – Caucasus Analyst. 30.10.2013. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/field-reports/item/12843-educational-migration-from-kazakhstan-to-china-a-shift-eastward?html> (accessed 20.01.2024).

¹¹⁸ Ibid.

респондентами причин привлекательности китайского образования первое место занимало именно значительное количество разнообразных стипендий. Отмечались также динамичный рост китайской экономики и более выигрышные перспективы трудоустройства по окончании вуза благодаря наличию китайского диплома и знанию китайского и английского языков. Почти половина опрошенных отметила удобные условия для иностранных студентов в Китае и почти столько же – относительно невысокую стоимость жизни в Китае в целом и обучения в вузе, в частности. При этом почти 30% опрошенных выиграли ту или иную китайскую стипендию¹¹⁹. В Китае существует даже несколько казахстанских студенческих ассоциаций, объединяющих студентов вузов 9 китайских городов (Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, Сиа, Урумчи, Далянь, Ухань, Сямэнь, Цзыбо)¹²⁰.

Однако сотрудничество между Китаем и Казахстаном в области образования имеет и определенные ограничения – так, к примеру, оно осуществляется не на всей территории Китая, а в основном в Синьцзяне, Ганьсу и других местах, близких к Казахстану. Кроме того, практически отсутствует такое направление сотрудничества, как учреждение в Казахстане филиалов китайских вузов или совместных китайско-казахстанских вузов.

Тем не менее, Казахстан создал и активно развивает свою школу китаеведения¹²¹. В Казахстане растет интерес к изучению китайского языка, одного из официальных языков ООН¹²². Уже по состоянию на середину 2010-х гг. Синьцзянский сельскохозяйственный университет, Синьцзянский педагогический университет и Йили педагогический университет открыли три центра китайского языка в Астане и Алматы, развивая возможности для

¹¹⁹ Serikkaliyeva A. E., Nadirova G. E., Saparbayeva N. B. Op.cit.

¹²⁰ Duseikina A.B., Ashinova Zh.Y. Op.cit.

¹²¹ Muratbekova A. Sinology in Kazakhstan: Past and Present //Вестник КазНУ. Серия Востоковедения. – 2022. – Т. 102. – №. 3. – С. 74–80.

¹²² Тянь Е. Взаимоотношения Китайской Народной Республики и Республики Казахстан на примере сотрудничества в сфере образования //Международные отношения. – 2018. – №4. – С. 8–17. DOI: 10.7256/2454-0641.2018.4.27722

языковых и культурных обменов между двумя странами¹²³; к настоящему времени возможности изучения китайского языка в Казахстане существенно расширились, в том числе за счет Институтов Конфуция, деятельность которых будет подробнее рассмотрена в параграфе 2.2.

Сотрудничество в сфере образования между Китайской Народной Республикой и Кыргызстаном

Сотрудничество в области образования между Китаем и Кыргызстаном началось в 1994 году с заключения Соглашения о культурном сотрудничестве между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Китайской Народной Республики¹²⁴. 9 июня 2006 года во время визита Президента Кыргызстана К. Бакиева в Китай было подписано Соглашение между Министерством образования и науки Кыргызской Республики и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования¹²⁵.

Главным направлением китайско-кыргызстанского сотрудничества в области образования является преподавание китайского языка. В 2013 году занятия по китайскому языку проводились в 11 университетах Кыргызстана, а количество студентов, изучающих китайский язык, достигло почти 9 тыс. человек (подробнее см. таблицу 4). Сюда не входили учащиеся различных краткосрочных курсов и классов по интересам, организованных тремя институтами Конфуция в Кыргызстане. В 2012 году на учредительной конференции китайского культурного центра в Бишкеке тогдашний министр

¹²³ 王雪梅, 海力古丽·尼牙孜. 哈萨克斯坦高等教育国际化发展研究 [J]. 比较教育研究 (Ван Сюэмэй, Хелигули Ниязи. Анализ развития интернационализации высшего образования в Казахстане // Сравнительное исследование в области образования. – 2016. – Т. 319. – №8. – С. 7–17).

¹²⁴ Соглашение о культурном сотрудничестве между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Китайской Народной Республик. 1994 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30840237&pos=4;-106#pos=4;-106 (дата обращения: 28.06.2023)

¹²⁵ Соглашение между Министерством образования и науки Кыргызской Республики и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования / Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. 2015 г. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/214921?ysclid=lktk07k428998358622> (дата обращения: 28.06.2023)

образования Кыргызстана сообщил, что число обучающихся в кыргызских начальных, средних и средне-специальных школах, изучающих китайский язык, достигло 40 тыс. человек.

Таблица 4. Число студентов, изучающих китайский язык в различных университетах Кыргызстана, 2013 г.

Название университета	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	5 курс	Итого
Бишкекский гуманитарный университет	360	390	351	312	269	1682
Киргизский национальный университет имени Жусупа Баласагына	502	398	412	349	417	2078
Кыргызский национальный университет	191	243	211	271	-	916
Кыргызско-Турецкий университет Манас	412	355	212	-	-	979
Кыргызско-Российский Славянский университет	169	247	312	233	-	961
Американский университет в Центральной Азии	72	51	39	27	-	189
Международный университет Кыргызстана	251	179	156	177	-	763
Дипломатическая академия МИД КР	35	50	69	43	-	197
Ошский Государственный Университет	93	90	91	89	-	363

Источник: ¹²⁶.

Что касается численности студентов из Кыргызстана, в 2020 году в китайских вузах получали образование около 4 тысяч студентов из Кыргызстана¹²⁷; для сравнения, в 2004 году таких студентов насчитывалось лишь

¹²⁶ Чжэн Цзе. Текущая ситуация с образованием на китайском языке в Кыргызстане и связанные с этим контрмеры // Исследование этнического образования. – 2017. – Т. 28. – № 03. – С. 86–94. DOI: 10.15946/j.cnki.1001-7178.2017.03.013.

¹²⁷ Masalbekova A. The Declining Value of a Chinese Education in Kyrgyzstan // The Diplomat. 12.12.2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/12/the-declining-value-of-a-chinese-education-in-kyrgyzstan/> (accessed 21.01.2024).

129 человек. Рост популярности получения высшего образования в Китае среди кыргызской молодежи был в значительной степени связан с возможностью получить стипендию, покрывающую все расходы, связанные с таким обучением, или хотя бы большую их часть – упомянем здесь в качестве примера почти 300 бесплатных мест для изучения китайского языка в течение одного года, ежегодно предоставляемых Кыргызстану Синьцзянским университетом и Синьцзянским педагогическим университетом. Однако наиболее популярным направлением для студентов из Кыргызстана, желающих учиться за рубежом, остается Россия – в 2020 году здесь обучались более 15 тыс. таких студентов (по сравнению с 4 тыс. в Китае, как было упомянуто выше)¹²⁸.

18 декабря 2012 года в Национальной библиотеке Бишкека был создан Центр китайской культуры и образования. Цель центра – помочь большему числу кыргызстанцев лучше понять Китай и китайскую культуру. Создание исследовательского центра является кристаллизацией углубленного сотрудничества между Китаем и Кыргызстаном в гуманитарной сфере, науке, образовании и других аспектах. Это также отражает совместные усилия Посольства Китая в Кыргызстане и Кыргызской национальной библиотеки в области культуры, науки и техники, образования и т. д. Можно сказать, что между Китаем и Кыргызстаном есть огромные возможности для сотрудничества и развития.

¹²⁸ Ibid.

*Сотрудничество в сфере образования между Китайской Народной
Республикой и Узбекистаном*

6 марта 1993 года Китай и Узбекистан заключили Соглашение о взаимном признании дипломов о высшем образовании и ученых степеней¹²⁹. 8 ноября 1999 года министерства образования двух стран подписали соглашение о сотрудничестве в области образования. Согласно этому документу, 40 узбекских студентов, магистров и несколько молодых университетских преподавателей получили возможность ежегодно приезжать на стажировку в китайские университеты¹³⁰.

19 августа 2014 года Китай и Узбекистан подписали Совместную декларацию Китайской Народной Республики и Республики Узбекистан, в которой обе стороны выразили готовность к дальнейшему укреплению и расширению сотрудничества в области науки, технологий и гуманитарных наук. В Декларации впервые было в явном виде указано, что в рамках существующего сотрудничества Китай готов направить больше китайских учителей в Узбекистан для подготовки большего числа талантливых студентов¹³¹.

22 июня 2016 года, когда Китай и Узбекистан подписали Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Узбекистан, они официально установили всеобъемлющее стратегическое партнерство¹³².

¹²⁹ 《教育涉外服务与管理丛书》编委会, 编.相互承认学历学位协议汇编[Z].北京: 高等教育出版社, Редакционная коллегия журнала "Серия услуг и менеджмента, связанных с образованием за рубежом" Подборка документов о взаимном признании академических квалификаций и соглашений о присвоении степеней. Пекин: Пресса о высшем образовании, 2009.

¹³⁰ 中华人民共和国教育部和乌兹别克斯坦共和国高等和中等专业教育部教育合作协议, 1999 年。Соглашение между Министерством высшего и среднего специального образования Узбекистана и Министерством образования КНР о сотрудничестве в области образования от 8 ноября 1999 г. URL: <https://www.kp.kz/online/news/5334542/http://www.oyji-oys.org/Admin/Upload/FileDownload/?ContentID=83857&fileName=%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E4%B8%8E%E4%B9%8C%E5%85%B9%E5%88%AB%E5%85%8B%E6%96%AF%E5%9D%A6%EF%BC%9A%E5%8F%8B%E5%A5%BD%E5%90%88%E4%BD%9C30%E5%B9%B4> (дата обращения 23.08.2023).

¹³¹ 中华人民共和国和乌兹别克斯坦共和国联合宣言, 中国外交部, 2014-08-20。Совместная декларация Китайской Народной Республики и Республики Узбекистан от 20 августа 2014 года / МИД КНР. 20.08.2014. http://svideo.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677052/1207_677064/201408/t20140820_930526_1.shtml (дата обращения 23.08.2023).

¹³² 中华人民共和国和乌兹别克斯坦共和国联合声明(全文)2016, 中国政府网, 2016-06-22 Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Узбекистан от 22 июня 2016 г. / МИД КНР. 22.06.2016. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2016-06/22/content_5084474.htm (дата обращения 23.08.2023).

Согласно договору, обе стороны будут и далее укреплять дружественные обмены между средствами массовой информации, академическими институтами, дружественными неправительственными организациями,

12 мая 2017 года Китай и Узбекистан заключили Совместное заявление и приняли Программу развития всестороннего стратегического партнёрства в новую эпоху между Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой. В этом совместном заявлении четко оговариваются вопросы сотрудничества между двумя странами в области образования и других областях. Сотрудничество в области образования получило дальнейшее развитие в учреждении Институтов Конфуция, обмене студентами и создании совместных научно-исследовательских институтов¹³³.

В 2023 году Китай подтвердил свою готовность «расширять возможности для молодежи Кыргызстана получить высшее образование в учебных заведениях Китая, ... поддерживать преподавание китайского языка в Кыргызстане, эффективно использовать возможности Института Конфуция, принимать активные меры для содействия строительству в Кыргызстане "Мастерской Лу Бань"»¹³⁴.

Политическая воля лидеров Китая и Узбекистана по укреплению сотрудничества в сфере образования находит отражение на практическом уровне. Так, еще в 2013 году Узбекский государственный университет мировых языков основал у себя Центр китайского языка и культуры. В том же году Академия общественных и социальных наук КНР посодействовала Университету мировой экономики и дипломатии Узбекистана в учреждении «Китайского павильона»¹³⁵.

¹³³ 中华人民共和国和乌兹别克斯坦共和国关于进一步深化全面战略伙伴关系的联合声明[N]. 人民日报, 2017-05-13 (3). Совместное заявление о принятии Программы развития всестороннего стратегического партнёрства в новую эпоху между Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой // Жэньминь жибао. 13.05.2017.

¹³⁴ Полный текст Совместной декларации Китайской Народной Республики и Кыргызской Республики об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства в новую эпоху / Синьхуа. 18.05.2023. URL: <https://russian.news.cn/20230518/3c9fa9c3ce0c4893b601ec1556647a29/c.html> (дата обращения 15.01.2024).

¹³⁵ Чуанья Цзюй, Юн С.М. Политика КНР в сфере интернационализации высшего образования и развитие образовательного сотрудничества Китая и Узбекистана // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 482. – С. 113–124.

В 2014 году в Ташкентском государственном институте востоковедения был создан первый в Центральной Азии факультет китаеведения, создание которого было одобрено президентом Каримовым. На факультете китаеведения есть 4 специальности бакалавриата: китайский язык, китайская экономика, китайская политика и китайская история. Кроме того, есть специальности магистратуры, охватывающие китайскую литературу, лингвистику и экономику. Кроме того, факультет перевода и факультет истории и философии также предлагают курсы перевода с китайского и связанные с китайским языком¹³⁶. В 2022 году этот университет открыл Научно-исследовательский центр «Узбекистан–Китай» в партнерстве с Центральным университетом национальностей Китая.

Помимо Ташкентского государственного института востоковедения, многие университеты предлагают изучать китайский как первый или второй иностранный язык. В соответствии с профессиональными условиями некоторые университеты ввели курсы перевода, дипломатии и другие смежные дисциплины¹³⁷. С популяризацией обучения китайскому языку другие университеты Узбекистана также создали различные исследовательские центры, сфокусированные на изучении китайской культуры и китайского языка.

Для поддержки студентов из Узбекистана, обучающихся в Китае, китайское правительство последовательно учредило ряд стипендиальных программ, включая стипендию “Китайский мост”, стипендию Института Конфуция, новую синологическую стипендию. Существует также Международная стипендия для преподавателей китайского языка. По состоянию на 2020 год число китайских учебных заведений, получающих международные стипендии для преподавателей китайского языка для зарубежных обучающихся, достигло 196.

Тем не менее, сравнивая данные об иностранных студентах в Китае в 2013 и 2018 годах, можно заметить, что в рамках продвижения инициативы ОПОП,

¹³⁶ 孙雍. 乌兹别克斯坦塔什干孔子学院发展研究[D]. 兰州大学硕士学位论文, (Сунь Ижон. Исследование по развитию Института Конфуция в Ташкенте, Узбекистан. – Ташкент, 2020).

¹³⁷ 李雅梅. 乌兹别克斯坦共和国的汉语教学现状与思考[J]. 国际汉语教学动态与研究(Ли Ямэй. Текущая ситуация и взгляды на преподавание китайского языка в Республике Узбекистан // Динамика и исследования международного преподавания китайского языка. – 2008. – № 2. – С. 13–18).

количество студентов из Узбекистана значительно увеличилось с 2013 по 2018 год (подробнее см. таблицу 5).

Таблица 5. Количество студентов из Узбекистана, обучавшихся в Китае в 2013–2018 гг.

Год	Студенты образовательных программ с выдачей диплома о высшем образовании	Студенты других образовательных программ (без выдачи диплома о высшем образовании)	Общее количество студентов	Студенты из Узбекистана, обучавшиеся по программам межвузовского обмена
2013	549	1 256	1 805	37
2014	905	1 287	2 192	31
2015	1 197	1 253	2 450	32
2016	1 669	1 460	3 129	31
2017	2 551	1 620	4 171	30
2018	3 838	2 485	6 323	22

Источник данных: ¹³⁸.

За последние несколько лет китайские университеты последовательно создали ряд центров изучения Узбекистана, подробности см. в таблице 6. Эти исследовательские центры изучают и другие страны Центральной Азии.

¹³⁸ 教育部国际合作与交流司，编。来华留学生简明统计（2013 年至 2018 年）。内部资料。Департамент международного обмена и сотрудничества Министерства образования КНР. Данные о количестве иностранных студентов в Китае (2013–2018). Без г. и м.

Таблица 6. Список научно-исследовательских институтов в китайских университетах, специализирующихся на изучении Узбекистана

Название организации	Название университета	Год создания
Исследовательский центр Шанхайской организации сотрудничества	Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии (Китайская академия общественных наук)	2002
Российский центр исследований Центральной Азии	Университет Фудань	2005
Центральноазиатский исследовательский центр	Шанхайский университет иностранных языков	2010
Центр геополитических исследований в Центральной Азии	Синьтянский университет	2011
Узбекский Центр научных и образовательных обменов	Шанхайский университет	2013
Исследовательский центр Узбекистана	Шансиский педагогический университет	2017
Исследовательский центр Узбекистана	Северный университет Миньцзу	2017
Институт исследования Центральной Азии	Ланчжоуский университет	2017
Центральноазиатский научно- образовательный центр	Университет Китайской академии наук	2018
Центральноазиатский исследовательский центр	Синьцзянский сельскохозяйственный университет	2020
Китайско-Центральноазиатская совместная лаборатория чело- века и окружающей среды «Один пояс, один путь»	Северо-Западный университет	2021

Источник: составлено автором на основе данных доклада посольства КНР в Узбекистане¹³⁹.

Этими центрами был реализован ряд важных совместных проектов. Например, Научно-исследовательский центр «Узбекистан–Китай» Ташкентского государственного института востоковедения, Узбекский центр научного и образовательного обмена Шанхайского университета, Институт биоорганической химии Академии Наук Республики Узбекистан и

¹³⁹ 姜 岩(中国驻乌兹别克斯坦特命全权大使) 中国与乌兹别克斯坦:友好合作 30 年. 欧亚经济/ 2022 年第 5 期 . Цзян Янь (Чрезвычайный и Полномочный Посол Китая в Узбекистане). Китай и Узбекистан: 30 лет дружественного сотрудничества // Евразийская экономика. – 2022. – №5. – С. 125.

Синьцзянский физико-химический технический институт создали совместную фармацевтическую лабораторию.

Международный институт центральноазиатских исследований, учрежденный ЮНЕСКО в Самарканде в 1995 году, сотрудничает с посольством Китая в Узбекистане и аналитическими центрами, включая Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук и Педагогический университет Шэньси. Обе стороны регулярно организуют мероприятия. Например, Международная онлайн-конференция “Китай и Узбекистан: укрепление обменов, взаимного обучения и углубление партнерства” и Форум аналитических центров Китая и стран Центральной Азии под названием “Безопасность и развитие в Центральной Азии в условиях новой ситуации в Афганистане” предоставляют ученым с обеих сторон платформу для обмена мнениями, способствующую обсуждению важных вопросов двустороннего и многостороннего сотрудничества.

Китай каждый год направляет учителей в Узбекистан для обмена опытом. Каждые шесть месяцев Шанхайский университет и Пекинский университет иностранных языков проводят онлайн-курсы повышения квалификации для узбекских преподавателей китайского языка и выдают сертификаты. Ташкентский китайский национальный культурный центр также субсидирует узбекским студентам обучение в Китае.

За период с 2018 по 2022 годы в Узбекистане открылись кампусы 23 зарубежных университетов; по числу филиалов иностранных вузов Узбекистан вышел на третье место в мире после Китая и ОАЭ¹⁴⁰. Был заключен также целый ряд партнерских соглашений с зарубежными университетами; на первом месте оказались российские вузы, с которыми вузы Узбекистана заключили 10 партнерств. В 2019 году впервые в истории Узбекистана в Самаркандском государственном университете в сотрудничестве с зарубежными вузами из семи стран (Китая, Кореи, Израиля, Германии, России, Индии и Франции) был создан

¹⁴⁰ Muratov B., Wilkins S. The development of Uzbekistan as a transnational higher education hub: government and institution rationales, and early outcomes //Journal of Higher Education Policy and Management. – 2024. – P. 1-19.

факультет международных образовательных программ – его преуспевшие в учебе студенты могут продолжить обучение в зарубежных университетах. Студенты, успешно завершившие обучение в зарубежных вузах, получают двойной диплом Самаркандского государственного университета и зарубежных вузов-партнеров¹⁴¹.

В мае 2023 года был заключен целый ряд соглашений между Китаем и Узбекистаном, в том числе между их образовательными учреждениями:

- «между Ташкентским государственным университетом востоковедения и Пекинским университетом иностранных языков и культуры;
- между Ташкентским государственным университетом востоковедения и Ляонинском педагогическим университетом;
- между Самаркандским международным технологическим университетом и Тяньцзиньским университетом науки и техники;
- между Самаркандским международным технологическим университетом и Северо-Восточным электроэнергетическим университетом;
- между Университетом мировой экономики и дипломатии и Шанхайским университетом»¹⁴².

В преддверии визита Президента Республики Узбекистан в КНР в январе 2024 года одним из наиболее важных направлений активизации сотрудничества в образовательной сфере был назван запуск программ двойных дипломов между ведущими вузами Узбекистана и КНР¹⁴³.

Можно отметить, что с момента запуска инициативы ОПОП Китай и Узбекистан добились значительного прогресса в сотрудничестве в области образования на китайском языке. В частности, усилия Китая по набору и обучению студентов из Узбекистана – не только в бакалавриате, магистратуре,

¹⁴¹ Uralov O. S. Internationalization of higher education in Uzbekistan //Social Sciences & Humanities Open. – 2020. – Vol. 2. – No 1. – Pp. 100015.

¹⁴² Подписаны важные документы, направленные на укрепление узбекско-китайских отношений, всестороннего стратегического партнерства и углубление практического сотрудничества / Официальный сайт Президента Республики Узбекистан. 18.05.2023. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/6345> (дата обращения 15.01.2024).

¹⁴³ Арипова М. Всестороннее стратегическое партнерство между Республикой Узбекистан и КНР в новую эпоху / Народное слово онлайн. 19.01.2024. URL: <https://xs.uz/ru/post/vsestoronnee-strategicheskoe-partnerstvo-mezhdu-respublikoj-uzbekistan-i-chnr-v-novuyu-epokhu> (дата обращения 31.01.2024).

аспирантуре, но и в различных формах краткосрочного неакадемического образования – в значительной степени способствовали развитию изучения и преподавания китайского языка в Узбекистане. Такие виды сотрудничества, как открытие курсов китайского языка, учреждение специальностей высшего образования, связанных с китайским языком и китаеведением, открытие Институтов Конфуция и направление студентов между двумя сторонами в значительной степени способствовали положительному взаимодействию между двумя сторонами в области образования. Углубление китайско-узбекских дипломатических отношений также сыграло важную роль в содействии дальнейшему развитию китайско-узбекского образовательного сотрудничества.

*Сотрудничество в сфере образования между Китайской Народной
Республикой и Таджикистаном*

История современных таджикско-китайских отношений началась в марте 1993 года, когда произошла первая в истории двух стран встреча лидеров Таджикистана и Китая. Результатом данной встречи стало подписание совместной Декларации об основных принципах взаимоотношений между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой¹⁴⁴. Этот документ отразил волю государств «в расширении взаимовыгодных отношений двух стран в области образования, научно-технической сфере...»¹⁴⁵. На основании этой декларации, начиная с 1993 года, Правительство Китая ежегодно выделяет для студентов из Таджикистана государственные стипендии. Впервые в Таджикистане в 1997 году в Российско-Таджикском (Славянском) университете на факультете иностранных языков была введена специальность

¹⁴⁴ Мирзоев Х. Т. Научно-культурное сотрудничество Республики Таджикистан и Китайской Народной Республики в период независимости (1991-2020 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.15 / Мирзоев Хабибджон Табрикджонович; [Место защиты: Таджикский национальный университет]. – Душанбе, 2021. – 188 с.

¹⁴⁵ Алимов Р.К. Таджикистан и Китай. Диалог культур. – Пекин, 2012. – 198 с. (на рус. и кит. яз.).

«китайский язык»¹⁴⁶. С тех пор количество учебных заведений Таджикистана, где преподают китайский язык, возрастало.

15 января 2007 г. был подписан Дополнительный протокол к Соглашению между министерствами образования Таджикистана и Китая, в 4-ой статье которого указывается, что, согласно двусторонним договорённостям об установлении и развитии партнёрских отношений в сфере образования, Таджикистан и Китай будут содействовать изучению в Республике Таджикистан китайского языка и литературы, истории и культуры Китая, и изучению в Китайской Народной Республике таджикского языка и литературы, истории и культуры Таджикистана, а также будут способствовать созданию Института Конфуция в Республике Таджикистан¹⁴⁷.

В 2009 г. состоялся первый слёт таджикских студентов в Китае¹⁴⁸. Приветствуя участников и гостей слета, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Таджикистан в КНР Рашид Алимов отметил: «Получить диплом высшего учебного заведения в Китае – это престижно, это – путевка в большую жизнь»¹⁴⁹.

В 2018 году в Китае обучалось около 4 тыс. студентов из Таджикистана¹⁵⁰ (что меньше, чем численность обучавшихся в то время в Китае студентов из Узбекистана или Казахстана). Это число возросло примерно в 100 раз с 2004 года, когда в Китае обучалось около 40 студентов из Таджикистана¹⁵¹.

¹⁴⁶ Кафедра восточных языков / Официальный сайт Российско-таджикского (Славянского) университета. URL: <https://www.rtsu.tj/faculties/languages/kafedra/departments/?ID=652> (дата обращения: 28.06.2023)

¹⁴⁷ 中华人民共和国教育部和塔吉克斯坦共和国教育与科学部教育合作协议（附加协议），2007 年。Дополнительный Протокол к Соглашению между Министерством образования Республики Таджикистан и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования от 15 января 2007 года. URL: <https://khovar.tj/rus/2023/07/ukreplyayutsya-svyazi-mezhdu-uchebnyami-tadzhikistana-i-kitaya/?ysclid=lw590hjzfb244174755> (дата обращения: 28.06.2023).

¹⁴⁸ Холикназаров Х. Республика Таджикистан и Китайская Народная Республика – сотрудничество во имя развития: Сб. стат. 2009–2012 гг. – Душанбе, 2012. – 189 с.

¹⁴⁹ 塔吉克斯坦驻华大使拉希德·阿利莫夫参加在华塔吉克斯坦留学生聚会。人民网，2019 年。Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Таджикистан в КНР Рашид Алимов принял участие в собрании иностранных студентов из Таджикистана в Китае. / Жэньминь жибао. 2019 г. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6848748.html> (дата обращения: 28.06.2023).

¹⁵⁰ Froumin I., Cao R. Russia, China, and Central Asia in higher education // China and Europe on the New Silk Road / van der Wende, M., Kirby, W. C., Liu, N. C., & Marginson, S. (Eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2020. – Pp. 380–400. P. 394.

¹⁵¹ Muso K. B. Tajikistan Relations with China in the Years of Independency // Вестник Педагогического университета. – 2021. – №. 4 (93). – С. 295–297.

Большинство таких студентов направляются в Китай для изучения языковых и технических специальностей, необходимых для удовлетворения потребностей китайских компаний¹⁵².

В июне 2022 года правительства Китая и Таджикистана объявили об открытии «Мастерской Лу Бань» в Таджикском техническом университете, посвященной геодезии и транспортировке газа¹⁵³. Отличительной чертой этого проекта является то, что Китай предоставляет не стипендии или иные формы финансовой поддержки обучающихся, а современное высокотехнологичное оборудование, необходимое для получения навыков по ряду технических специальностей. Некоторые ученые в регионе отмечают, что такие мастерские могут стать новой стратегией борьбы с негативными представлениями о том, что отношения Китая с регионом носят исключительно добывающий характер.

Однако обмен студентами остается несколько «однобоким», поскольку вузы Таджикистана пока не выработали целенаправленных стратегий по привлечению зарубежных студентов вообще и китайских студентов в частности (это может быть связано с проблемами низкого качества преподавания, распространенности коррупции¹⁵⁴ и т.д.). Для студентов из Таджикистана привлекательность китайских вузов остается существенно скромнее, чем российских (в том числе из-за незнания ими китайского языка, разницы визовых режимов для студентов в Китае и России). В Таджикистане до сих пор не создана собственная школа китаеведения.

¹⁵² Rashidov T., Mullojonov P., Rashidova U., Lemon E. Academic Diplomacy: The Educational Aspects of Chinese and Russian Soft Power in Tajikistan // Nationalities Papers – 2023. – Pp. 1-15.

¹⁵³ Huang J. China expands vocational training centers to Central Asia / Eurasianet. 01.09.2022. URL: <https://eurasianet.org/china-expands-vocational-training-centers-to-central-asia> (accessed 15.01.2024).

¹⁵⁴ Rashidov T., Mullojonov P., Rashidova U., Lemon E. Op.cit.

*Сотрудничество в сфере образования между Китайской Народной
Республикой и Туркменистаном*

Сотрудничество в области образования между Китаем и Туркменистаном в основном выражается в межвузовском сотрудничестве и проведении совместных мероприятий. В октябре 2017 года в Ашхабаде был проведён Первый китайско-туркменский научно-инновационный форум, организованный совместно Министерством науки и техники КНР и Академией наук при Президенте Туркменистана. Между 32 представителями Китая из 17 высших учебных заведений и исследовательских учреждений и примерно 500 представителями научных кругов Туркменистана состоялось обсуждение широкого круга вопросов и практическое объединение относительно темы «Инновации, новые технологии и вопросы их внедрения в производство»¹⁵⁵. В 2018 году в Пекине был проведен День культуры Туркменистана¹⁵⁶.

Согласно Меморандуму о сотрудничестве между Туркменским государственным университетом имени Махтумкули и Пекинским университетом иностранных языков, подписанному в ходе первого визита Президента Туркменистана Сердара Бердымухамедова в Китай, стороны предусматривают широкий спектр совместной деятельности – это, в частности, обмен профессорами и административным персоналом на равных условиях; организация учебных занятий для студентов посредством видеосвязи с участием преподавателей; сотрудничество в сфере внедрения современной методики обучения иностранным языкам на основе образовательных нормативных документов, в том числе по обмену учебной литературой, определено как одно из приоритетных направлений. Также согласно документу предусмотрен обмен

¹⁵⁵ Первый китайско-туркменский научно-инновационный форум состоялся в Ашхабаде / Официальный сайт Посольства КНР в Туркменистане. 14.10.2017. URL: http://tm.china-embassy.gov.cn/rus/ztgx/rwjyhz/201804/t20180412_1463287.htm (дата обращения: 28.06.2023)

¹⁵⁶ 沈和易,薛智铭.“一带一路”倡议背景下中国与土库曼斯坦国际合作问题研究[J].大陆桥视野, (Шэнь Хэйи, Сюэ Чжимин. Исследование международного сотрудничества между Китаем и Туркменистаном в контексте инициативы ОПОП // Вид на материковый мост. – 2022. – No 1. – Рр. 84–86).

студентами на равных условиях с целью подготовки специалистов высокого уровня и повышения их профессиональных навыков¹⁵⁷.

11 ноября 2017 года Ланьчжоуский транспортный университет и Туркменский государственный институт транспорта и связи заключили межвузовское Соглашение о сотрудничестве¹⁵⁸, предусматривавшее интенсификацию обмена студентами, подготовку молодых преподавателей, осуществление совместной научно-исследовательской деятельности и т. д. Два вуза также создали совместный Центр образования, науки и техники¹⁵⁹.

Данные мероприятия, организованные Китаем и Туркменистаном, являются важным шагом к углублению китайско-туркменских отношений в гуманитарной сфере¹⁶⁰. Однако по сравнению с другими странами Центрально-Азиатского региона прогресс в развитии сотрудничества в области образования между Китаем и Туркменистаном по-прежнему медленный.

Итак, с 2004 года число иностранных студентов из Центральной Азии, приезжающих в Китай, увеличивается каждый год. При этом общая тенденция роста на протяжении всего периода сохраняется положительной. По сравнению с цифрами, обозначенными за 2008 год, в 2018 году общее число студентов из стран Центральной Азии, выросло в 3,5 раза. В частности, следует отметить, что число студентов, обучающихся за рубежом, резко (более чем в 2 раза) возросло с 2005 по 2006 год, что связано с подписанием Соглашения об образовании Шанхайской организации сотрудничества в 2006 году, а затем вновь более чем удвоилось с 2005 по 2007 гг. После этого темпы роста несколько замедлились в

¹⁵⁷ Вузы Туркменистана и Китая выходят на новый этап сотрудничества / Официальный сайт Министерства образования Туркменистана. URL: <https://education.gov.tm/ru/metbugat/detail/turkmenistanyn-we-hytayyn-uniwersitetleri-hyzmatdaslygyn-taze-tapgyryna-gadam-goyyar> (дата обращения: 28.06.2023)

¹⁵⁸ Ланьчжоуский университет транспорта и связи и Туркменский Государственный институт транспорта и связи заключили межвузовское Соглашение о сотрудничестве / Официальный сайт Посольства КНР в Туркменистане. 11.11.2017. URL: http://tm.china-embassy.gov.cn/rus/ztgx/rwjyhz/201804/t20180412_1463291.htm (дата обращения: 28.06.2023)

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Делегация туркменских преподавателей китайского языка, а также студентов и школьников, изучающих китайский язык, посетила Китай / Официальный сайт Посольства КНР в Туркменистане. 17.11.2017. URL: http://tm.china-embassy.gov.cn/rus/ztgx/rwjyhz/201804/t20180412_1463295.htm (дата обращения: 28.06.2023)

годы глобального финансово-экономического кризиса (2008–2009 гг.). В настоящее время образовательное сотрудничество в наибольшей степени развито с Казахстаном, в наименьшей – с Туркменистаном. Китай целенаправленно поддерживает интерес к обучению в своих университетах у талантливой центральноазиатской молодежи путем выдачи различных стипендий, параллельно активно развивая возможности для изучения китайского языка.

2.2. Институты Конфуция и их деятельность в государствах Центральной Азии

Первые Институты Конфуция были учреждены Китаем в ряде зарубежных стран в 2004 году, после того как в 2002 году было объявлено о намерениях страны основать за рубежом специальные институты для расширения знакомства населения разных стран с китайской культурой и предоставления желающим возможности изучать китайский язык. По своей организационной форме Институты Конфуция представляют собой некоммерческие образовательные учреждения, создаваемые в сотрудничестве между Китаем и образовательными, культурными или иными учреждениями зарубежных государств. В 2006 году президент Ху Цзиньтао подчеркнул, что «рост международного статуса и влияния нашей страны должен быть продемонстрирован в жесткой силе, такой как экономика, наука и технологии и оборона, а также в мягкой силе, такой как культура»¹⁶¹. Это придало новый импульс развитию сети Институтов Конфуция по всему миру. В 2011 году Главный офис Институтов Конфуция заявил о намерении уделять больше внимания развивающимся странам Африки, Азии и Латинской Америки. Одно из исследований географического распределения Институтов Конфуция показало, что они сосредотачиваются в основном в странах с большим потоком импорта из Китая, находящихся близко к Китаю, а

¹⁶¹ Li M. 2008. China debates soft power // Chinese Journal of International Politics. – 2008. – Vol. 2. – No 2. – Pp. 287–308. P. 289.

также в англоязычных государствах¹⁶². Более позднее исследование такого распределения подтвердило, что большее число Институтов Конфуция оказывается в странах, являющихся важными торговыми партнерами Китая, а также выявило новую закономерность - большее число Институтов Конфуция обнаруживалось в странах, имеющих меньшую степень сходства голосования с Китаем в Генеральной Ассамблее ООН. Исследователи сочли это признаком того, что «Китай продвигает образовательные, экономические и политические интересы в целом через Институт Конфуция, чтобы максимизировать мягкую силу»¹⁶³.

Действительно, практически с момента открытия самого первого Института Конфуция в Сеуле (Южная Корея) в 2004 году они находятся в центре бурной научной и политической дискуссии об их «истинном» предназначении, в первую очередь, направлениях и масштабах влияния на учащиеся тех образовательных учреждений, в которых они открываются, а также о политической подоплеке различных аспектов их функционирования. Так, по мнению Д. Старра, «[в]ыбор Сеула в качестве места расположения первого Института Конфуция стал посланием многим людям: южнокорейцам (возвращение в «паству» Китая), северокорейцам (не рассчитывайте на братские коммунистические связи), японцам (Китай и Корея едины против японской агрессии) и США (Корея – наша сфера влияния)»¹⁶⁴.

Роль сети Институтов Конфуция в китайской дипломатии также остается предметом научной дискуссии. Одним из ключевых вопросов здесь является разграничение публичной и культурной дипломатии – и этот вопрос весьма нетривиален, поскольку ни одно, ни другое явление не имеет четко сформулированного общепринятого определения. В этом свете большую ценность имеет работа Дж. Лю, сопоставившего ряд определений публичной и

¹⁶² Lien D., Oh C. H. Determinants of the Confucius Institute establishment //The Quarterly Review of Economics and Finance. – 2014. – Vol. 54. – No 3. – С. 437–441.

¹⁶³ Huang W., Xiang J. Pursuing soft power through the Confucius Institute: a large-N analysis //Journal of Chinese Political Science. – 2019. – Vol. 24. – Pp. 249–266.

¹⁶⁴ Starr D. Chinese language education in Europe: the Confucius Institutes //European Journal of Education. – 2009. – Vol. 44. – No 1. – Pp. 65–82.

культурной дипломатии и пришедшего к выводу, что Институты Конфуция часто воспринимаются на Западе как инструмент первой, но исходя из намерений учредившего их руководства Китая являются, несомненно, частью второй. Идеи обмена культурной информацией, традициями и ценностями оказываются значительно ближе к непосредственным задачам и функциям Институты Конфуция, чем использование образовательных программ для достижения внешнеполитических целей руководства Китая или осуществление влияния на иностранные правительства посредством влияния на их граждан. Отметим, что Институты Конфуция создавались в значительной степени с учетом опыта британских British Council*, немецких Goethe Institut, французских Alliance Française – у всех этих организаций главной целью является популяризация соответствующих национальных языков¹⁶⁵. Отличительной чертой Институты Конфуция является зримая связь со своим национальным правительством – на этой основе формируется представление об Институтах Конфуция как средстве продвижения политической повестки Китая. Однако мы более склонны рассматривать эти учреждения не как инструмент публичной дипломатии, а, следуя за С. Пэном, как «форму культурной дипломатии, которая спонсируется государством и операционализируется университетами»¹⁶⁶. В целом мы склонны согласиться здесь с тем, что «чтобы наилучшим образом продвигать глобальные интересы Китая, Институт Конфуция призван продвигать образовательные, экономические и политические интересы Китая в целом»¹⁶⁷. Не стоит принижать здесь информационно-политическую роль Институты Конфуция, ведь они в том числе транслируют населению разных

¹⁶⁵ Liu X. So similar, so different, so Chinese: Analytical comparisons of the Confucius Institute with its western counterparts //Asian Studies Review. – 2019. – Vol. 43. – No 2. – Pp. 256–275. P. 257.

¹⁶⁶ Pan S. Y. Confucius Institute project: China's cultural diplomacy and soft power projection //Asian Education and Development Studies. – 2013. – Vol. 2. – No 1. – C. 22–33. P. 22.

¹⁶⁷ Huang W., Xiang J. Op.cit.

* Деятельность организации The British Council (Британский совет) признана нежелательной на территории РФ.

стран трансформацию национальной идентичности Китая¹⁶⁸, помогают формировать глобальный образ Китая¹⁶⁹.

В результате щедрой финансовой поддержки правительства Китая в период с 2004 по 2014 год было создано более 400 Институтов Конфуция в более чем 100 странах¹⁷⁰. 7 мая 2005 года был официально учрежден Институт Конфуция Ташкентского государственного института востоковедения, созданный совместно Ланьчжоуским университетом и Ташкентским государственным институтом востоковедения. Важно отметить, что это не только первый Институт Конфуция в Центральной Азии, но и один из первых Институтов Конфуция, созданных Китаем за рубежом. По данным годового отчета Главного офиса Институтов Конфуция, к концу 2020 года в 162 странах (регионах) мира был создан 541 институт Конфуция и 1170 аудиторий Конфуция¹⁷¹. В частности, уже создано пять Институтов Конфуция в Казахстане, четыре – в Кыргызстане, по два – в Таджикистане и Узбекистане (см. Таблицу 7).

Таблица 7. Список институтов Конфуция в Центральной Азии

страна	Название института	Город	Китайская партнерская организация	Агентство по сотрудничеству стран ЦА	число аудитори и	Дата основания
Казахстан	Институт Конфуция при Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева	Астана	Сианьский университет иностранных языков	Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева	0	05/12/2007
	Институт Конфуция при	Алматы	Ланьчжоуский университет	Казахский национальный	0	23/02/2009

¹⁶⁸ Liu G. Q. The Confucius Institute initiative in reconstruction of China's national identity //Journal of Language and Politics. – 2015. – Vol. 14. – No 6. – Pp. 778–800.

¹⁶⁹ Hartig F. Confucius Institutes and the rise of China //Journal of Chinese Political Science. – 2012. – Vol. 17. – Pp. 53–76.

¹⁷⁰ Huang W., Xiang J. Op.cit.

¹⁷¹ 孔子学院研究年度报告(2018), 国家汉办(北京), 68 页, 2018. (Штаб-квартира сети Институтов Конфуция. Годовой отчет по развитию Института Конфуция 2018. – Пекин, 2018. – С. 68).

	Казахском национальном университете имени аль-Фараби			университет имени аль-Фараби		
	Институт Конфуция при АРГУ им. Жубанова	Актобе	Синьцзянский университет финансов и экономики	АРГУ им. Жубанова	0	24/03/2011
	Институт Конфуция при Карагандинском государственном техническом университете	Караганда	Университет Шихэцзы (г. Шихэцзы, Синьцзян-Уйгурский авт. р-н, КНР)	Карагандинский государственный технический университет	0	01/11/2011
	Институт Конфуция при Казахском университете международных отношений и мировых языков имени Абылай хана	Алматы	Юго-западный университет	Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана	0	28/04/2017
Кыргызстан	Институт Конфуция при Кыргызском национальном университете	Бишкек	Синьцзянский педагогический университет	Кыргызский национальный университет	10	06/11/2007
	Институт Конфуция при Бишкекском гуманитарном университете	Бишкек	Синьцзянский университет	Бишкекский гуманитарный университет	10	15/06/2008
	Институт Конфуция при Ошском Государственном Университете	Ош	Синьцзянский педагогический университет	Ошский Государственный Университет	0	24/01/2013

	Институт Конфуция при Жалал-Абадском государственном университете	Джалал-Абад	Синьцзянский университет	Жалал-Абадский государственный университет	0	26/12/2016
Таджикистан	Институт Конфуция при Таджикском национальном университете	Душанбе	Синьцзянский педагогический университет	Таджикский национальный университет	1	26/02/2009
	Институт Конфуция при Горно-металлургическом институте Таджикистана	Чкаловск	Китайский нефтяной университет г. Пекин	Горно-металлургический институт Таджикистан	0	20/08/2015
Узбекистан	Узбекско-китайский институт им. Конфуция при Ташкентском государственном университете востоковедения	Ташкент	Ланьчжоуский университет	Ташкентском государственном университете востоковедения	0	07/05/2005
	Институт Конфуция при Самаркандском государственном институте иностранных языков	Самарканд	Шанхайский университет иностранных языков	Самаркандский государственный институт иностранных языков	0	28/11/2014
Туркменистан					0	

(Источник: Составлено автором на основе данных Министерства образования КНР)

Китайские партнеры центральноазиатских Институтов Конфуция преимущественно расположены на северо-западе Китая, например, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, в провинции Ганьсу и провинции Шэньси. Это

связано с тем, что Центральная Азия географически близка к северо-западному Китаю и имеет тесные связи с ним в политической, экономической и культурной сферах.

Таким образом, географические факторы также влияют на развитие Институтов Конфуция. Однако необходимо преодолевать географические ограничения, поскольку наиболее качественные образовательные ресурсы Китая сосредоточены в столице, центральной части и некоторых мегаполисах. Пять стран Центральной Азии могут сотрудничать с большим количеством учебных заведений в разных регионах Китая.

Сотрудничество в области образования между Китаем и странами Центральной Азии на своем современном этапе имеет еще несколько проблем:

1. Связи в сфере культуры значительно отстают от сотрудничества в сферах экономики и торговли. В государствах Центральной Азии, за исключением Казахстана и Кыргызстана, Институтов Конфуция недостаточно, их распределение неравномерно;

2. Численности местных преподавателей китайского языка недостаточно. Распространенными языками в странах региона являются русский и местные языки, а китайских учителей, владеющих русским и местными языками, относительно мало, поэтому в процессе обучения часто возникают проблемы с коммуникацией. В настоящее время программы в значительной степени рассчитаны на обучение местных учителей, однако большинство из них не прошли профессиональной подготовки и обучения¹⁷².

Наиболее перспективными направлениями развития отношений Китая с государствами Центральной Азии при посредстве Институтов Конфуция представляются:

1. Реализация программы «Китайский + » для дальнейшего развития стажеров. Для достижения этой цели Институты Конфуция самостоятельно или

¹⁷² У Баоянь. Сотрудничество в области образования между Китаем и странами Центральной Азии: состояние и проблемы развития // Вестник Московского университета. Серия XXVII. Глобалистика и геополитика. – 2013. – № 1.

во взаимодействии с другими организациями в ЦА, например, с Казахстанским Банком Китая, Казахским фармацевтическим предприятием «Келун» и другими финансируемыми Китаем предприятиями провели онлайн-ярмарки вакансий, чтобы предоставить возможности стажировок и трудоустройства для студентов и специалистов¹⁷³. Некоторые студенты полагают, что обучение китайскому языку может помочь найти больше возможностей трудоустройства, и надеются, что смогут в полной мере использовать китайский язык в работе. Различные формы курсов «китайский +» предоставят студентам из Центральной Азии более качественное китайское и профессионально-техническое образование и возможности, а также внесут вклад в гуманитарные обмены и развитие экономических связей между Китаем и странами данного региона.

2. Построение Института Конфуция как брендового проекта для гуманитарного обмена между Китаем и Центральной Азией. Инновационные бренд-проекты по продвижению гуманитарных обменов подразумевают поддержку институтами Конфуция в данном регионе проведения различных культурных мероприятий. Так, были проведены Всемирный китайский конкурс “Китайский мост” для студентов колледжей и учащихся средних школ и Глобальная китайская конференция для иностранцев. Сочетание принципов гостеприимства и стремления к международному сотрудничеству позволит в полной мере использовать платформу Института Конфуция.

3. Расширение функций управления школами и повышение качества управления школами. Изучение успешного опыта китайско-российских гуманитарных обменов в рамках реализации инициативы "Один пояс и один путь" и ШОС способствовало созданию механизмов гуманитарного обмена на высоком уровне¹⁷⁴.

¹⁷³ 张全生, 郭卫东. 中国与中亚的人文交流合作.——以孔子学院为例. 新疆师范大学学报(汉文社会科学版) 2014. — Т. 35. — № 04. — С. 64–71).

¹⁷⁴ 李江. 文化外交: 中国在中亚的孔子学院. 2017. — №1. — С. 33–46.

Согласно докладу XIX съезда, необходимо уважать разнообразие мировых цивилизаций¹⁷⁵. Обмен между мировыми цивилизациями должен разрешать проблемы международной изоляции, взаимное обучение между цивилизациями должно разрешать проблемы столкновения культур, обеспечить бесконфликтное сосуществование цивилизаций. Эта серия важных идей полностью воплощает глобальное видение Китая и имеет важное и далеко идущее теоретическое, практическое и руководящее значение для учреждения новых институтов Конфуция в Центральной Азии.

Таким образом, Институт Конфуция как важный мост для гуманитарных обменов в определенной степени представляет статус-кво гуманитарных обменов между Китаем и странами Центральной Азии. Для углубления гуманитарных обменов между Китаем и странами этого региона необходимо осуществлять расширение функций Институтов Конфуция и создавать механизмы гуманитарного обмена на высоком уровне. В этом случае можно ожидать, что перспективы Институтов Конфуция в данном регионе будут положительными и будут способствовать построению китайско-Центрально-Азиатского сообщества единой судьбы. Географические факторы заметно влияют на гуманитарный обмен. Для углубления гуманитарных обменов между Китаем и ЦА необходимо разработать соответствующую политику и разумные меры с учетом особых географических условий для того, чтобы преодолеть ограничения, связанные с географическим положением.

¹⁷⁵ Xi Jinping's report at 19th CPC National Congress / Xinhua. 03.11.2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/special/2017-11/03/c_136725942.htm (accessed 28.06.2023)

2.3. Проекты гуманитарного сотрудничества в рамках ШОС и инициативы «Один пояс – один путь»

Состояние гуманитарного обмена между Китаем и странами Центральной Азии в рамках ШОС

В условиях глобализации имидж стран на международной арене формируется не только экономической политикой, но и гуманитарной. В 2005 году на саммите ООН по случаю 60-й годовщины создания Организации Китай выдвинул Концепцию создания гармоничного мира, которую с этого момента можно считать официальной внешнеполитической концепцией Китая.

В докладе XIX съезда КПК Си Цзиньпин предложил укрепить гуманитарный обмен между Китаем и зарубежными странами и построить Сообщество единой судьбы человечества. Это свидетельствует о том, что Китай придает большое значение гуманитарному обмену, в том числе на таких диалоговых площадках и форумах, как саммиты БРИКС и ШОС, а также проект Одного пояса, Одного пути.

С помощью платформы ШОС Китай и страны Центральной Азии (в ШОС входят все рассматриваемые в настоящей работе страны Центральной Азии, кроме Туркменистана) подписали ряд гуманитарных соглашений и провели множество гуманитарных мероприятий¹⁷⁶. В апреле 2002 года прошло первое Совещание министров культуры государств-членов ШОС, на котором было подписано «Совместное заявление министров культуры государств-членов ШОС», давшее официальный старт гуманитарному сотрудничеству в рамках ШОС¹⁷⁷. Пятью годами позднее, 16 августа 2007 года, на Бишкекском саммите глав государств было официально подписано «Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области

¹⁷⁶ У Баоянь. Сотрудничество в области образования между Китаем и странами Центральной Азии: состояние и проблемы развития // Вестник Московского университета. Серия XXVII. Глобалистика и геополитика. – 2013. – № 1.

¹⁷⁷ Морозов Ю. Сотрудничество стран ШОС в гуманитарной сфере: проблемы и возможные пути их решения // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – № 4–5. – С. 157.

культуры»¹⁷⁸, которое заложило правовую основу для гуманитарного сотрудничества в рамках ШОС.

Базовым документом, регулирующим взаимодействие в сфере образования, является межправительственное Соглашение о сотрудничестве в области образования, подписанное в июне 2006 года и вступившее в силу в январе 2008 года¹⁷⁹. Предусматривается обмен учащимися и научно-педагогическими работниками образовательных учреждений, установление прямых контактов между ними, изучение в образовательных учреждениях языков, истории, культуры и литературы государств-членов ШОС¹⁸⁰. С 2008 года регулярно проводятся «Недели образования государств-членов ШОС», форумы ректоров ведущих университетов, а с 2009 – форумы ректоров академий государственной службы государств-членов ШОС.

16 августа 2007 года на Саммите ШОС в Бишкеке Президент Российской Федерации выступил с инициативой создания Университета ШОС (УШОС). В октябре 2008 года утверждена Концепция УШОС и одобрен План первоочередных мероприятий по ее реализации. В апреле 2010 года подписан Меморандум о сотрудничестве вузов государств-членов ШОС по созданию Университета ШОС, в котором главными направлениями подготовки специалистов были определены энергетика, экология, информационные технологии и регионоведение. В 2012 году к этому перечню добавлены экономика и педагогика¹⁸¹. По состоянию на 2017 год УШОС объединял 82 университета стран-участниц¹⁸². В настоящее время в нем участвуют 14 вузов Казахстана, 20 – Китая, 8 – Кыргызстана, 21 – России, 10 – Таджикистана, 8 –

¹⁷⁸ Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области культуры / Секретариат Шанхайской организации сотрудничества. 16 августа 2007 г. URL: <https://rus.sectesco.org> (дата обращения 23.08.2023).

¹⁷⁹ Кулинцев Ю.В. Стратегия развития ШОС и концепция «Экономический пояс шелкового пути»: интеграционный потенциал культурного гуманитарного сотрудничества // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2019. – №24. – С. 131–144.

¹⁸⁰ Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области образования / Секретариат Шанхайской организации сотрудничества. 15 июня 2006 г. URL: <https://rus.sectesco.org/20060615/203409.html> (дата обращения 23.08.2023).

¹⁸¹ Айтбаева Р., Касимова Н. Гуманитарное сотрудничество стран ШОС // Concorde. – 2018. – №2. – С. 83–88.

¹⁸² Иванова Г. П., Логвинова О. К. Интернационализация педагогического образования: магистратура университета ШОС // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2017. – Т. 1. – №. 4 (41). – С. 115–123.

Узбекистана, 1 – Белоруссии. Таким образом, УШОС создает возможности для трансграничного сотрудничества в области образования между государствами-членами ШОС.

Образовательная дипломатия КНР на фоне инициативы «Один пояс, один путь»

Человечество в настоящее время находится перед лицом множества общих вызовов. И.В. Ильин и О.Г. Леонова интерпретировали культурные конфликты в международных отношениях с точки зрения универсальных ценностей¹⁸³. А.Н. Чумаков и М.С. Стычинский исследовали проблему культурно-цивилизационного диалога в условиях глобального мира. В своей работе авторы отметили, что «культурные различия играют первостепенную роль в процессах установления межкультурных контактов, что, в свою очередь, является основной причиной существования различного рода противоречий и конфликтов на глобальном уровне»¹⁸⁴.

В данных условиях в Белой книге «Китайская дипломатия» указывается, что Китай будет энергично осуществлять гуманитарную дипломатию, которая является одним из трех главных видов китайской дипломатии¹⁸⁵. Китайский ученый Чжоу Гупин предложил внедрить концепцию «образовательной дипломатии» и проанализировал ее взаимосвязь с инициативой ОПОП¹⁸⁶.

Важно подчеркнуть, что многие крупные державы уже в течение длительного времени проводят собственную «образовательную дипломатию» – в качестве примеров можно назвать программу Фулбрайта в США и Болонский процесс в Европейском союзе. Россия также активно продвигает свою собственную политику сотрудничества в области высшего образования и

¹⁸³ Ильин И.В., Леонова О.Г. Глобальные универсальные ценности и гуманитарные технологии в международной политике // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. – 2018. – №1. – С. 3–10.

¹⁸⁴ Чумаков А.Н., Стычинский М.С. Культурно цивилизационный диалог и его возможности в условиях глобального мира // Век глобализации. – 2018. – №1. – С. 3–14.

¹⁸⁵ Белая книга «Китайская дипломатия». – Пекин: Министерство иностранных дел КНР, 2020.

¹⁸⁶ 周谷平, 韩亮. “一带一路”倡议与教育外交[J]. 比较教育研究 (Чжоу Гупин, Хань Лян. Инициатив «Один пояс, один путь» и образовательная дипломатия // Сравнительные исследования в области образования. – 2018. – Т. 40. – № 04. – С. 3–9).

международных обменов. Инвестиции в образование описываются как «инвестиции в будущее»¹⁸⁷.

«Образовательная дипломатия» Китая формируется недавно, и поэтому опыт других стран имеет большое значение для разработки Китаем собственной политики в области образования. С продвижением инициативы ОПОП Китай укрепляет сотрудничество в этой области со странами, расположенными вдоль Шелкового пути. В связи с основополагающей и ведущей ролью образования в строительстве ОПОП, в 2016 году Министерством образования КНР предложен План образовательных мер для инициативы «Один пояс – один путь», который является базовым документом в данной области. В документе предлагалось сделать акцент на следующих направлениях сотрудничества: 1) координация законодательства и политики в сфере образования в странах-участницах инициативы; 2) облегчение различных административных процедур, связанных с сотрудничеством в сфере образования (к примеру, процесса выдачи студенческих виз); 3) преодоление языковых барьеров между странами-участницами; 4) поддержка ученых-страноведов и регионоведов, способствующих распространению в своих странах знаний о других странах-участницах инициативы; 5) взаимное признание документов об образовании и ученых степенях¹⁸⁸. Страны ОПОП положительно отреагировали на публикацию этого документа, что проявилось в следующих трех аспектах:

1. Число иностранных студентов, приезжающих в Китай, постоянно растет.

По данным Министерства образования КНР, в 2016 году общее число иностранных студентов в Китае составило 442 773 человека, среди них насчитывалось 207 746 иностранных студентов из стран, расположенных вдоль ОПОП, что составляет 46,92% от общего числа иностранных студентов в Китае¹⁸⁹. Следует отметить, что Китай стремится предоставить студентам из этих

¹⁸⁷ Богатырева О.Н., Лескина Н.В. Образовательная дипломатия европейских регионов // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2018. – №3(13). – С. 67–78.

¹⁸⁸ Education Action Plan for the Belt and Road Initiative / Ministry of Education of the People's Republic of China. 2016 July. URL: <https://en.imsilkroad.com/p/314241.html> (дата обращения: 28.06.2023).

¹⁸⁹ 2018 年来华留学生简明统计. 中国教育部国际合作与交流司, 2019 年. Statistical report on international students in China for 2018 / Ministry of Education of the People's Republic of China. 18.04.2019. URL:

стран возможность бесплатно учиться в китайских университетах, предоставляя им стипендию Шелкового Пути Правительства Китая – ежегодно такие стипендии получают 10 тысяч студентов. Существуют и другие стипендии.

2. Учрежден Университетский альянс Шелкового пути

В Сиане в 2015 г. в рамках ОПОП был основан Альянс университетов Шелкового пути, стратегической целью которого является развитие образовательного сообщества ОПОП. Больше 50 университетов из стран, расположенных вдоль Экономического пояса Шелкового пути, присоединились к альянсу¹⁹⁰. Более того, в 2016 году в Урумчи был создан Университетский альянс Китая и стран Центральной Азии, к которому присоединились больше 50 университетов из Китая, Центральной Азии и 7 стран, расположенных вдоль Экономического пояса Шелкового пути. Китай также основал более чем 10 исследовательских центров в регионе Центральной Азии. Все вышеперечисленные воздействия оказывают помощь в процессе формирования интернациональных интерактивных платформ и углублении научного и образовательного сотрудничества в рамках инициативы ОПОП.

3. Создана сеть институтов Конфуция

По последним данным МИД Китая, на октябрь 2023 г. в общей сложности 313 институтов Конфуция были созданы в странах, расположенных вдоль ОПОП. Институт Конфуция активно взялся за преподавание китайского языка и проведение трансграничных культурных мероприятий в этих странах, и уже стал известным брендом китайской культуры на Шелковом пути.

В июле 2017 года Китай принял документ под названием «Несколько идей об укреплении и улучшении гуманитарного обмена между Китаем и зарубежными государствами», который служит в качестве руководящей идеологии и основой для принципов гуманитарной политики Китая¹⁹¹. Однако

http://en.moe.gov.cn/documents/reports/201904/t20190418_378692.html (дата обращения: 28.06.2023).

¹⁹⁰ Introduction / Official site of the University Alliance of the Silk Road. URL: http://uasr.xjtu.edu.cn/About_UASR/Introduction.htm (дата обращения: 28.06.2023).

¹⁹¹ 中华人民共和国中央人民政府。中共中央办公厅 国务院办公厅印发《关于加强和改进中外人文交流工作的若干意见》(Главное управление Государственного совета, аппарат Центрального комитета Коммунистической партии Китая. Несколько идей об укреплении и улучшении гуманитарного обмена между Китаем и зарубежными

несмотря на активное участие стран Центральной Азии в Экономическом поясе Шелкового пути, ряд государств обеспокоены сильной зависимостью от Китая. У некоторых стран, участвующих в данной инициативе, присутствуют сомнения по поводу строительства ОПОП и идеологического понимания Сообщества с единой судьбой. В значительной мере этому способствует пропаганда стран Запада в отношении инициативы ОПОП. Так, например, критики данной инициативы называют ее «китайским планом Маршалла», «новым колониализмом», «китайской долговой ловушкой», «планом мирового господства»¹⁹². Все это вызывает ряд проблем при строительстве ОПОП.

Политика мягкой силы Китая усилила влияние государства в Центрально-Азиатском регионе, однако в настоящее время по-прежнему остается на ограниченном уровне. Это отражается в отсутствии брендированных проектов обмена в области образования, таких как Программа Фулбрайта в США. На сегодняшний день в Китае и государствах Центральной Азии есть только Институт Конфуция, который представляет собой фундаментальный проект сотрудничества в области образования. Китай пока не смог создать совместные университеты со странами региона. При этом ни один китайский университет не создал школы в странах региона.

В целом за прошедшие 30 лет в истории развития гуманитарного обмена между Китаем и странами Центральной Азии можно выделить три этапа:

Первый этап (начало 1990-х – начало 2000-х гг.). В данный период центральноазиатские государства получили независимость; КНР установила дипломатические отношения со всеми странами региона. Однако гуманитарные обмены в этот период ограничивались лишь единичными проектами (программа «Болашак» в Казахстане).

государствами / Официальный портал Центрального народного правительства Китайской Народной Республики. 21.12.2017. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2017-12/21/content_5249241.htm (дата обращения 23.08.2023).

¹⁹² Hurley J., Morris S., Portelance G. Examining the debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective // Journal of Infrastructure, Policy and Development. – 2019. – № 3(1). – Pp. 139–175.

Второй этап (начало 2000-х – 2012 гг.). Была сформирована Шанхайская организация сотрудничества, которая действует в качестве инструмента по реализации китайской внешней политики в Центральной Азии, а еще играет весомую роль в процессе формирования сотрудничества в различных областях. В этот период Китай инициирует и успешно развивает свой первый масштабный международный образовательный проект, ставший брендом – сеть Институтов Конфуция по всему миру, в том числе в странах Центральной Азии. В результате внедрения Китаем целого ряда мер поддержки интенсифицируется приток в китайские вузы студентов из стран Центральной Азии.

Третий этап (с 2013 г. – по настоящее время). После того как была предложена инициатива ОПОП, гуманитарный обмен вступил в третий этап, который также является этапом с наилучшими темпами развития. Наиболее важным гуманитарным проектом в рамках инициативы ОПОП является образовательное сотрудничество, его потенциал огромен и носит взаимовыгодный характер. Реализация инициативы ОПОП открыла модель сотрудничества, которая способствует интеграции образования и гуманитарных связей.

ГЛАВА 3: Внешняя политика КНР и конкурирующих с ней в сфере гуманитарного сотрудничества в Центральной Азии государств

С непрерывным продвижением глобализации международные отношения претерпевают изменения, роль гуманитарных обменов увеличивается. Многие мировые державы начали проводить свою собственную гуманитарную политику в поисках новых возможностей воздействия на другие государства за пределами традиционной дипломатии. В академических кругах Китая и России нет единого объяснения политики «мягкой силы», а гуманитарная политика не эквивалентна «мягкой силе»¹⁹³. Действительно, «мягкая сила» заключается не только в распространении образа жизни, но и в том, чтобы овладеть умами в государстве-контрагенте настолько, чтобы оно добровольно приняло этот образ в качестве образца для подражания. Целью политики гуманитарного обмена является улучшение имиджа страны на мировой арене, а также формирование климата доверия как благоприятной среды для более масштабных политических и экономических инициатив.

Как отмечает С.С. Жильцов, после распада СССР Центральная Азия стала пространством активного влияния внерегиональных государств. «США, ЕС, Россия, Китай, Индия, Япония и Турция исходили из своих долгосрочных интересов, пытаясь навязать государствам региона свою политическую повестку, включить их в сферу экономических интересов»¹⁹⁴. Усиление влияния Китая в регионе в последние годы сопровождается его трансформацией в глобальную державу с соответствующей идеологией¹⁹⁵, что, в свою очередь, не может не служить дополнительным фактором его воздействия на развитие стран

¹⁹³ Морозов Ю.В., Сафронова Е.И. Значение гуманитарного сотрудничества России и Китая с центральноазиатскими партнерами в рамках ШОС // Национальные интересы, приоритеты и безопасность. – 2014. – №32 (269). – С. 35–49.

¹⁹⁴ Жильцов С.С. Роль многосторонних механизмов сотрудничества в политике внешних акторов в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24. № 3. С. 15-27

¹⁹⁵ Савкович Е.В. Проблема перехода от регионального к глобальному: "мессианская" роль Китая / В сборнике: VII Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона. Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 96-99.

Центральной Азии. При этом образовательная сфера является основой для фундаментального укрепления сотрудничества и долгосрочного взаимодействия.

Китайский ученый Гу Минъюань в своей работе «Введение в сравнительное образование – Образование и развитие страны»¹⁹⁶ отметил, что международное сотрудничество в области образования является важным аспектом внешней политики страны, который включает в себя трансграничные потоки кадров, проекты, образовательные учреждения и содержание учебных программ. Поэтому сотрудничество в сфере образования целесообразно исследовать в качестве инструмента внешнеполитического воздействия.

Центральная Азия представляет собой важное геополитическое пространство; после распада СССР и образования новой геополитической картины стратегический интерес ведущих игроков мира к этому региону значительно возрос, в том числе со стороны США, ЕС, Японии и т.д. Центральная Азия граничит как с Россией, так и с Китаем, и потому имеет важное геополитическое значение для обеих стран. Таким образом, изучение гуманитарной политики ведущих держав в Центральной Азии поможет более точно определить стратегические приоритеты гуманитарной дипломатии и статус стран региона во внешней политике этих держав. Китай, США и Россия являются наиболее влиятельными государствами в Центральной Азии, но их влияние в этом регионе разнообразно; его можно проанализировать путём оценки различных показателей.

¹⁹⁶顾明远, 薛理银. 比较教育导论——教育与国家发展[M]. 北京: 人民教育出版社, 1996, 353. (Гу Минъюань, Сюэ Лиинь. Введение в сравнительное образование – образование и развитие страны. – Пекин: People's Education Press, 1996. – 353 с.)

3.1. Сравнительный анализ политики в сфере образования России, США, Турции, Японии и Китая в Центральной Азии

С развитием ШОС, строительством ОПОП и углублением сотрудничества между Китаем и странами региона международное сообщество все больше убеждается в росте влияния Китая в Центральной Азии, полагая, что Китай стал важным игроком в регионе. Еще в сентябре 2013 года, после визита председателя КНР Си Цзиньпина в страны Центральной Азии, Фонд Карнеги за международный мир* опубликовал статью "Беспрецедентное влияние Китая в Центральной Азии", в которой указывалось, что Китай начал вытеснять США и РФ в качестве самой влиятельной страны в Центральной Азии¹⁹⁷.

Однако опрос, проведенный в Таджикистане (таблица 8), показывает, что РФ, КНР и США играют разные роли в Центральной Азии. Результаты опроса показывают, что: почти треть респондентов считают, что Россия обладает наибольшим влиянием с точки зрения политики и безопасности, за ней следуют США и Китай; более трети респондентов считают, что Китай оказывает наибольшее экономическое влияние на регион и способствует экономическому развитию. Опрос также показал, что странами, оказывающими наибольшее влияние на Центральную Азию с точки зрения культуры, являются Иран и Турция, и почти 1 из 10 человек считает, что культурный имидж Соединенных Штатов в Центральной Азии негативный. Такой же опрос о роли крупных держав в Центральной Азии был проведен в Казахстане и Кыргызстане, результаты его оказались аналогичны результатам опроса в Таджикистане – почти 80% респондентов склонны положительно оценивать влияние России в Центральной Азии. В то же время в Кыргызстане более 60% людей негативно относятся к

¹⁹⁷ 中国在中亚的影响力无与伦比。卡内基国际和平基金会, 18-09-2013 Беспрецедентное влияние Китая в Центральной Азии / Фонд Карнеги за международный мир. 18.09.2013. URL: <http://carnegieendowment.org> (дата обращения: 28.06.2023). *Фонд Карнеги за международный мир признан иноагентом

влиянию США в Центральной Азии, а влияние Китая в других аспектах, помимо экономики, находится между Россией и США.

Таблица 8. Вопрос опроса (Таджикистан): Какую роль, по вашему мнению, играют следующие страны в Центральной Азии?

Какую роль?	США	РОССИЯ	КИТАЙ	ИРАН	ЕС	ТУРЦИЯ
Активную – обеспечение безопасности и стабильности	11.4%	30.5%	11.4%	10.2%	9.1%	10.3%
Позитивную – содействие экономическому развитию	8.9%	25.3%	35.1%	14.5%	9.3%	21.2%
Позитивную – содействие культурному прогрессу и развитию	1%	1.5%	1.3%	15.9%	4.3%	6.3%
Нейтральную – не оказывает важного влияния на положение дел в регионе	10.7%	4.1%	4.6%	7.4%	11.3%	6.8%
Отрицательную – способствует нестабильности	7.5%	4.9%	5.8%	5.2%	4.3%	5.3%
Негативную – вмешательство в	4.8%	1.4%	2.1%	0.3%	1.8%	1.1%

региональные дела						
Негативную – насаждение своей культуры	8.7%	4.9%	5.8%	5.2%	4.3%	5.3%
Не знаю/ответа нет	47.1%	31%	37.2%	44.9%	58.6%	46.3%

Источник: ¹⁹⁸

Опросы общественного мнения могут в определенной степени отражать влияние России, Китая, и США в Центральной Азии, но распределение влияния других стран, таких как Япония и Турция, в данном регионе требует дальнейших исследований.

Гуманитарная политика России в Центральной Азии в сфере образования

В реальной геополитике Россия рассматривает Центральную Азию как пространство своего влияния, что означает предотвращение попыток контроля над регионом со стороны других великих держав, чтобы они не представляли угрозы национальным интересам России¹⁹⁹. Важно отметить, что в дополнение к вопросам безопасности, экономическим и энергетическим интересам России в регионе существует также особый и важный интерес – гуманитарное сотрудничество. Россия и страны региона имеют давние исторические связи, характеризующиеся продолжительным влиянием русской культуры и языка, что дает России значительные преимущества в вопросах реализации своей гуманитарной политики в регионе в сравнении с другими государствами.

¹⁹⁸ Kennedy W. China and the evolution of power: What is motivating China to adopt soft power strategies and how effective have these strategies been? – Amsterdam: Universiteit van Amsterdam, 2016. – P. 45.

¹⁹⁹ 杜岩岩, 刘玉媚. 俄美欧中亚跨境教育的战略构想及实施策略[J]. 教育科学, 2020, 36(06): 61-68. (Ду Яньян, Лю Юмэй. Стратегическая концепция и стратегия внедрения трансграничного образования России, США, Европы в Центральной Азии // Педагогическая наука. – 2020. – №36(06). – С. 61–68).

После распада СССР страны Центральной Азии стали независимыми, однако сохранение их в своей культурной зоне является стратегической целью России. Это также отражено в Концепции внешней политики Российской Федерации, опубликованной в ноябре 2016 года²⁰⁰. Концепция указывает приоритетным направлением политики МИД РФ осуществление двустороннего и многостороннего сотрудничества со странами СНГ, а также в дальнейшем укрепление интеграционного механизма с участием России в странах СНГ. В целях обретения важного статуса в Центральной Азии Россия продолжает укреплять культурные связи со странами региона, содействовать изучению и популяризации русского языка, поддерживать развитие зарубежных российских образовательных учреждений и филиалов российских вузов.

Несмотря на то, что страны Центральной Азии приняли язык своих основных этнических групп в качестве национальных языков, русский язык по-прежнему широко используется в этих странах и является языком межэтнического общения. Кыргызстан объявил русский язык официальным языком. В казахстанских университетах русский язык по-прежнему является основным языком обучения, на долю которого приходится 58,8%, за ним следует казахский язык, на долю которого приходится 40%²⁰¹.

Ради достижения стратегических целей и дальнейшего продвижения гуманитарного сотрудничества в сфере образования на постсоветском пространстве Россия активно содействовала подписанию ряда документов о сотрудничестве в этой области. В течение этого периода большая часть политики России в отношении Центральной Азии осуществлялась в рамках СНГ.

Главным нормативным документом России в этой сфере является Соглашение о сотрудничестве в области образования с пятью странами Центральной Азии и другими странами СНГ от мая 1992 года, согласно которому

²⁰⁰ Дробот Г. А. О Концепции внешней политики России 2016 года // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – №4. – С. 22–32.

²⁰¹ 储诚意. 哈萨克斯坦的高等教育及其改革[J]. 安庆师范学院学报(社会科学版), 2009, 28(09): 66–70. (Чу Чэнинь. Высшее образование в Казахстане и его реформы // Журнал Аньцинского педагогического университета (издание по социальным наукам). – 2009. – Т. 28. – №09. – С. 66–70).

была учреждена конференция министров образования СНГ для совместного построения образовательного пространства и интеграции образования в рамках СНГ. Это событие заложило правовую основу для укрепления сотрудничества России в области образования со странами Центральной Азии.

В мае 2005 года государства – участники СНГ подписали Декларацию о гуманитарном сотрудничестве в целях дальнейшего укрепления сотрудничества между странами в области образования, культуры, языка, науки, архивов, информации и средств массовой информации²⁰².

В дополнение к этим базовым документам, реализуемым в рамках СНГ, Россия и страны региона также достигли ряда двусторонних соглашений в гуманитарной сфере с 1995 г. к настоящему времени. Например, Россия не только последовательно подписала соглашения с Казахстаном, Кыргызстаном и Туркменистаном о взаимном признании академических квалификаций, свидетельств об окончании учебных заведений и правоустанавливающих документов, но и определила направление сотрудничества в подготовке высококвалифицированных научно-исследовательских и преподавательских кадров и проведении совместных научных исследований высокого уровня²⁰³.

В 2019 г. Россия вместе с Узбекистаном подала заявку о взаимном признании образования и квалификации, ученых степеней. Эта мера направлена на развитие сотрудничества между двумя странами в области образования и науки, обеспечение взаимного признания образовательных и академических квалификаций, а также укрепление взаимодействия в области гуманитарного обмена. Подписание этой серии документов заложило политическую основу для усиления Россией своего влияния в Центральной Азии в контексте построения общего образовательного пространства.

²⁰² 郑虹. 浅析俄罗斯“软实力”对独联体国家离心力的缓解作用 [J]. 华南师范大学学报 (社会科学版), 2006, (4): 76-79+159. (Чжэн Хун. Краткий анализ смягчающего воздействия “мягкой силы” России на центробежную силу стран СНГ // Журнал Южно-Китайского педагогического университета. – 2006. – №4. – С. 76–79+159).

²⁰³ Фоминых А.Е. Российские университеты на образовательных рынках Центральной Азии: Публичная дипломатия, сотрудничество и конкуренция // Вестник Томского Государственного Университета (История). – 2014. – №6. – С. 28–31.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 года №1315, в 2008 году МИД РФ учредило Россотрудничество²⁰⁴. Одним из трех приоритетных направлений его деятельности является реализация программ в сфере международного гуманитарного сотрудничества. Деятельность Агентства направлена на развитие гуманитарного сотрудничества и формирование позитивного имиджа России в мире. Россотрудничество активно взаимодействует в образовательной, научной, культурной, информационной областях с государственными и общественными институтами иностранных государств, деятельность Агентства направлена на расширение отношений добрососедства и солидарности с государствами – членами СНГ. По состоянию на 2020 год Агентством были открыты 97 представительств в более чем 80 странах и регионах для проведения международных образовательных выставок, обменов и сотрудничества в области высшего образования, реализации иностранной помощи в области образования и продвижения российского образования по всему миру²⁰⁵.

Анализ правовых актов позволяет сделать вывод, что гуманитарный обмен с государствами Центральной Азии является одним из приоритетов внешней политики России. Благодаря этим соглашениям и созданию специализированных агентств Россия смогла укрепить образовательные связи со странами региона. По мнению автора, гуманитарный обмен между Россией и регионом является достаточно успешным и зрелым.

Филиалы российских вузов. Российское правительство активно поощряет российские университеты к созданию филиалов и совместному управлению школами в странах Центральной Азии. По состоянию на 2022 год работают 6 филиалов в Казахстане, 5 – в Кыргызстане, 3 – в Таджикистане и 5 – в Узбекистане. Международные филиалы и совместные образовательные

²⁰⁴ Указ Президента Российской Федерации от 06.09.2008 г. № 1315 «О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества» / Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/28020>(дата обращения: 28.06.2023)

²⁰⁵ О Россотрудничестве / Официальный сайт Россотрудничества. URL: <https://rs.gov.ru/about-foiv/> (дата обращения: 28.06.2023).

учреждения, созданные Россией в Центральной Азии, работают в соответствии с российской моделью образования и преподавание ведется преимущественно на русском языке. Доктор Диана Пауна, декан Школы искусств и наук Университета Центральной Азии (УЦА), заявила, что отношения сотрудничества между российскими университетами и УЦА предоставляют важные возможности для развития преподавателям и студентам в Центрально-Азиатском регионе²⁰⁶.

Россия учредила Кыргызско-Российский славянский университет, Российско-Таджикский (Славянский) университет и совместный Российско-Туркменский университет в соответствующих государствах. Славянские университеты имеют большое влияние в регионе²⁰⁷. Эти национальные высшие учебные заведения находятся под совместным управлением обеих стран одновременно. Учебный план основан на учебных программах университетов обеих стран. Выпускники получают сертификаты об окончании обучения и дипломы о высшем образовании, признанные правительствами двух стран.

В силу исторических, географических и культурных факторов Россия всегда была основной страной назначения для студентов из стран Центральной Азии, обучающихся за рубежом. Согласно статистике ЮНЕСКО за период с 2015 по 2019 год, доля иностранных студентов из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана в России растет. Согласно таблицам 9 и 10, общее число иностранных студентов из пяти стран Центральной Азии, обучавшихся в России в 2019 году, составило 155918 человек, что составляет 63% от общего числа центральноазиатских студентов, обучающихся за рубежом, а среди казахстанских студентов, обучающихся за рубежом, более 75% обучаются в России²⁰⁸.

²⁰⁶ Aga Khan. University of Central Asia and Higher School of Economics sign Partnership Agreement in Moscow / Aga Khan Development Network. 21.02.2017. URL: <https://www.akdn.org/press-release/university-central-asia-and-higher-school-economics-sign-partnership-agreement-moscow> (дата обращения: 28.06.2023)

²⁰⁷ Филиалы каких российских вузов откроют в Казахстане / Sputnik Казахстан. 10.02.2022. URL: <https://ru.sputnik.kz/20220210/filialy-kakikh-rossiyskikh-vuzov-otkroyut-v-kazakhstane-22694488.html?ysclid=17rtu00kiq697106895> (дата обращения: 28.06.2023)

²⁰⁸ UNESCO institute for statistics. URL: <http://data.uis.unesco.org/> (дата обращения: 28.06.2023).

Таблица 9. Число иностранных студентов из стран Центральной Азии, обучающихся в России, 2015–2019 гг.

Страны	2015	2016	2017	2018	2019
Казахстан	59295	69895	65237	69836	71368
Узбекистан	16162	19893	20862	26283	27397
Туркменистан	16332	16521	17457	21938	27889
Таджикистан	10825	15126	14204	19756	21973
Кыргызстан	4430	5700	5523	7247	7291
Итого	107044	127135	123283	145060	155918

Источник: составлено автором по данным ЮНЕСКО (<http://data.uis.unesco.org>)

Таблица 10. Число студентов из стран Центральной Азии, обучающихся за рубежом, 2015–2019 гг.

Страны	2015	2016	2017	2018	2019
Казахстан	78253	90213	84859	88118	89292
Узбекистан	28228	32908	35029	42335	52952
Туркменистан	51065	47872	46224	49350	63584
Таджикистан	15685	20777	19779	25226	27624
Кыргызстан	9454	11484	11400	12802	12999
Итого	182685	203254	197291	217831	246451

Источник: составлено автором по данным ЮНЕСКО (<http://data.uis.unesco.org>)

Можно сказать, что отправка студентов на учебу в другие страны всегда была важным аспектом международного сотрудничества в области образования. Экономическая помощь и содействие, предоставляемые Россией студентам из

стран Центральной Азии, увеличили трансграничный поток студентов из этого региона и повысили качество образования в странах региона.

Россия стремится предоставить студентам из стран Центральной Азии возможность бесплатно учиться в российских университетах. Согласно статистике, среди казахстанских студентов, обучающихся в России, четверть из них получают высшее образование за счет бюджетных ассигнований. Ежегодно в Казахстане учреждается 3 тыс. стипендий «Болашак», из которых 69% предоставляются студентам, обучающимся в России. А в рамках Года Казахстана и Года России Казахстану ежегодно предоставляется около 200 мест для иностранных студентов, обучающихся в российских вузах бесплатно. Россия также оказывает финансовую поддержку студентам из Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана²⁰⁹. Кроме того, дистанционное образование является еще одним важным направлением сотрудничества между Россией и Центральной Азией в сфере образования. Текущая модель – Сетевой университет СНГ и Университет ШОС²¹⁰.

Можно заключить, что гуманитарная политика, проводимая Россией в Центральной Азии, достигла выдающих результатов, поскольку:

- Общий язык, общая история и ментальность по-прежнему играют важную роль в гуманитарном обмене между Россией и регионом. Культурное влияние России в регионе по-прежнему превышает аналогичное влияние других стран.

- Россия придает большое значение сотрудничеству в области образования в рамках СНГ, ЕАЭС и ШОС, а также углубляет сотрудничество в социальной и культурной сферах. Эти межправительственные многосторонние организации не просто обеспечивают платформу для образовательного сотрудничества между Россией и Центральной Азией – это имеет позитивное значение для

²⁰⁹ Россия и Узбекистан: научно-образовательный диалог в режиме онлайн / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. 28.05.2020. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/21571/> (дата обращения: 28.06.2023)

²¹⁰ Na-Xi L., Shan-Bing L., Meng-Fang H. How the belt and road initiative can help strengthen the role of the SCO and deepen China's cooperation with Russia and the countries of Central Asia //India Quarterly: A Journal of International Affairs. – 2019. – Vol. 75. – № 1. – P. 56–68.

реконструкции всеобъемлющего образовательного пространства во главе с Россией.

В то же время, можно отметить существующие проблемы в процессе гуманитарного сотрудничества России со странами региона, выявляются определённые сложности в расширении гуманитарного влияния Москвы на страны региона:

- дерусификация стран региона;
- присутствие внешних мощных сил;
- экономические трудности России.

После обретения независимости центральноазиатские страны стремятся уменьшить зависимость от России, расширяя программы межгосударственного сотрудничества со другими странами, а также находятся в поиске новых векторов внешней политики.

Необходимо подчеркнуть, что присутствие внешних мощных сил усилило международную конкуренцию в Центральной Азии. Страны региона начали предпринимать попытки по улучшению отношений с США и западными странами, так что молодые люди в этих странах в настоящее время находятся под глубоким влиянием европейской и американской культуры. Деятельность этих внешних акторов на постсоветском пространстве не соответствует национальным интересам России.

Российский ученый В.К. Кулакова отмечает, что деятельность России по гуманитарному обмену в странах Центральной Азии на самом деле является проекцией всеобъемлющей мощи страны в регионе. Несмотря на тот факт, что эта деятельность России укрепила имидж страны, предстоит пройти еще долгий путь для создания образовательного сообщества²¹¹. Сотрудничество между Россией и странами Центральной Азии в сфере образования должно быть основано на устойчивом развитии их собственных экономик и обществ, в противном случае оно значительно замедлится.

²¹¹ Кулаков В. К. Финансы под диктовку. США и трансатлантические правила // Россия в глобальной политике. – 2015. – № 2. – С. 176–184.

Можно заключить, что Россия сохраняет свое влияние в Центральной Азии и, безусловно, обладает уникальным преимуществом в этом регионе, однако оно также ограничено влиянием США, ЕС, Турции, Ирана, Китая и других игроков. Но при названных сложностях Россия целенаправленно продолжает реализовывать политику, направленную на создание общего образовательного пространства в Центральной Азии.

Гуманитарная политика США в Центральной Азии в сфере образования

В докладе ЮНЕСКО «Переосмысление концепции образования: на пути к глобальному общему благу?»²¹² отмечается, что знания и образование стали общими интересами современного мира. Эта концепция критикует теорию «центр-периферия» в традиционном международном сотрудничестве и выступает за то, чтобы все страны создали сообщество на основе равенства, независимости и взаимного уважения²¹³. Можно видеть, что образование является важной частью гуманитарного обмена и, естественно, является связующим звеном в международных отношениях.

До сих пор в мировой политологии, включая и российский, и китайский ее сегменты, нет единой трактовки понятия «гуманитарная политика». По мнению Великой А.А. и Семедова С.А., гуманитарная политика является внешнеполитическим инструментом по формированию благоприятного образа страны²¹⁴. На взгляд автора, значение гуманитарного обмена очень разнообразно в зависимости от контекста. Автор объясняет гуманизм в традиционной китайской мысли, гуманитарная политика — это внешняя политика, проводимая страной в области гуманитарных наук. Поскольку это внешняя политика, она

²¹² ЮНЕСКО. Переосмысление концепции образования: на пути к глобальному общему благу? URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000232555_rus (дата обращения: 28.06.2023).

²¹³ 王澍, 柳海民, 樊华. 西方政治哲学视角下教育与国家关系的理论: 特征与启示 [J]. 外国教育研究, 2017, (12): 65-78 (Ван Шу, Лю Хайминь, Фань Хуа. Теория взаимосвязи между образованием и международным отношением с точки зрения западной политической философии: характеристики и откровения // Исследование зарубежного образования. — 2017. — № 12. — С. 65–78).

²¹⁴ Великая А. А., Семедов С.А. Гуманитарная политика Советского Союза // Обозреватель – Observer. — 2020. — №4 (363). — С. 56–65.

должна соответствовать ее собственным стратегическим интересам. Следовательно, анализируя эту гуманитарную политику, можно также отразить стратегические различия во внешних отношениях между странами. Это еще одна перспектива для изучения внешней политики крупных держав.

Сегодня Китай и США являются активными игроками в области гуманитарной политики в Центральной Азии в таких областях, как здравоохранение, спорт, культура и предотвращение чрезвычайных ситуаций²¹⁵. Изучая сотрудничество в области образования, можно обнаружить, что гуманитарная политика в этих странах различна, и, соответственно, реакция стран Центральной Азии разная. Сравнивая и анализируя различия в гуманитарной политике, мы можем лучше понять внешнеполитические стратегии и интересы этих стран.

Следует отметить, что отношения между Соединенными Штатами Америки и Центральной Азией имеют свою специфику. США и страны Центральной Азии не имеют общих географических границ, находятся далеко друг от друга и имеют мало исторических связей. Даже до распада СССР США очень мало знали об этом регионе, а Центральная Азия также не имела глубокого понимания США. Только после событий 11 сентября 2001 г. США вошли в регион во имя борьбы с терроризмом, и их дипломатическое отношение также достигло поворотного момента, нарушив этот статус-кво.

Помимо борьбы с терроризмом, еще одной дипломатической стратегией США в регионе является энергетическая и культурная экспансия. Для США Центральная Азия является стратегическим местом. Прежде всего, создание американских военных баз в регионе поможет не только бороться с терроризмом, но и сдерживать Китай и Россию. Во-вторых, регион богат ресурсами (нефть и природный газ), которые также находятся в центре внимания США. В-третьих, после распада Советского Союза США начали проводить активную политику в Центральной Азии. Большое внимание уделялось содействию гуманитарному

²¹⁵ Кузнецова В.В., Машкина О.А. Глобализация китайского высшего образования как фактор геополитического влияния Китая» // Сравнительная политика. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 139–150.

обмену, особенно в области образования, и культурным обменам, а также сотрудничеству в области медицины и здравоохранения, охраны окружающей среды и других областях²¹⁶. Участниками этих процессов выступали не только правительства, но и неправительственные организации. Целями для воздействия являются в основном молодые люди, студенты и интеллектуальная элита из стран региона. По сути, гуманитарная политика США в отношении Центральной Азии по-прежнему заключается в экспорте «американских» ценностей и демократических концепций в страны региона.

В своей статье «Американские факторы, влияющие на культурную безопасность Центральной Азии»²¹⁷ Вэн Хао отметил, что усилия США в отношении центральноазиатской культуры – не имеют сильного эффекта. «Мягкая сила» США в отношении стран региона в основном включает три аспекта: экономическую помощь, культурное проникновение и демократические изменения. Эти три аспекта отражены в сфере образования: США предоставляют большое количество кредитов и образовательной помощи странам региона через Всемирный банк, Международный валютный фонд и другие учреждения, а также создают высшие учебные заведения в регионе, направляют студентов, распространяют американские демократические идеи и проводят культурное проникновение²¹⁸. Цель состоит в том, чтобы взрастить социальную группу проамериканской, демократически настроенной элиты в регионе.

Имея четкие стратегические цели, США приступили к реализации плана помощи Центральной Азии, включая помощь в сфере образования. Согласно докладу «Продвижение суверенитета и экономического процветания: Стратегия США для Центральной Азии на 2019–2025 годы», США предоставили более 9 миллиардов долларов США в виде прямой финансовой помощи Центральной Азии. В то же время частные компании США инвестировали в регион более 31

²¹⁶ Ян Юкай, Юань И. Стратегическая корректировка США в Центральной Азии и тенденции региональной политики // Российские исследования по Восточной Европе и Центральной Азии. – 2020. – № 2. – С. 19–37.

²¹⁷ Вэн Хао. Американские факторы, влияющие на культурную безопасность Центральной Азии // Информация о Центральной Азии. – 2009. – №09. – С. 28–29.

²¹⁸ Комлякова Ю Ю. Политика США в сфере образования в некоторых государствах Центральной Азии : Казахстан, Кыргызстан // Культурная жизнь юга России. – 2015. – № 4. – С. 64–68.

миллиарда долларов США, создали тысячи рабочих мест и напрямую профинансировали более 40 тыс. человек для получения образования и профессиональных обменов²¹⁹. США вложили значительные средства в реализацию своих планов и следует признать, что возвращённые проамериканские элиты играют активную роль в процессе оттока кадров из Центральной Азии в США.

США осуществили несколько важных образовательных проектов в Центральной Азии. Первый – это Программа Фулбрайта, созданная в 1946 году, которая в основном направлена на содействие взаимным обменам и взаимопониманию между американским народом и народами других стран. Сегодня программа Фулбрайта является одной из самых признанных и престижных программ международного обмена в мире. В программе приняли участие пять стран Центральной Азии. Второй по значимости образовательной программой является Стипендиальная программа Хьюберта Хамфри.

Более особенным проектом является программа Tech Girls, предложенная отделом планирования молодежи Бюро по вопросам образования и культуры Государственного департамента Соединенных Штатов (ECA). Программа направлена на обучение девочек средней школы из регионов Ближнего Востока, Северной Африки и Центральной Азии и поддержку их интереса к науке, технологиям, инженерии и математике (STEM). Кроме того, существует множество проектов сотрудничества между США и странами Центральной Азии в области образования, таких как Глобальная программа обмена студентами (Global UGRAD), Программа стипендий Эдмунда Маски для аспирантов (Edmund S. Muskie), Программа обмена будущими лидерами (Future Leaders Exchange Program) и даже программы обмена для преподавателей в университетах Центральной Азии, такие как Лидерство младшего преподавательского состава (Junior Faculty Development Program), Программа

²¹⁹ Стратегия Соединенных Штатов в Центральной Азии на 2019 – 2025 годы: Укрепление суверенитета и экономического процветания / Официальный сайт Посольства США в Таджикистане. 05.02.2020. URL: <https://tj.usembassy.gov/ru/pr-02052020-ru/> (дата обращения: 28.06.2023).

повышения педагогического мастерства (ТЕА) и Проект равных возможностей (ЕАР) для лиц с ограниченными возможностями²²⁰.

Нельзя не отметить, что упомянутые выше образовательные проекты имеют одну общую черту – для участия в них требуется владение английским языком. По различным каналам люди из стран центральноазиатского региона могут активно изучать английский язык. Это также типичное проявление американской гуманитарной политики. Внедрение США изучения английского языка в пяти странах региона в основном начинается с предоставления онлайн-учебных ресурсов.

США также создают различные учебные заведения в регионе. Наиболее влиятельным из них является Американский университет Центральной Азии, который был основан в 1993 году. Он расположен в столице Кыргызстана Бишкеке. Ценность и цель университета таковы: стать культурным центром региона, обеспечивать устойчивое развитие учебного заведения и готовить будущих лидеров региона²²¹. Кроме того, Кыргызский международный университет в Бишкеке, Американский университет Казахстана в Алматы и недавно созданный Университет Назарбаева в Астане – все они используют образовательную модель и учебные программы американских университетов для осуществления трансграничного образования.

Гуманитарная политика США обеспечила им место в Центральной Азии. Проекты сотрудничества в сфере высшего образования, образовательная помощь и создание учебных заведений привлекли большое количество студентов и преподавателей из стран региона в Америку. Было подготовлено большое количество проамерикански настроенных талантов из Центральной Азии²²². Они

²²⁰ Education & Culture / Official website of the U.S. Embassy in Kyrgyzstan. URL: <https://kz.usembassy.gov/education-culture/> (дата обращения: 28.06.2023)

²²¹ Об университете / Официальный портал Американского университета в Центральной Азии. URL: https://www.auca.kg/ru/auca_at_a_glance/ (дата обращения: 28.06.2023).

²²² Медушевский Н.А., Шишкина А.Р. Образовательные системы стран Центральной Азии: Вызовы, риски и перспективы регионального сотрудничества// Системный мониторинг глобальных и региональных рисков ежегодник. – 2014. – Т. 19. – С. 324–363.

привнесли американскую социальную модель в центральноазиатское общество, оказав влияние на настоящее и будущее всего региона.

В процессе реализации гуманитарной политики США пытаются содействовать процессу демократизации стран Центральной Азии, который стал одним из главных стратегических интересов США в регионе. В упомянутом выше тексте «Продвижение суверенитета и экономического процветания: Стратегия США для Центральной Азии на 2019–2025 годы» США еще раз заявили, что важной целью будущей Стратегии правительства является содействие реформе верховенства закона и уважению прав человека в странах Центральной Азии. Можно сказать, что образовательная политика США в регионе является политическим продолжением их внешней политики. США продолжают распространять и насаждать политические ценности и идеологии «американского образца», а их действия, направленные на поддержание своего мирового статуса, вызвали недовольство у народов стран региона, особенно цветные революции значительно снизили имидж США в Центральной Азии.

Разумеется, США вложили значительные средства в гуманитарную политику в Центральной Азии, особенно в области образования, что в долгосрочной перспективе может принести значительные результаты. Влияние образования на первый взгляд незаметно, но оно самое глубокое и продолжительное. Инвестиции США в образование – это способ инвестирования в будущее. Однако целью гуманитарной политики США в этом регионе является не только укрепление связей со странами региона, но и распространение американских ценностей в регионе и достижение своей стратегической цели – уравнивания Китая и России с помощью гибкой гуманитарной дипломатии, по этому поводу в Центральной Азии существует определенное недоверие к США.

*Сравнительное исследование политик КНР, Японии и Турции в
Центральной Азии в области гуманитарных обменов*

В регионе Центральной Азии Россия, Китай, США, Турция, Япония и ЕС являются шестью наиболее влиятельными игроками²²³. Из перечисленных выше крупных держав больше всего исследований посвящено России и США, анализ центральноазиатской политики Турции, Японии и Китая встречается реже и в основном сосредоточен на сферах экономики и безопасности. Однако их значение в делах Центральной Азии не следует игнорировать.

После распада Советского Союза интерес Японии к новым независимым республикам быстро возрос в силу геополитических и геоэкономических факторов²²⁴, а также вопросов обеспечения стабильности собственных энергетических коридоров и диверсификации японского экспорта. Несмотря на отсутствие географической близости, Япония стала важной внешней силой в соперничестве великих держав в Центральной Азии и активно участвует в делах региона.

При этом Турция также является партнером Японии в расширении образовательных проектов, а с 2007 по 2016 год при японском финансировании была реализована программа стипендий для студентов из Центральной Азии, обучающихся в Турции – Союз дружбы между Японией, Турцией и Центральной Азией.

Стремясь к быстрому экономическому развитию и индустриализации, страны Центральной Азии демонстрируют позитивное отношение к гуманитарным обменам с Японией. Токио тесно сотрудничает с университетами стран Центральной Азии посредством обмена студентами, преподавателями, медицинской помощи, сотрудничества в области экологического управления. Подписаны соглашения с университетами Центральной Азии об оказании им помощи в организации соответствующих лабораторий и т.д.²²⁵

²²³ 郭晓婷, 大国在中亚地区的发展援助及其成效 (Го Сяотин. Помощь в целях развития со стороны крупных держав Центральной Азии и ее эффективность // Исследование процесса принятия стратегических решений. – 2021. – Т. 12. – № 01. – Р. 77–98).

²²⁴ Дмитриева М.О. Япония – Центральная Азия гуманитарный трек развития сотрудничества // Постсоветские исследования. – 2022. – №5. – С. 474–481.

²²⁵ Dissyukov A. “Central Asia Plus Japan” Dialogue: From Idea to Implementation // Journal of International and Advanced Japanese Studies. – 2019. – Vol. 11. – No 11. – P. 1–21.

В то же время, можно отметить существующие проблемы в процессе реализации гуманитарной политики Японии в Центральном-Азиатском регионе. Во-первых, ее политика в регионе находится под сильным влиянием США, ее внимание к странам региона тесно связано со степенью, в которой США придают им значение. Это затрудняет развитие политики Японии в регионе в практических интересах страны. Во-вторых, с ослаблением японской экономики и девальвацией иены экономическое развитие Японии постепенно пошло на спад, и уменьшение объема помощи в определенной степени повлияло на развитие гуманитарной политики Японии в отношении Центральной Азии.

Для Турции Центральная Азия всегда была в центре внимания, поскольку у них не только общая религия, но четыре основные этнические группы – Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Туркменистана – все тюркоязычные народы. Глубоко укоренившийся пантюркизм в регионе способствовал тому, что Турция стала первой внешней державой, пришедшей в Центральную Азию²²⁶.

Отношения между Турцией и странами Центральной Азии, обретшими независимость, также переживали взлеты и падения. По сравнению с началом 1990-х годов дипломатия Турции в регионе постепенно становилась более рациональной и прагматичной: призывы к пантюркизму больше не звучали, а экономическое и гуманитарное сотрудничество стало основным направлением переговоров. С одной стороны, экономическое сотрудничество использовалось Турцией для получения доступа к местным рынкам и производственной кооперации. С другой стороны, для усиления своего влияния на страны региона основное внимание в гуманитарном сотрудничестве Турция уделяет сферам образования и здравоохранения.

Во время первого саммита глав тюркоязычных государств, состоявшегося в 1992 году, министры культуры шести тюркоязычных стран встретились и единогласно заявили о своем намерении укреплять сотрудничество в культурной сфере. Сотрудничество в области образования используется Турцией как важный

²²⁶ 王明昌, 土耳其与中亚国家关系的现状及前景 (Ван Минчан. Состояние и перспективы отношений Турции со странами Центральной Азии // Международные исследования. – 2018. – No 05. – P. 1–6.)

способ подчеркнуть свою национальную идентичность и расширить свое влияние в регионе, в основном путем создания учебных заведений всех уровней в странах региона, создания центров обучения турецкому языку и реализации стипендиальных программ Турции для иностранных студентов.

1. Предоставление стипендиального финансирования и образовательной помощи. Приоритетными направлениями гуманитарной политики Турции являются образование и здравоохранение. Так, в Казахстане 82% от всей турецкой помощи используется на образование, в Туркменистане – 55%, в Кыргызстане также лидирует образование, но его доля заметно ниже (37%), за ним идут здравоохранение (28%), а в Узбекистане и Таджикистане основные средства (соответственно 86 и 69%) идут на здравоохранение. Среди них Казахстан и Кыргызстан получают больше всего официальной помощи Турции в целях развития²²⁷.

2. Создание школ и центров обучения турецкому языку в Центральной Азии

В дополнение к оказанию финансовой помощи, Турция открыла много международных учебных заведений в странах данного региона, среди которых в основном университеты, способные распространять турецкую культуру. Например, по личной инициативе Н.А. Назарбаева и на основе Межправительственного соглашения между Казахстаном и Турцией в целях подготовки современных высококвалифицированных специалистов из молодежи тюркоязычных стран в 1991 году был основан Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави в г. Туркестане, он имеет четыре филиала в разных городах²²⁸. Следует упомянуть и Кыргызско-Турецкий университет «Манас», основанный совместно Кыргызстаном и Турцией в 1995 году в Бишкеке и выпустивший к настоящему времени более 11 тыс. учащихся.

²²⁷ Помощь развитию Центральной Азии как внешнеполитический инструмент // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 7. – С. 105–114.

²²⁸ Çaman M.E., Akyurt M.A. Caucasus and Central Asia in Turkish Foreign Policy: The Time Has Come for a New Regional Policy // Alternatives Turkish journal of international relations. – 2011. – Vol.10. – No 2–3. – P. 68–86.

Нужно отметить и такой образовательный институт, как школы Гюлена (Ф. Гюлен – известный турецко-исламский религиозный деятель). Сеть этих школ активно расширяется в странах, представляющих для Турции наибольший геополитический интерес. Н.З. Мосаки утверждает, что «турецкие школы за рубежом стали крупнейшим негосударственным проектом в истории Турции, своеобразными мостами между Турцией и соответствующими странами»²²⁹. В большинстве школ Гюлена преподавание ведется на четырех языках – английском, русском, родном и турецком, качество преподавания в них выше, чем в собственных средних школах стран Центральной Азии.

Китайское руководство также расширяет гуманитарные связи со странами Центральной Азии с целью создать благоприятный имидж своей страны в этом регионе. Сотрудничество в области образования является основным направлением гуманитарного обмена между Китаем и странами региона. Оно было подробно рассмотрено выше, здесь лишь кратко остановимся на том, что в настоящее время оно в основном выражается в трех аспектах²³⁰:

- Программы международных студенческих обменов, различные виды поддержки международной студенческой мобильности, реализуемые Китаем для студентов из стран Центральной Азии;

- Институты Конфуция – они активно взялись за преподавание китайского языка и проведение трансграничных культурных мероприятий в Центральной Азии и уже стали известным брендом китайской культуры;

- Университет ШОС и альянс университетов ОПОП, а также мероприятия, реализуемые в рамках Плана образовательных мер для инициативы «Один пояс – один путь», целью которого является оказание поддержки талантам, содействие

²²⁹ Мосаки Н. З. Турецкие учебные заведения в Иракском Курдистане: история и современное положение (школы Гюлена и фонда «Маариф») // Вестник Института востоковедения РАН. – 2020. – № 4. – С. 280–294. С. 282.

²³⁰ 魏晶晶. 上海合作组织框架下的中国和中亚国家的人文合作. 现代妇女(下旬), 2013, (06): 14-16. (Вэй Цзинцзин. Гуманитарное сотрудничество между Китаем и странами Центральной Азии в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Современные женщины (Поздние). – 2013. – №06. – С. 14–16.)

взаимному признанию академических квалификаций и научных степеней и создание образовательного сообщества ОПОП²³¹.

Однако нельзя игнорировать проблемы, которые существуют в процессе реализации гуманитарного обмена между Китаем и странами Центральной Азии. Например, в настоящее время Китай не создал ни один совместный университет со странами региона; среди их населения все еще имеются предубеждения и непонимание по отношению к Китаю. Помимо этого, деятельность других государств в регионе, реализующих свою собственную гуманитарную политику, также порождает неизбежные трудности в развитии взаимодействия Китая и Центральной Азии в гуманитарной области.

Для дальнейшего сравнения гуманитарной политики Японии, Турции и Китая в государствах Центральной Азии, в данной работе применяется SWOT-анализ для построения четырех измерений – сильных и слабых сторон, возможностей и угроз гуманитарной политики и практики каждой из этих трех стран в Центрально-Азиатском регионе (Таблица 11).

Таблица 11. SWOT-анализ реализации гуманитарной политики Турции, Японии и Китая в Центральной Азии (ЦА)

	Турция	Япония	Китай
Сильные стороны	1. Имеет общие культурные корни и религиозные верования со странами ЦА; Интеграция тюркоязычных стран как контекст для гуманитарных обменов; 2. Модель и путь национального развития Турции	1. Японская культура – сочетание восточной и западной культур, что привлекательно для стран ЦА; 2. Признание населением региона усилий японской дипломатии в области культуры и образования.	1. Благодаря жизнеспособности китайской экономической модели страны ЦА усилили экономическое взаимодействие с Китаем, особенно в области торговли и инвестиций; 2. Китай предлагает широкий спектр инициатив в сфере

²³¹ Education Action Plan for the Belt and Road Initiative / Ministry of Education of the People's Republic of China. 16.06.2020. URL: <https://en.imsilkroad.com/p/314241.html> (дата обращения: 28.06.2023)

	привлекательны для стран ЦА; 3. Школы Гюлена распространены в Центральной Азии и имеют влияние на развитие образования.		гуманитарной политики, реализуемых через Институты Конфуция, ШОС, ОПОП; 3. Китай граничит с тремя центральноазиатскими странами. Синьцзян является важным регионом для Китая и Центральной Азии с точки зрения укрепления культурных обменов и обладает географическими преимуществами.
Слабые стороны	1. На гуманитарные обмены сильно влияет политическая ситуация в Турции и отношения Турции со странами ЦА; 2. Недостаточный уровень экономического сотрудничества Турции и стран ЦА 3. У движения Гюлена есть взлеты и падения, обусловленные его отношениями с властями Турции.	1. Политика Японии в ЦА находится под сильным влиянием США, что вызывает недоверие у населения региона; 2. Япония географически находится далеко от Центральной Азии.	1. Разработка и осуществление политики в области гуманитарных наук в основном являются обязанностью национальных учреждений, а участие неправительственных организаций отсутствует; 2. Слабые инвестиции в сфере образования.
Возможности	1. Укреплять сотрудничество между Турцией и странами ЦА в различных областях, в том числе расширять гуманитарные обмены за счет интенсификации экономического сотрудничества.	1. Проводить независимую политику в Центральной Азии; 2. Укреплять связи с ЦА в области гуманитарных наук, особенно образования и средств массовой информации.	1. Формулирование гуманитарной политики, соответствующей интересам Китая и стран ЦА; 2. Полномасштабная реализация возможностей, связанных с инициативой ОПОП,

	2. Сохранять влияние в культурной и образовательной сферах стран ЦА.		Институтами Конфуция, ШОС в сфере гуманитарного обмена.
Угрозы	1. Конфликт между интеграцией тюркоязычных стран и независимым путем развития стран ЦА; 2. Образцовая эффективность национальной модели развития Турции снижается.	1. Сокращение экономической помощи негативно сказывается на гуманитарных обменах. 2. Распространение Японией демократических ценностей «западного образца» заставляет ЦА чувствовать угрозу.	1. “Теория китайской угрозы” распространяется в странах Центральной Азии; 2. Страны Центральной Азии слишком зависят от Китая в экономической сфере.

Источник: составлено автором.

Как видно из таблицы 11, три страны имеют различные преимущества в проведении гуманитарной политики в Центральной Азии. Турция имеет культурные связи со странами региона, общее языковое происхождение и общую религию, и страны региона высоко ценят модель национального развития Турции. Гуманитарная политика Японии оказывает глубокое влияние на социальную сферу государств Центральной Азии; хорошие межгосударственные отношения Китая со странами региона и быстрый рост экономического влияния Китая создают возможности для продвижения его гуманитарной политики в Центральной Азии.

В то же время, слабые стороны и угрозы реализации гуманитарной политики в Центральной Азии для стран, перечисленных в таблице, показывают, что Турция не может обеспечить прочное экономическое сотрудничество со странами региона Центральной Азии; Япония находится далеко от Центральной Азии и продвигает демократические ценности, именно поэтому уровень доверия к ее инициативам среди центральноазиатского населения остается не столь высоким; гуманитарная политика Китая в регионе в основном опирается на

государственные институты и высшие эшелоны власти, а неофициальных контактов пока мало, и уровень взаимопонимания и доверия между Китаем и государствами Центральной Азии нуждается в повышении.

Проведённый анализ показал, что стратегические цели, пути реализации и результаты гуманитарной политики Китая и России в Центральной Азии различны. В целом, Россия обладает уникальным преимуществом в регионе, гуманитарное влияние Китая в Центральной Азии все еще уступает российскому. В то же время нельзя игнорировать усиление роли Китая в регионе, особенно его экономического и культурного влияния. Хотя Китай и Россия конкурируют в сфере гуманитарной политики в Центральной Азии, сотрудничество имеет большее значение в деле ослабления влияния западных игроков и совместном укреплении образовательного взаимодействия в регионе.

США является крупным инвестором в образовательные проекты в Центральной Азии, что свидетельствует о большом значении, которое американское руководство придает гуманитарному обмену с этим регионом. Главной стратегической целью США является распространение американских ценностей и расширение своего влияния в Центральной Азии. С другой стороны, поскольку амбиции США слишком очевидны, это также вызвало отторжение в центральноазиатском обществе, и в определенной степени повлияло на процессы гуманитарного обмена.

Стратегические цели, методы реализации и характеристики гуманитарной политики Китая, Турции и Японии в странах Центральной Азии различны, зато сотрудничество в области образования является их ключевой областью. Судя по степени развития этой области, можно увидеть, что позиционирование данного региона в гуманитарных науках и дипломатии трех стран очень важно. Гуманитарный обмен в области образования между Китаем и странами Центральной Азии начался относительно поздно, но создание ШОС и

инициатива ОПОП способствовали интенсификации процессов по гуманитарному обмену.

В целом гуманитарная политика России, США, Турции, Японии и Китая в ЦАР значительно различается. Хотя ни одна из них пока не превзошла влияние России, не следует игнорировать их большие перспективы, особенно учитывая огромную экономическую мощь Китая и преимущества культурных коммуникаций Японии.

3.2. Особенности и тенденции сотрудничества в Центральной Азии в гуманитарной сфере в постпандемийный период

Пандемия коронавируса затронула все сферы жизнедеятельности человека, серьёзным образом повлияла на образ жизни миллионов жителей планеты. Следует признать, что сейчас весь мир столкнулся с тяжелыми последствиями влияния пандемии на все сферы деятельности человека. По оценкам экспертов из Всемирной туристской организации (ЮНВТО), Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД)²³², одной из наиболее пострадавших отраслей стала гуманитарная сфера, например, туризм, образование и пр. Далее автор анализирует ситуацию с культурным сотрудничеством между Китаем и Центральной Азией в условиях эпидемии.

По данным Министерства просвещения КНР, к концу 2020 г. в Центральной Азии уже открыли 13 институтов Конфуция и 21 аудиторию Конфуция. Сейчас институты Конфуция уделяют большое внимание программам «Китайский+», развитию научного потенциала и углублению межкультурной коммуникации²³³. Однако в связи с пандемией COVID-19 с марта 2020 года, институты Конфуция в странах Центральной Азии имеют несколько проблем.

Говоря об институтах Конфуция, вследствие пандемии коронавируса многие китайские преподаватели не могут выехать в страны Центральной Азии, а в институтах Конфуция также нет возможности проводить занятия в очном

²³² Выступление Генерального секретаря ШОС Владимира Норова на Международной конференции по развитию туризма на пространстве ШОС в условиях пандемии / Секретариат Шанхайской организации сотрудничества. 01.06.2021. URL: <http://rus.sectsc.org/news/20210601/757188.html> (дата обращения: 28.06.2023).

²³³ Лян Чжэньпэн. Культурная дипломатия Китая в центральной Азии в XXI веке на примере институтов Конфуция // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2017. – №1. – С. 33–46.

формате, что, безусловно, оказало негативно влияние на деятельность институтов Конфуция в Центрально-Азиатском регионе²³⁴.

Для решения этих проблем Китай и пять государств Центральной Азии должны работать вместе, необходимо внедрять инновационные модели сотрудничества и использовать цифровые технологии для создания облачных платформ институтов Конфуция для обучения китайскому языку и культурных обменов, а также других образовательных мероприятий.

Например, в октябре 2020 года в Эгейском университете в Греции открылся первый в мире онлайн-курс китайского языка. Для того, чтобы студенты могли лучше учиться, принята система классов и новая модель дистанционного обучения “трансляция + репетиторство”. Китайский альянс создает облачную онлайн-платформу и обеспечивает поддержку преподавания, чтобы максимально расширить возможности автономного обучения. Криси Вицилаки – ректор Эгейского университета – отметила, что открытие онлайн-курсов китайского языка является историческим моментом в греко-китайских отношениях и сотрудничестве в области образования²³⁵.

Можно сказать, что глобальная эпидемия ускорила развитие преподавания в направлении комбинированной онлайн- и офлайн-модели, что не только поставило новые задачи перед большинством международных педагогов в эпоху средств массовой информации, но и открыло новые возможности для преобразования традиционной педагогической системы и методов обучения в международном образовании.

Таким образом, для решения проблемы Институтам Конфуции нужно использовать цифровые средства для нового формата преподавания, стремиться предоставлять лучшую китайскую образовательную поддержку и услуги, а

²³⁴ Мирзоев Х.Т. Взаимодействие Республики Таджикистан с Китайской Народной Республикой в сфере образования // Вестник Таджикского Национального Университета. – 2020. – №5. – С. 77–82.

²³⁵ 全球首家“网络中文课堂”落户希腊爱琴大学。中文联盟, 2020-10-16. В Эгейском университете в Греции открылся первый в мире онлайн-курс китайского языка / Китайский альянс. 16.10.2020. URL: https://z.chineseplus.net/online_chinese_class.html (дата обращения 28.06.2023).

также содействовать межкультурным коммуникациям и дружбе между народами Китая и стран Центральной Азии.

В целом, хотелось бы отметить, что несмотря на то, что Институты Конфуция испытывают в своей деятельности определённые сложности в условиях пандемии, перспективы их работы и развития в Центральной Азии – положительные. Учитывая возможности расширения сотрудничества в сфере образования между Китаем и государствами Центральной Азии, можно ожидать, что в будущем институты Конфуция в странах региона будут играть большую роль в области гуманитарных обменов.

Пандемия повлияла и на сотрудничество между странами-членами ШОС в гуманитарной сфере. Как известно, главной стратегической целью ШОС является сотрудничество в области безопасности. Помимо обеспечения стабильности и безопасности ситуации в регионах, гуманитарный обмен стал важной повесткой дня ШОС, он вместе с безопасностью и торгово-экономическим обменом является одним из трех основных направлений в рамках сотрудничества организации²³⁶.

Стоит упомянуть, что 18 августа 2021 года в формате видеоконференции прошло восемнадцатое Совещание министров культуры государств-членов ШОС, в котором принял участие Генеральный секретарь ШОС Владимир Норов. Он отметил, что с началом эпидемии коронавирусной инфекции и по настоящее время весь мир, включая страны ШОС, живет в условиях периодических карантинных, всевозможных ограничений свободы передвижения, отсутствия живого общения. Пандемия коронавирусной инфекции повлияла на все сферы жизнедеятельности государств, в том числе и на сотрудничество между государствами-членами ШОС в сфере культуры и образования²³⁷.

²³⁶ Айтбаева Р., Касимова Н. Гуманитарное сотрудничество стран ШОС // Concorde. – 2018. – №2. – С. 83–88.

²³⁷ Приветственное послание Генерального секретаря ШОС Владимира Норова на 18-м Совещании министров культуры государств-членов ШОС / Секретариат Шанхайской организации сотрудничества. 18 августа 2021 г. URL: <http://rus.sectesco.org/news/20210818/774518.html> (дата обращения: 28.06.2023)

Особенное внимание уделено образованию, самое важное событие в гуманитарной области – создание УШОС²³⁸. По инициативе Президента РФ Владимира Путина, в 2008 году был создан Университет Шанхайской организации сотрудничества, который является инновационной моделью «образования без границ». Безусловно, это значительно способствует гуманитарному обмену. Таким образом, по сравнению с традиционными областями сотрудничества, среди которых безопасность и экономика, гуманитарное сотрудничество начало свое развитие несколько позже, но несмотря на это, оно занимает все более важное положение, и в целом достигло выдающихся результатов.

Беспрецедентный кризис, вызванный пандемией COVID-19, погрузил мир в серьезную глобальную рецессию, также оказал негативное влияние почти на все области гуманитарного сотрудничества государств – членов ШОС:

- В сфере образования: на фоне пандемии заблокировались каналы связи, и многие проекты сотрудничества в области образования были приостановлены или отложены. Большинству институтов государств – членов ШОС приходится использовать дистанционное обучение, разумеется, это приводит к сложностям для учащихся за рубежом.
- В сфере туризма: В разгар пандемии государства – члены ШОС усилили меры по профилактике эпидемии на границах, из-за этого многие путешествия были приостановлены. Можно сказать, что сотрудничество в области туризма столкнулось с огромными проблемами в ковидный период.

Кроме того, под влиянием пандемии COVID-19 также в разной степени произошли изменения в некоторых направлениях, среди которых молодежные обмены, культурные мероприятия, спорт и научно-техническое сотрудничество. Можно увидеть, что пандемия COVID-19 переросла в беспрецедентный

²³⁸ Кулинцев Ю.В. Стратегия развития ШОС и концепция «Экономический пояс шелкового пути»: интеграционный потенциал культурного гуманитарного сотрудничества//Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2019. – № 24. – С.131–144.

глобальный кризис. ШОС должны быть готовы к большим переменам и вызовам, которые уже происходят в мире на фоне пандемического кризиса. Вместе с тем пандемия открывает новые перспективы для взаимовыгодного практического сотрудничества в рамках ШОС.

2021 год был объявлен годом «культуры ШОС», государства – члены ШОС активно проводили художественные фестивали, конкурсы, выставки, форумы, научные конференции и другие виды культурных мероприятий в автономном режиме и онлайн ²³⁹. Было показано, что укрепление и расширение гуманитарного сотрудничества по-прежнему остается приоритетной задачей ШОС в постпандемическую эпоху.

Для долгосрочного развития гуманитарного сотрудничества ШОС необходимо рассмотреть болезненный вопрос на сегодняшний день: как смягчить неблагоприятное воздействие пандемии COVID-19 на гуманитарную сферу. Одним из решений, на наш взгляд, является формирование сообщества единого здравоохранения ШОС.

10 ноября 2020 года на заседании Совета глав государств – членов ШОС принят Комплексный план совместных мер государств-членов ШОС по противодействию угрозам эпидемий на пространстве региона, а также Заявление Совета глав государств-членов ШОС о совместном противодействии новой коронавирусной инфекции. 9 декабря 2021 года Генеральный секретарь ШОС Владимир Норов принял участие в VII совещании глав служб государств-членов ШОС, отвечающих за обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия, которое прошло на полях II Международной научно-практической конференции по вопросам противодействия новой коронавирусной инфекции и другим инфекционным заболеваниям в г. Санкт-Петербурге. Выступая на совещании, В.Норов подчеркнул, что «в соответствии с принятым итоговым заявлением и достигнутыми договорённостями на шестом совещании глав служб государств-членов ШОС, состоявшемся 16 декабря 2019

²³⁹ Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года. URL: <https://sco-russia2020.ru/images/17/25/172545.pdf> (дата обращения: 28.06.2023).

года в городе Москве, в настоящее время странами-членами Организации осуществляется совместная работа по противодействию угрозам распространения инфекционных заболеваний и повышению потенциала стран региона в этой области в части реагирования на соответствующие вызовы и угрозы»²⁴⁰.

По мнению Генерального секретаря ШОС, принятые на Московском саммите ШОС Заявление Совета глав государств-членов ШОС о совместном противодействии новой коронавирусной инфекции и Комплексный план совместных мер по противодействию угрозам эпидемий на пространстве региона заложили необходимую политико-правовую основу для расширения сотрудничества в сфере общественного здравоохранения, своевременного и комплексного координирования мер по реагированию на чрезвычайные ситуации в этой области, а также налаживания тесного сотрудничества с ВОЗ.

Он заявил, что «сегодня ШОС, проявляя высокую степень солидарности, единения и сплоченности, продолжает играть важную консолидирующую роль в борьбе с пандемией коронавируса и инфекционными заболеваниями как неотъемлемом условии для устойчивого социально-экономического развития и интеграции на пространстве Организации»²⁴¹. Принятие данных документов на полях заседания свидетельствует о масштабах совместной работы, проделанной ведомствами, отвечающими за обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения в странах ШОС в период COVID-19.

Таким образом, можно сделать вывод, что пандемия COVID-19 является вызовом и угрозой для ШОС, она оказала негативное влияние на гуманитарный обмен, в то же время мы должны видеть новые возможности для организации, которые возникают в условиях пандемии, такие как создание сообщества здравоохранения ШОС; обеспечение научно-технического сотрудничества и

²⁴⁰ Состоялось VII совещание глав служб государств-членов ШОС, отвечающих за обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучие / Официальный сайт Шанхайской организации сотрудничества. 09.12.2021. URL: <http://rus.sectsc.org/news/20211209/805420.html> (дата обращения: 28.06.2023)

²⁴¹ Там же.

создание платформы для эффективной удаленной технической поддержки для содействия образовательным и культурным обменам.

В контексте эпидемии новой коронавирусной пневмонии Китай и страны Центральной Азии укрепили сотрудничество в области медицинского обслуживания и социального обеспечения. Во время эпидемии сотрудничество между двумя сторонами в области медицины и оздоровления постоянно укреплялось, включая привлечение китайских медицинских экспертов для лечения пациентов с новой коронавирусной пневмонией и обмен опытом профилактики и лечения с экспертами из Центральной Азии. Китай готов сотрудничать в области медицины для содействия строительству Здорового шелкового пути.

17 июля 2020 года Генеральный секретарь ШОС Владимир Норов принял участие в видеоконференции «Развитие цифровой экономики и электронной коммерции в рамках ШОС в условиях пандемии COVID-19», организованной Министерством иностранных дел Республики Узбекистан²⁴². Выступая перед участниками, В.Норов отметил, что в период эпидемии эффективный, быстрый перевод в режим онлайн значительной части деловой жизни, работы важнейших государственных, образовательных сервисов показал, какими мощными технологическими, кадровыми возможностями обладает ИТ-сектор. «На фоне пандемии COVID-19 растет важность интернет-платформ, которые не только ускоряют полную цифровизацию сферы услуг, но и создают большое количество рабочих мест с новыми форматами бизнеса, став новым стимулом для стабилизации занятости»²⁴³, — отметил В.Норов. «Пандемия дала ясно понять, что цифровизация и ИКТ абсолютно необходимы для дальнейшего функционирования экономики и общества в целом. Современный мир находится на пороге беспрецедентных, можно сказать, революционных технологических изменений. Как мне представляется, будущее принадлежит тем, кто сможет

²⁴² Генеральный секретарь ШОС принял участие в видеоконференции на тему развитие цифровой экономики и электронной коммерции в рамках ШОС в условиях COVID-19 / Официальный сайт Шанхайской организации сотрудничества. 18.07.2020. URL: <https://rus.sectsc.org/20200718/664204.html> (дата обращения: 28.06.2023).

²⁴³ Там же.

эффективно использовать огромный потенциал IT-индустрии»²⁴⁴, — продолжил Генеральный секретарь ШОС.

Цифровую повестку нужно воспринимать не только как перспективное направление экономического развития, но и как необратимый процесс, быстрыми темпами проникающий во все сферы государственной и общественной жизни. Пандемия лишь усиливает эту тенденцию. Это наблюдается в повседневной деятельности, начиная с сектора госуслуг, образования, сервиса, торговли до межгосударственных отношений. Большой потенциал в деле практической реализации стратегии цифрового развития можно увидеть в международном сотрудничестве.

При этом Китай продолжит работать над углублением и расширением взаимовыгодного сотрудничества, обменов и взаимного обучения в области гуманитарных наук со странами по всему миру. Особенно в области науки и техники, Китай и страны Центральной Азии будут активно расширять сотрудничество в высокотехнологичных областях, таких как электронная коммерция, умные города, приложения для искусственного интеллекта и технологий больших данных, для совместного создания цифровых партнерств, связанных с реализацией Цифрового Шелкового пути 21 века.

Кроме того, необходимо усилить создание всеобъемлющих коммуникационных возможностей для китайско-зарубежных культурных обменов, продвигать проекты в средствах массовой информации и обогащать содержание культурных обменов; расширять и укреплять “Интернет + культурные обмены” для достижения здорового взаимодействия между физическими и виртуальными платформами обмена. Благодаря таким мерам, как обогащение форм обмена средствами массовой информации и создание организации, занимающейся всеми средствами массовой информации и культурной коммуникацией, имеющей международное влияние, Китай укрепит свою близость со странами Центральной Азии.

²⁴⁴ Там же.

Хотя культурные обмены между Китаем и странами Центральной Азии временно прекратились из-за последствий эпидемии, также появились новые возможности. В будущем необходимо укреплять культурные обмены, хорошо рассказывать историю Шелкового пути и способствовать взаимопониманию между странами. Страны Центральной Азии богаты туристическими ресурсами. Можно предполагать, что после эпидемии все больше и больше китайцев будут приезжать в регион, чтобы познакомиться с обычаями Центральной Азии.

Заключение

Мир вступил в период смены глобального миропорядка, сопровождающийся сменой глобального технологического уклада. Столкнувшись с новой ситуацией и новыми вызовами, Китай настаивает на открытости внешнему миру и предлагает проект по созданию Сообщества единой судьбы человечества, указывая на то, что цивилизационный обмен и взаимное обучение и изучение являются важной движущей силой для содействия прогрессу человечества. В силу этих соображений гуманитарный обмен составляет один из трех столпов развития внешних отношений КНР наряду с политическим взаимодоверием и торгово-экономическим сотрудничеством.

Регион Центральной Азии занимает в китайской внешней политики одну из ключевых позиций. Гуманитарные обмены являются неотъемлемой частью взаимодействия между Китаем и странами Центральной Азии, позволяющего глубже понять культуру, историю, традиции и мировоззрение друг друга. В рамках Институтов Конфуция, ШОС и инициативы ОПОП обе стороны углубили международные обмены и сотрудничество в области образования, запустили обмены на уровнях базового образования, профессионального образования и высшего образования, а также приняли меры по подготовке и поддержке международных талантов. Гуманитарный обмен способствует инклюзивному, справедливому и качественному образованию, в то время как сотрудничество в области образования стимулирует общение и обмен опытом между населением разных стран. Можно сказать, что Китай использует сотрудничество в сфере образования высокого уровня для того, чтобы построить Китайско-Центральноазиатское сообщество единой судьбы как часть будущего всеохватного Сообщества.

Проведенный в настоящей работе анализ позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, можно констатировать, что гуманитарная дипломатия Китая глубоко укоренена в китайской традиционной культуре. Именно эта культура, выражаемая, к примеру, в конфуцианстве, школе Мо и даосизме, в значительной степени формирует разницу между китайской дипломатией и внешней политикой других стран;

Основой современной китайской дипломатии являются «Пять принципов мирного сосуществования» предложенных премьер-министром Чжоу Эньлаем. С тех пор, будь то «Гармоничный мир», предложенный бывшим генеральным секретарем Ху Цзиньтао, или «Сообщество единой судьбы человечества», предложенное Генеральным секретарем Си Цзиньпином, дипломатической стратегией Китая никогда не было вторжение, но только мирное совместное развитие, что противоречит так называемой “теории китайской угрозы”, которая появилась на Западе.

Во-вторых, полученные результаты свидетельствуют, что в контексте глобализации Китай придает особое значение гуманитарным обменам, которые являются важной частью открытости Китая внешнему миру и эффективно способствовали взаимному признанию цивилизаций в глобальном масштабе. Центральная Азия занимает относительно особое положение в китайской дипломатии из-за своего особого географического положения и исторического происхождения. Фундаментальными интересами Китая в Центральной Азии являются: безопасность и поддержание стабильности и защищенности Центрально-Азиатского региона имеет наибольшее значение для Синьцзяна; а также установление дружественных и добрососедских отношений со странами региона, чтобы сделать Центральную Азию участником и сторонником Шелкового пути, который играет значительную роль в открытии Китая внешнему миру.

В-третьих, в настоящее время основным противоречием между Китаем и странами Центральной Азии является дисбаланс и несоответствие между быстро развивающимися политическими и экономическими обмена и медленно

развивающимися гуманитарными связями. Второе противоречие заключается в том, что при наличии дружественных и тесных контактов между правительствами КНР и соответствующих стран Центрально-Азиатского региона гуманитарные обмены на уровне обычного населения, не элиты, недостаточны. Китай установил стратегические отношения со странами региона и подписал договоры о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. В рамках инициативы «Один пояс – Один путь» экономическое сотрудничество Китая с Центральной Азией также развивается. Но взаимопонимание между Китаем и странами региона на культурно-психологическом уровне не настолько тесное, как этого добивается китайская культурная дипломатия. Развитие политического и экономического сотрудничества до более высокого, желаемого КНР, уровня требует углубления гуманитарных обменов, недостаток взаимопонимания всё ещё самая острая проблема, с которой сталкивается Китай в Центральной Азии. Отставание гуманитарных обменов от экономического сотрудничества является проявлением несбалансированного развития и неэффективного сотрудничества.

Стратегия Китая в Центральной Азии в начале установления дипломатических отношений была ориентирована на безопасность и экономику, а культурным обменам не уделялось достаточного внимания. С точки зрения центральноазиатских государств, наибольшей привлекательностью Китая является его экономическая мощь. С одной стороны, они ценят и принимают китайскую культуру, но, с другой стороны, они обеспокоены тем, что эта культура «вторгнется» в их жизнь. С точки зрения других крупных держав, Центральная Азия является стратегически важным регионом в Евразии, поэтому такие страны и организации, как США, ЕС, Россия и Япония, разработали долгосрочные культурные стратегии.

Кроме того, гуманитарный обмен между Китаем и странами Центральной Азии в основном реализуется на официальном уровне, возглавляемом правительством или правительственными организациями, а участие частного сектора не очень активно. Реализация гуманитарных инициатив в рамках ШОС,

таких проектов, как Китайско-центральноазиатское гуманитарное единое сообщество и Китайско-зарубежный центр гуманитарного обмена не привела к существенному увеличению участников обменов.

В-четвертых, сотрудничество в области образования между Китаем и Центральной Азией находится в центре внимания политики Китая в регионе, что неразрывно связано с политическими обменами и экономическим сотрудничеством. Образование является важным дипломатическим инструментом. Значимость образования в международных отношениях отражена в докладе ООН. Международное сотрудничество в области образования играет важную роль в обменах между странами. Исследования показывают, что «образовательная дипломатия» является ключевым инструментом гуманитарной дипломатии, которая соответствует основным интересам внешней политики Китая: способствовать общению и взаимопониманию между различными культурами и цивилизациями. Сотрудничество в области образования между Китаем и странами Центральной Азии в основном реализуется через :

- программы международных студенческих обменов;
- Институты Конфуция;
- платформу ШОС;
- инициативу «Один пояс, один путь».

В настоящее время можно видеть, что с точки зрения программы международных студенческих обменов, студенты из Центральной Азии приезжают в Китай чаще, что связано с национальной силой Китая, хорошим качеством высшего образования и богатым выбором стипендиальных механизмов. Небольшое число китайских студентов, обучающихся в Центральной Азии, отражает дисбаланс в образовательном сотрудничестве между Китаем и странами Центральной Азии.

Институт Конфуция в определенной степени представляет статус-кво гуманитарных обменов между Китаем и Центральной Азией. Для углубления

гуманитарных обменов между Китаем и странами региона необходимо осуществлять расширение функций Институтов Конфуция и создавать механизмы гуманитарного обмена на высоком уровне. В этом случае можно ожидать, что перспективы Институтов Конфуция в регионе будут положительными и деятельность их будет способствовать построению Китайско-Центральноазиатского сообщества единой судьбы.

ШОС – одна из самых динамичных организаций в мире, которая является успешной практикой международных отношений между Китаем, Россией и странами ЦА. ШОС обеспечивает хорошую платформу для гуманитарных обменов между Китаем и ЦА: После создания ШОС возможности для гуманитарных обменов между Китаем и ЦА значительно расширились, Можно видеть, что влияние ШОС как региональной организации не только оказало положительное влияние на гуманитарные обмены между Китаем и ЦА, но и способствовало развитию региональной интеграции.

В рамках ШОС Китай и страны ЦА добились определенных успехов во многих областях гуманитарных обменов, но она также сталкивается с некоторыми проблемами. Наиболее фундаментальным фактором, вызывающим эти проблемы, является отсутствие взаимопонимания друг друга. Гуманитарные обмены между Китаем и ЦА еще предстоит укрепить, что требует совместных усилий всех сторон.

Образовательные сотрудничества в рамках ШОС является одним из наиболее важных и выдающихся достижений в области гуманитарных обменов. Его позитивное развитие свидетельствует о важности, придаваемой государствами-членами ШОС гуманитарным обменам, особенно созданию УШОС (Университета ШОС). УШОС – активная попытка достичь образовательной интеграции в регионе ШОС и добился первоначальных результатов, который также расширяет возможности для гуманитарных обменов между государствами-членами.

Инициатива ОПОП («Один пояс, Один путь») стимулирует развитие сотрудничества и обмена в области образования между государствами, расположенными вдоль Шелкового пути, и поддерживает таланты через три основных механизма: 1) программы международных студенческих обменов, 2) деятельность сети Институтов Конфуция и 3) в рамках университетского альянса, чтобы способствовать продвижению инициативы ОПОП.

В целом за прошедшие 30 лет в истории развития гуманитарного обмена между Китаем и странами Центральной Азии можно выделить три этапа:

Первый этап (начало 1990-х – начало 2000-х гг.). В данный период центральноазиатские государства получили независимость; КНР установила дипломатические отношения со всеми странами региона. Однако гуманитарные обмены в этот период ограничивались лишь единичными проектами (программа «Болашак» в Казахстане).

Второй этап (начало 2000-х – 2012 гг.). Была сформирована Шанхайская организация сотрудничества, которая действует в качестве инструмента по реализации китайской внешней политики в Центральной Азии, а еще играет весомую роль в процессе формирования сотрудничества в различных областях. В этот период Китай инициирует и успешно развивает свой первый масштабный международный образовательный проект, ставший брендом – сеть Институтов Конфуция по всему миру, в том числе в странах Центральной Азии. В результате внедрения Китаем целого ряда мер поддержки интенсифицируется приток в китайские вузы студентов из стран Центральной Азии.

Третий этап (с 2013 г. – по настоящее время). После того как была предложена инициатива ОПОП, гуманитарный обмен вступил в третий этап, который также является этапом с наилучшими темпами развития. Наиболее важным гуманитарным проектом в рамках инициативы ОПОП является образовательное сотрудничество, его потенциал огромен и носит взаимовыгодный характер. Реализация инициативы ОПОП открыла модель

сотрудничества, которая способствует интеграции образования и гуманитарных связей.

Иными словами, сотрудничество в области образования является важным механизмом отношений между Китаем и странами Центральной Азии. Поэтому необходимо продолжать углублять образовательные сотрудничества между Китаем и странами региона в целях содействия гуманитарных обменов, региональной интеграции и созданию сообщества единой судьбы Китая и Центральной Азии. Необходимо также преодолеть ограничения, связанные с географическим положением.

В-пятых, гуманитарная стратегия, прочерчиваемая крупными державами в Центральной Азии, отражает их стратегическое позиции в регионе. Гуманитарная политика Китая в Центральной Азии указывает на то, что в соответствии с принципом мирного сосуществования и инклюзивной дипломатии Китай стремится применять гуманитарную дипломатию как средство улучшения своего имиджа в регионе и увеличения своего влияния.

Сравнительный анализ гуманитарной политики России, США, Турции, Японии и Китая в рассматриваемом регионе показал, что стратегические цели их гуманитарной политики в Центральной Азии различны: Россия должна сохранить свое влияние в регионе, а Китай стремится улучшить свой имидж. Китай и Россия по-разному реализуют образовательные проекты в регионе. Россия использует различные каналы, такие как создание филиалов российских университетов, и оказание образовательной помощи студентам из Центральной Азии. Китай действует в рамках Институтов Конфуция, программ международных студенческих обменов, ШОС и инициативы ОПОП. Результаты, достигнутые Китаем и Россией, также различаются: Россия по-прежнему занимает значительную долю рынка услуг высшего образования в регионе. Другими словами, Россия располагает рядом уникальных преимуществ в Центральной Азии в сравнении с другими международными акторами. Развитие образовательного сотрудничества между Китаем и Центральной Азией на

данном этапе уступает достижениям России в этой области. Но в то же время не следует игнорировать усилия Китая и его потенциал, особенно учитывая огромную экономическую мощь Китая, которая также является важным фактором привлечения стран региона.

Основные проблемы, с которыми сталкиваются Китай и Россия при гуманитарном обмене с государствами Центральной Азии, сходны: например, влияние внешних сил, таких как США, продвигающие американские ценности. Кроме того, ЕС, Турция и Япония также активно реализуют свою собственную гуманитарную политику в регионе. Отметим также, что и страны региона с осторожностью относятся к России и Китаю.

В будущем Россия и Китай должны усилить гуманитарный обмен с Центральной Азией, усилить образовательную интеграцию и сотрудничество в рамках ШОС и инициативы ОПОП, разработать открытую и инклюзивную концепцию глобального и регионального управления образованием и продвигать процесс евразийской гуманитарной интеграции.

США много инвестировали в образовательные проекты в Центральной Азии, и можно видеть, что США придают большое значение гуманитарному обмену в дипломатии. Главной стратегической целью США является распространение американских ценностей и расширение своего влияния в Центральной Азии. Молодые люди из стран ЦАР положительно относятся к американским проектам и больше стремятся к получению американского образования. Но, с другой стороны, поскольку амбиции США слишком очевидны, это также вызвало отторжение центральноазиатского общества, и в определенной степени повлияло на процесс гуманитарного обмена.

Гуманитарный обмен в области образования между Китаем и Центральной Азией начался относительно поздно, после обретения странами региона независимости. Создание ШОС и Инициатива ОПОП способствовали гуманитарному обмену, и в их рамках было реализовано множество образовательных проектов. Таким образом, хотя в текущем формате

сотрудничества в области образования между Китаем и Центральной Азией есть некоторые сложные проблемы, оно имеет большой потенциал для развития. Стратегия Китая заключается в укреплении гуманитарного обмена и содействии мирному региональному развитию, что отражено в пяти звеньях инициативы ОПОП.

Наконец, в-шестых, сотрудничество в области образования между Китаем и Центральной Азией в пост-пандемийную эпоху сталкивается с трудностями, но также полно новых возможностей. Эпидемия сильно повлияла на форму сотрудничества в сфере образования, поскольку учащиеся и преподаватели не могли выехать в зарубежные страны. Однако в то же время, это также открыло новые возможности – например, использование Интернета для создания онлайн-университета.

Сегодняшний мир переживает период стремительного развития и полон вызовов. Государствам необходимо укреплять гуманитарные обмены и продвигать развитие глобализации в направлении большей открытости, инклюзивности, общедоступности, сбалансированности и всеобщего выигрыша. Гуманитарные обмены могут не только способствовать стабильности и сотрудничеству между великими державами, стимулировать региональную интеграцию и развитие, но и способствовать глобальной открытости и сотрудничеству и поддерживать мир и безопасность во всем мире. Необходимо отметить, что Китай выдвинул идею Сообщества единой судьбы человечества, целью которого является не только повышение своего международного статуса и влияния, но и обеспечение решения глобальных проблем, которые должны решаться совместно каждой страной при условии взаимопонимания и равного уважения. Китай уже начал практическое осуществление данного проекта.

Библиография

Нормативно-правовые источники:

1. Белая книга «Китайская дипломатия». – Пекин: Министерство иностранных дел КНР, 2020 (на кит.яз.).
2. Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства “Экономического пояса Шелкового пути” и “Морского Шелкового пути XXI века”. – Пекин: Народное издательство, 2015 (на кит.яз.)
3. Постановление Правительства Республики Казахстан от 25 апреля 2003 года N 405 «О подписании Соглашения между Министерством образования и науки Республики Казахстан и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P030000405> (дата обращения 20.04.2024).
4. Постановление Правительства Республики Казахстан от 6 ноября 2007 года N 1040 «Об утверждении Соглашения между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов образования и ученых степенях». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P070001040> (дата обращения 23.08.2023)
5. Совместная декларация Китайской Народной Республики и Кыргызской Республики об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства в новую эпоху / Синьхуа. 18.05.2023. URL: <https://russian.news.cn/20230518/3c9fa9c3ce0c4893b601ec1556647a29/c.html> (дата обращения 15.01.2024).
6. Совместная Декларация об установлении стратегического партнерства между Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой / Официальный сайт Министерства иностранных дел КНР. 08.06.2018. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_67705

2/1207_677064/201206/t20120608_8003837.shtml (дата обращения: 28.06.2023)

7. Соглашение между Министерством образования и науки Кыргызской Республики и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования / Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. 2015 г. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/214921?ysclid=lktk07k428998358622> (дата обращения: 28.06.2023)
8. Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области культуры / Секретариат Шанхайской организации сотрудничества. 16 августа 2007 г. URL: <https://rus.sectesco.org> (дата обращения 23.08.2023).
9. Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области образования / Секретариат Шанхайской организации сотрудничества. 15 июня 2006 г. URL: <https://rus.sectesco.org/20060615/203409.html> (дата обращения 23.08.2023).
10. Соглашение о культурном сотрудничестве между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Китайской Народной Республики. 1994 г. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30840237&pos=4;-106#pos=4;-106 (дата обращения: 28.06.2023)
11. Стратегия Соединенных Штатов в Центральной Азии на 2019–2025 годы : Укрепление суверенитета и экономического процветания / Официальный сайт Посольства США в Таджикистане. 05.02.2020. URL: <https://tj.usembassy.gov/ru/pr-02052020-ru/> (дата обращения: 28.06.2023).
12. Указ Президента Российской Федерации от 06.09.2008 г. № 1315 «О некоторых вопросах государственного управления в области международного сотрудничества» / Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/28020> (дата обращения: 28.06.2023)

13. Хартия Шанхайской Организации Сотрудничества. Принята Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым, Председателем КНР Цзян Цзэмином, Президентом Киргизии Аскар Акаевым, Президентом России Владимиром Путиным, Президентом Таджикистана Эмомали Рахмоновым и Президентом Узбекистана Исламом Каримовым 7 июня 2002 года в Санкт-Петербурге / Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 28.06.2023).
14. Education Action Plan for the Belt and Road Initiative / Ministry of Education of the People's Republic of China. 2016 URL: <https://en.imsilkroad.com/p/314241.html> (дата обращения: 28.06.2023)
15. 《教育涉外服务与管理丛书》编委会, 编.相互承认学历学位协议汇编[Z].北京: 高等教育出版社, Редакционная коллегия журнала "Серия услуг и менеджмента, связанных с образованием за рубежом". Подборка документов о взаимном признании академических квалификаций и соглашений о присвоении степеней. – Пекин: Пресса о высшем образовании, 2009.
16. 中华人民共和国和乌兹别克斯坦共和国关于进一步深化全面战略伙伴关系的联合声明[N]. 人民日报, 2017-05-13 (3) . Совместное заявление о принятии Программы развития всестороннего стратегического партнёрства в новую эпоху между Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой // Жэньминь жибао. 13.05.2017.
17. 中华人民共和国和乌兹别克斯坦共和国联合声明(全文) 2016, 中国政府网, 2016-06-22 Совместное заявление Китайской Народной Республики и Республики Узбекистан от 22 июня 2016 г. / МИД КНР. 22.06.2016. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2016-06/22/content_5084474.htm (дата обращения 23.08.2023).
18. 中华人民共和国和乌兹别克斯坦共和国联合宣言, 中国外交部, 2014-08-20. Совместная декларация Китайской Народной Республики и Республики Узбекистан от 20 августа 2014 года / МИД КНР. 20.08.2014. URL: http://svideo.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677052/12

07_677064/201408/t20140820_9305261.shtml (дата обращения 23.08.2023).

19. 中华人民共和国教育部和乌兹别克斯坦共和国高等和中等专业教育部教育合作协议》，1999 年。Соглашение между Министерством высшего и среднего специального образования Узбекистана и Министерством образования КНР о сотрудничестве в области образования от 8 ноября 1999 г. URL: <https://www.kp.kz/online/news/5334542/http://www.oyji-oys.org/Admin/Upload/FileDownload/?ContentID=83857&fileName=%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E4%B8%8E%E4%B9%8C%E5%85%B9%E5%88%AB%E5%85%8B%E6%96%AF%E5%9D%A6%EF%BC%9A%E5%8F%8B%E5%A5%BD%E5%90%88%E4%BD%9C30%E5%B9%B4> (дата обращения 23.08.2023).
20. 中华人民共和国教育部和塔吉克斯坦共和国教育与科学部教育合作协议（附加协议），2007 年。Дополнительный Протокол к Соглашению между Министерством образования Республики Таджикистан и Министерством образования Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области образования от 15 января 2007 года. URL: <https://khovar.tj/rus/2023/07/ukreplyayutsya-svyazi-mezhdu-uchebnymi-zavedeniyami-tadzhikistana-i-kitaya/?ysclid=lw590hjzfb244174755> (дата обращения: 28.06.2023).

Статистические источники:

21. 2018 年来华留学生简明统计。中国教育部国际合作与交流司，2019 年。Statistical report on international students in China for 2018 / Ministry of Education of the People's Republic of China. 18.04.2019. URL: http://en.moe.gov.cn/documents/reports/201904/t20190418_378692.html (дата обращения: 28.06.2023).
22. 教育部国际合作与交流司，编。来华留学生简明统计（2013 年至 2018 年）。内部资料。Департамент международного обмена и сотрудничества

Министерства образования КНР. Данные о количестве иностранных студентов в Китае (2013–2018). Без г. и м.

23. 孔子学院研究年度报告(2018) , 国家汉办 (北京) , 68 页, 2018。(Штаб-квартира сети Институтов Конфуция. Годовой отчет по развитию Института Конфуция 2018. – Пекин, 2018. – С. 68).
24. UNESCO institute for statistics. URL: <http://data.uis.unesco.org/> (дата обращения: 28.06.2023).

Новостные сообщения, выступления официальных лиц, официальные сообщения:

25. Вузы Туркменистана и Китая выходят на новый этап сотрудничества / Официальный сайт Министерства образования Туркменистана. URL: <https://education.gov.tm/ru/metbugat/detail/turkmenistanyn-we-hytayyn-uniwersitetleri-hyzmatdaslygyn-taze-tapgyryna-gadam-gooyar> (дата обращения: 28.06.2023)
26. Выступление Генерального секретаря ШОС Владимира Норова на Международной конференции по развитию туризма на пространстве ШОС в условиях пандемии / Секретариат Шанхайской организации сотрудничества. 01.06.2021. URL: <http://rus.sectesco.org/news/20210601/757188.html> (дата обращения: 28.06.2023).
27. Выступление Ху Цзиньтао на саммите ШОС / Официальный сайт Посольства КНР в Российской Федерации. 10.06.2003. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/jbwzlm/shhzzz/zyjhwhj/200306/t20030610_3114130.htm?ysclid=1kqn6c1kdf491916212 (дата обращения: 28.06.2023)
28. Генеральный секретарь ШОС принял участие в видеоконференции на тему развитие цифровой экономики и электронной коммерции в рамках ШОС в условиях COVID-19 / Официальный сайт Шанхайской организации

сотрудничества.

18.07.2020.

URL:

<https://rus.sectesco.org/20200718/664204.html> (дата обращения: 28.06.2023).

29. Делегация туркменских преподавателей китайского языка, а также студентов и школьников, изучающих китайский язык, посетила Китай / Официальный сайт Посольства КНР в Туркменистане. 17.11.2017. URL: http://tm.china-embassy.gov.cn/rus/ztgx/rwjyhz/201804/t20180412_1463295.htm (дата обращения: 28.06.2023)
30. Ланьчжоуский университет транспорта и связи и Туркменский государственный институт транспорта и связи заключили межвузовское Соглашение о сотрудничестве / Официальный сайт Посольства КНР в Туркменистане. 11.11.2017. URL: http://tm.china-embassy.gov.cn/rus/ztgx/rwjyhz/201804/t20180412_1463291.htm (дата обращения: 28.06.2023)
31. Первый китайско-туркменский научно-инновационный форум состоялся в Ашхабаде / Официальный сайт Посольства КНР в Туркменистане. 14.10.2017. URL: http://tm.china-embassy.gov.cn/rus/ztgx/rwjyhz/201804/t20180412_1463287.htm (дата обращения: 28.06.2023)
32. Подписаны важные документы, направленные на укрепление узбекско-китайских отношений, всестороннего стратегического партнерства и углубление практического сотрудничества / Официальный сайт Президента Республики Узбекистан. 18.05.2023. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/6345> (дата обращения 15.01.2024).
33. Посол Казахстана в России: Среди казахов растёт популярность российских вузов / Редакция портала «Русский мир». 24.12.2018. URL: https://russkiymir.ru/news/250663/?sphrase_id=913162 (дата обращения: 28.06.2023)
34. Приветственное послание Генерального секретаря ШОС Владимира Норова

- на 18-м Совещании министров культуры государств-членов ШОС / Секретариат Шанхайской организации сотрудничества. 18 августа 2021 г. URL: <http://rus.sectsco.org/news/20210818/774518.html> (дата обращения: 28.06.2023)
35. Россия и Узбекистан: научно-образовательный диалог в режиме онлайн / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. 28.05.2020. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/21571/> (дата обращения: 28.06.2023)
36. Состоялось VII совещание глав служб государств-членов ШОС, отвечающих за обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия / Официальный сайт Шанхайской организации сотрудничества. 09.12.2021. URL: <http://rus.sectsco.org/news/20211209/805420.html> (дата обращения: 28.06.2023)
37. Филиалы каких российских вузов откроют в Казахстане / Sputnik Казахстан. 10.02.2022. URL: <https://ru.sputnik.kz/20220210/filialy-kakikh-rossiyskikh-vuzov-otkroyut-v-kazakhstane-22694488.html?ysclid=17rtu00kiq697106895> (дата обращения: 28.06.2023)
38. Aga Khan. University of Central Asia and Higher School of Economics sign Partnership Agreement in Moscow / Aga Khan Development Network. 21.02.2017. URL: <https://www.akdn.org/press-release/university-central-asia-and-higher-school-economics-sign-partnership-agreement-moscow> (accessed 28.06.2023).
39. Huang J. China expands vocational training centers to Central Asia / Eurasianet. 01.09.2022. URL: <https://eurasianet.org/china-expands-vocational-training-centers-to-central-asia> (accessed 15.01.2024).
40. White Paper on China's Peaceful Development Road. – Beijing: Information Office of the PRC State Council, 2011. URL: https://english.www.gov.cn/archive/white_paper/2014/09/09/content_281474986284646.htm (дата обращения: 28.06.2023).

41. Xi eyes more enabling int'l environment for China's peaceful development / People Daily. 30.11.2014. URL: <http://en.people.cn/n/2014/1130/c90883-8815967-3.html> (accessed 06.04.2024).
42. Xi Jinping's report at 19th CPC National Congress / Xinhua. 03.11.2017. URL: http://www.xinhuanet.com/english/special/2017-11/03/c_136725942.htm (accessed 28.06.2023)
43. 教育部国际合作与交流司中外人文交流机制办公室. 交流互鉴合作共赢——中外高级别人文交流机制综述. 神州学人, 2016 年第 5 期。(Департамент международного сотрудничества и обменов Министерства образования КНР. Управление китайско-иностранного механизма культурного обмена. Обмен, взаимное обучение, сотрудничество и беспроигрышная ситуация – Краткое описание механизма культурных обменов высокого уровня между Китаем и зарубежными странами // Ученые из Шэньчжоу. – 2016. – № 5.
44. 塔吉克斯坦驻华大使拉希德·阿利莫夫参加在华塔吉克斯坦留学生聚会。人民网, 2019 年。Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Таджикистан в КНР Рашид Алимов принял участие в собрании иностранных студентов из Таджикистана в Китае. / Жэньминь жибао. 2019 г. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6848748.html> (дата обращения: 28.06.2023).
45. 中国与中亚五国年贸易额, 中华人民共和国商务部. Объем торговли между Китаем и пятью странами Центральной Азии / Официальный сайт Министерства коммерции КНР. 19.03.2020. URL: <http://kz.mofcom.gov.cn/article/zhhz/202003/20200302946566.shtml> (дата обращения: 28.06.2023).
46. 中华人民共和国中央人民政府。中共中央办公厅 国务院办公厅印发《关于加强和改进中外人文交流工作的若干意见》. Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. Главное управление Государственного совета, аппарат Центрального комитета Коммунистической партии Китая. Несколько заключений об укреплении и

- улучшении культурных обменов между КНР и США / Официальный сайт Центрального народного правительства Китайской Народной Республики. 21.12.2017. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2017-12/21/content_5249241.htm (дата обращения: 28.06.2023).
47. 中央编译出版社(Си Цзиньпин. О создании сообщества единой судьбы человечества. 2021). URL: <http://ebook.dswxyjy.org.cn/storage/files/20220615/8f36b3ce8be4f8ea9ff8c0c9f50bea0438944/mobile/index.html>(дата обращения: 28.06.2023)
48. 塔吉克斯坦至 2030 年国家发展战略》圆桌会议举行 Состоялся круглый стол на тему "Национальная стратегия развития Таджикистана до 2030 года / Настоящая газета. 25.05.2017. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2017/0525/c1002-29298026.html>. (дата обращения: 28.06.2023)
49. 习近平在纳扎尔巴耶夫大学的演讲：《弘扬人民友谊 共创美好未来》，新华社，2013 年 9 月 8 日。Председатель КНР Си Цзиньпин выступил в казахстанском ВУЗе "Назарбаев университет" с речью "Развитие дружбы народов ради прекрасного будущего" / Синьхуа. 8 сентября 2013 года.
50. 中共中央国务院印发《中国教育现代化 2035》[N]. 人民日报,2019-02-24(001). ЦК КПК и Государственный совет опубликовали "Программу модернизации образования Китая до 2035 года" / Жэньминь Жибао, 24.02.2019.
51. 全球首家“网络中文课堂”落户希腊爱琴大学。中文联盟， 2020-10-16. В Эгейском университете в Греции открылся первый в мире онлайн-курс китайского языка / Китайский альянс. 16.10.2020. URL: https://z.chineseplus.net/online_chinese_class.html (дата обращения 28.06.2023).
52. 王毅：全面推进中国特色大国外交．人民日报 2022-11-08. Ван И. Всесторонне продвигать дипломатию великих держав с китайской спецификой / Жэньминь жибао. 08.11.2022.

Интернет-источники:

53. Арипова М. Всестороннее стратегическое партнерство между Республикой Узбекистан и КНР в новую эпоху / Народное слово онлайн. 19.01.2024. URL: <https://xs.uz/ru/post/vsestoronnee-strategicheskoe-partnerstvo-mezhdu-respublikoj-uzbekistan-i-knr-v-novuyu-epokhu> (дата обращения 31.01.2024).
54. Болашак. 2022. Годовой отчет о деятельности / Официальный сайт программы «Болашак». URL: <https://bolashak.gov.kz/storage/app/media/Godovye%20Otchety/%20%D0%A6%D0%9C%D0%9F%202022.pdf> (дата обращения 15.01.2024).
55. Кафедра восточных языков / Официальный сайт Российско-таджикского (Славянского) университета. URL: <https://www.rtsu.tj/faculties/languages/kafedra/departmen/?ID=652> (дата обращения: 28.06.2023)
56. О Россотрудничестве / Официальный сайт Россотрудничества. URL: <https://rs.gov.ru/about-foiv/> (дата обращения: 28.06.2023).
57. Об университете / Официальный портал Американского университета в Центральной Азии. URL: https://www.auca.kg/ru/auca_at_a_glance/ (дата обращения: 28.06.2023).
58. ЮНЕСКО. Переосмысление концепции образования: на пути к глобальному общему благу? URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000232555_rus (дата обращения: 28.06.2023).
59. Education & Culture / Official website of the U.S. Embassy in Kyrgyzstan. URL: <https://kz.usembassy.gov/education-culture/> (дата обращения: 28.06.2023)
60. Introduction / Official site of the University Alliance of the Silk Road. URL: http://uasr.xjtu.edu.cn/About_UASR/Introduction.htm (дата обращения: 28.06.2023).

61. Masalbekova A. The Declining Value of a Chinese Education in Kyrgyzstan // The Diplomat. 12.12.2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/12/the-declining-value-of-a-chinese-education-in-kyrgyzstan/> (accessed 21.01.2024).
62. Sadovskaya E. Educational Migration from Kazakhstan to China: A Shift Eastward? / The Central Asia – Caucasus Analyst. 30.10.2013. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/field-reports/item/12843-educational-migration-from-kazakhstan-to-china-a-shift-eastward?html> (accessed 20.01.2024).
63. 中国在中亚的影响力无与伦比。卡内基国际和平基金会, 18-09-2013
Беспрецедентное влияние Китая в Центральной Азии / Фонд Карнеги за международный мир*. 18.09.2013. URL: <http://carnegieendowment.org> (дата обращения: 28.06.2023). *признан иноагентом

Литература на русском языке:

64. Айтбаева Р., Касимова Н. Гуманитарное сотрудничество стран ШОС // Concorde. – 2018. – №2. – С. 83–88.
65. Алиева Р. Р. Взаимодействие Республики Таджикистан с государствами-членами ШОС в гуманитарной сфере // Вестник Педагогического университета. – 2015. – № 4. – С. 240–247.
66. Алимов Р.К. Таджикистан и Китай. Диалог культур. – Пекин, 2012. – 198 с. (на рус. и кит. яз.).
67. Баранова И. И. Международное сотрудничество в продвижении русского языка и русской культуры за рубежом // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2018. – Т. 7. – №. 26. – С. 8–16.
68. Богатырева О.Н., Лескина Н.В. Образовательная дипломатия европейских регионов // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2018. – №3(13). – С. 67–78.
69. Бодрова О. И. Акценты гуманитарного усиления КНР во внешнеполитических концепциях // Общество и государство в Китае. – 2015.

– №2. – С. 435–443.

70. Бордачев Т., Смолл Э., Цинсун В. Россия, Китай и США в Центральной Азии: Баланс интересов и возможности сотрудничества / Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/13120/> (дата обращения: 10.05.2023).
71. Бояркина А. В. Китайская инициатива «Пояс и путь» в контексте концепции Си Цзиньпина «Сообщество единой судьбы человечества» //Theories and Problems of Political Studies. – 2020. – №. 9. – С. 120–126.
72. Бояркина А. В., Печерица В. Ф. Концепция Си Цзиньпина "Сообщество единой судьбы человечества" – вклад в творческое развитие марксизма в XXI веке //Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2020. – №. 4 (55). – С. 104–112.
73. Бояркина А. В., Печерица В. Ф., Мефодьева С. А. Традиционная культура Китая в контексте концепции «сообщества единой судьбы для человечества» //Вестник Забайкальского государственного университета. – 2018. – Т. 24. – №. 8. – С. 56–64.
74. Валеев Р.М., Кадырова Л.И. Гуманитарное сотрудничество Китайской Народной Республики и Республики Казахстан в сфере образования (1990-2000-е гг.) // Вестник Казгуки. – 2015. – №1. – С. 115–120.
75. Великая А. А., Семедов С.А. Гуманитарная политика Советского Союза // Обозреватель – Observer. – 2020. – №4 (363). – С. 56–65.
76. Верченко А. Л. Китайская концепция «сообщества единой судьбы человечества» и дипломатия первого лица //Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2022. – №. 27. – С. 71–83.
77. Верченко А. Л. Продвижение Китаем идеи «сообщества единой судьбы человечества» //Восточная Азия: факты и аналитика. – 2020. – №. 1. – С. 6–18.
78. Вэн Хао. Американские факторы, влияющие на культурную безопасность

- Центральной Азии // Информация о Центральной Азии. – 2009. – №09. – С. 28–29.
79. Глебова Л. Н. Современные формы организации международного сотрудничества в сфере высшего образования // Наука и школа. – 2016. – №. 4. – С. 52–59.
 80. Гурулева Т. Л., Бедарева Н. И. Сотрудничество России и Китая в области создания сетевых университетов и совместных образовательных учреждений // Высшее образование в России. – 2019. – №. 4. – С. 108–123.
 81. Данилов В.Д. Проблемы культурно-гуманитарного сотрудничества КНР со странами Центральной Азии (на примере Киргизии) // Современная научная мысль. – 2020. – №. 2. – С. 112–119.
 82. Дмитриева М.О. Япония – Центральная Азия гуманитарный трек развития сотрудничества // Постсоветские исследования. – 2022. – №5. – С. 474–481.
 83. Дробот Г. А. О Концепции внешней политики России 2016 года // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – №4. – С. 22–32.
 84. Ефремова Л. И. О российско-китайском сотрудничестве в области образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т. 17. – №. 4. – С. 857–865.
 85. Жильцов С.С. Роль многосторонних механизмов сотрудничества в политике внешних акторов в Центральной Азии// Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24. № 3. С. 15-27
 86. Земсков В.Н. Стратегия США в Центральной Азии // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – №2 (29). – С. 28–32.
 87. Иванова Г. П., Логвинова О. К. Интернационализация педагогического образования: магистратура университета ШОС // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2017. – Т. 1. – №. 4 (41). – С. 115–123.
 88. Ильин И.В., Леонова О.Г. Глобальные универсальные ценности и гуманитарные технологии в международной политике // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. – 2018.

– №1. – С. 3–10.

89. Казанцев А.А. Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии. Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2016. – 52 с.
90. Казанцев А.А. Политика США в постсоветской Центральной Азии // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – №4. – С. 155–164.
91. Комлякова Ю. Ю. Политика США в сфере образования в некоторых государствах Центральной Азии : Казахстан, Кыргызстан // Культурная жизнь юга России. – 2015. – № 4. – С. 64–68.
92. Кузнецова В.В., Машкина О.А. Глобализация китайского высшего образования как фактор геополитического влияния Китая» // Сравнительная политика. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 139–150.
93. Кулаков В. К. Финансы под диктовку. США и трансатлантические правила // Россия в глобальной политике. – 2015. – № 2. – С. 176–184.
94. Кулинцев Ю.В. Стратегия развития ШОС и концепция «Экономический пояс шелкового пути»: интеграционный потенциал культурного гуманитарного сотрудничества//Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2019. – № 24. – С.131–144.
95. Кулинцев Ю.В. Стратегия развития ШОС и концепция «Экономический пояс шелкового пути»: интеграционный потенциал культурного гуманитарного сотрудничества // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2019. – №24. – С.131–144.
96. Кулинцев Ю.В. Стратегия развития ШОС и концепция «Экономический пояс шелкового пути»: интеграционный потенциал культурного гуманитарного сотрудничества// Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2019. – №24. – С. 131–144.
97. Лаумулин М. Т. Изменения в стратегии Европейского Союза в отношении Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. – 2011. – Т. 14. – №4. – С. 33–51.

98. Лебедева И.П. Центральная Азия – особое направление внешней политики Японии. Рецензия на книгу О.А. Добринской «Стратегия Японии в Центральной Азии: политическое, экономическое и культурное измерение» // Японские исследования. – 2021. – №4. – С. 134–140.
99. Ли В., Баранова И. И. Совместные образовательные программы китайских университетов с российскими вузами: состояние, тенденции и перспективы // Terra Linguistica. – 2017. – Т. 8. – №. 1. – С. 134–141.
100. Лян Чжэньпэн, Троякова Т. Г. Эволюция политики КНР в отношении стран Центральной Азии (1990–2018 гг.) // Известия Восточного института. – 2018. – № 2. – С. 24–31.
101. Лян Чжэньпэн. Культурная дипломатия Китая в центральной Азии в ХХI веке на примере институтов Конфуция // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2017. – №1. – С. 33–46.
102. Малышева Д.Б. Политические процессы в постсоветской Центральной Азии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т. 11. – № 3. – С. 36–52.
103. Медушевский Н.А., Шишкина А.Р. Образовательные системы стран Центральной Азии : Вызовы , риски и перспективы регионального сотрудничества// Системный мониторинг глобальных и региональных рисков ежегодник. – 2014. – Т. 19. – С. 324–363.
104. Мирзоев Х.Т. Взаимодействие Республики Таджикистан с Китайской Народной Республикой в сфере образования // Вестник Таджикского Национального Университета. – 2020. – №5. – С. 77–82.
105. Мирзоев Х.Т. Взаимодействие Республики Таджикистан с Китайской Народной Республикой в сфере образования // Вестник Таджикского Национального Университета. – 2020. – №5. – С. 77–82.
106. Морозов Ю. Сотрудничество стран ШОС в гуманитарной сфере: проблемы и возможные пути их решения // Центральная Азия и Кавказ. – 2009. – № 4–5. – С. 157.

107. Морозов Ю.В. Сафронова Е.И. Значение гуманитарного сотрудничества России и Китая с центральноазиатскими партнерами в рамках ШОС // Национальные интересы, приоритеты и безопасность. – 2014. – №32 (269). – С. 35–49.
108. Морозов Ю.В., Сафронова Е.И. Значение гуманитарного сотрудничества России и Китая с центральноазиатскими партнерами в рамках ШОС // Национальные интересы, приоритеты и безопасность. – 2014. – №32 (269). – С. 35–49.
109. Мосаки Н. З. Турецкие учебные заведения в Иракском Курдистане: история и современное положение (школы Гюлена и фонда «Маариф») // Вестник Института востоковедения РАН. – 2020. – № 4. – С. 280–294.
110. Парамонов В.В., Строков А. В., Столповский О.А. Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность. – Бишкек: Общественный фонд А. Князева, 2008. – 201 с.
111. Печерица В. Ф., Бояркина А. В. Концепция Си Цзиньпина «Сообщество единой судьбы человечества»: от идеи до практического воплощения. – М.: ООО ДиректМедиа, 2023. – 232 с.
112. Помощь развитию Центральной Азии как внешнеполитический инструмент // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 7. – С. 105–114.
113. Пруцких Т. А., Пруцких А. А. Развитие российско-китайского сотрудничества в сфере образования (на примере Байкальского государственного университета) // Российско-китайские исследования. – 2019. – Т. 3. – №. 1. – С. 42–48.
114. Савкович Е.В. Проблема перехода от регионального к глобальному: "мессианская" роль Китая/ В сборнике: VII Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона. Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 96-99.

115. Семенов А. В., Цвык А. В. К вопросу о понятии и интерпретации концепции "сообщества единой судьбы человечества" //Общество и государство в Китае. – 2019. – Т. 49. – №. 1. – С. 547–554.
116. Соловьев Э.Г, Чуфрин Г.И. Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 276 с.
117. Тянь Е. Взаимоотношения Китайской Народной Республики и Республики Казахстан на примере сотрудничества в сфере образования //Международные отношения. – 2018. – №4. – С. 8–17. DOI: 10.7256/2454-0641.2018.4.27722
118. У Баоянь. Сотрудничество в области образования между Китаем и странами Центральной Азии: состояние и проблемы развития // Вестник Московского университета. Серия XXVII. Глобалистика и геополитика. – 2013. – № 1.
119. Фоминых А.Е. Российские университеты на образовательных рынках Центральной Азии : Публичная дипломатия , сотрудничество и конкуренция // Вестник Томского Государственного Университета (История). – 2014. – №6. – С. 28–31.
120. Холикназаров Х. Республика Таджикистан и Китайская Народная Республика – сотрудничество во имя развития: Сб. стат. 2009–2012 гг. – Душанбе, 2012. – 189 с.
121. Чжоу Цзюнь. Значение государств Центральной Азии в мировой политической системе // Управленческое консультирование. – 2017. – №3 (99). – С. 164–171.
122. Чжэн Цзе. Текущая ситуация с образованием на китайском языке в Кыргызстане и связанные с этим контрмеры // Исследование этнического образования. – 2017. – Т. 28. – № 03. – С. 86–94. DOI: 10.15946/j.cnki.1001-7178.2017.03.013.
123. Чуанья Цзюй, Юн С.М. Политика КНР в сфере интернационализации высшего образования и развитие образовательного сотрудничества Китая и

- Узбекистана // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 482. – С. 113–124.
124. Чумаков А.Н., Стычинский М.С. Культурно цивилизационный диалог и его возможности в условиях глобального мира // Век глобализации. – 2018. – №1. – С. 3–14.
125. Чунян Ли. "Мягкая" сила как составная часть внешнеполитического курса Китая на постсоветском пространстве // Дневник науки. – 2021. – № 5(53). – DOI 10.51691/2541-8327_2021_5_9.
126. Юнющкина А.С., Понька Т.И., Шаповалова К.А. Конкуренция мировых держав в Центральной Азии // Международные отношения. – 2021. – №2. – С. 40–54.
127. Юшкова Л. А., Неборская В. В. Международное сотрудничество в области высшего образования (на примере российских и немецких университетов) // Мир науки. Педагогика и психология. – 2016. – Т. 4. – №. 4. – С. 34.
128. Ян Юкай, Юань И. Стратегическая корректировка США в Центральной Азии и тенденции региональной политики // Российские исследования по Восточной Европе и Центральной Азии. – 2020. – № 2. – С. 19–37.

Литература на английском языке:

129. Blank S. J. Dragon Rising: Chinese Policy in Central Asia // American Foreign Policy Interests. – 2011. – Vol. 33. – No 6. – Pp. 261–272.
130. Bogatyreva O. Humanitarian diplomacy: Modern concepts and approaches // Herald of the Russian Academy of Sciences. – 2022. – Vol. 92. – Suppl 14. – Pp. S1349-S1366. Felfeli A. Humanitarian diplomacy // The Palgrave handbook of diplomatic thought and practice in the digital age / Ed. by F. Onditi, K. McLarren, G. Ben-Nun, Y.A. Stivachtis, P. Okoth. – Cham: Springer International Publishing, 2023. – Pp. 173–199.
131. Bohr A. Regionalism in Central Asia: New Geopolitics, Old Regional Order //

- International Affairs. – 2004. – Vol. 80. – Issue 3. – P. 488.
132. Çaman M.E., Akyurt M.A. Caucasus and Central Asia in Turkish Foreign Policy: The Time Has Come for a New Regional Policy // *Alternatives Turkish journal of international relations*. – 2011. – Vol.10. – No 2–3. – P. 68–86.
 133. Central Asia and the World: Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan / Ed. by M. Mandelbaum. – New York, N.Y.: Council of Foreign Relations, 1994. – 251 p.
 134. Cull N. J. The public diplomacy of the modern Olympic Games and China's soft power strategy // *Owning the Olympics: Narratives of the new China* / Ed. by M.E.Price, D.Dayan. – Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2008. – Pp. 117–144.
 135. Cull N.J. Public Diplomacy Before Gullion: The Evolution of a Phrase // *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. 2nd ed. / Ed. by N.Snow, N.J. Cull. – New York, N.Y.: Routledge, 2020. – Pp. 13–18.
 136. Dave B. Silk Road economic Belt: effects of China's soft power diplomacy in Kazakhstan // *China's Belt and Road Initiative and its Impact in Central Asia* / Ed. by M. Laruelle. – Washington, D.C.: The George Washington University, 2018. – Pp. 97–109.
 137. Dissyukov A. "Central Asia Plus Japan" Dialogue: From Idea to Implementation // *Journal of International and Advanced Japanese Studies*. – 2019. – Vol. 11. – No 11. – P. 1–21.
 138. Duseikina A.B., Ashinova Zh.Y. China-Kazakhstan: cooperation and innovation in education as part of the belt and road initiative // *Journal of Oriental Studies*. – 2020. – Vol. 93. – No 2. – Pp. 26–33.
 139. Froumin I., Cao R. Russia, China, and Central Asia in higher education // *China and Europe on the New Silk Road* / van der Wende, M., Kirby, W. C., Liu, N. C., & Marginson, S. (Eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2020. – Pp. 380–400.
 140. Gabuev A. Crouching bear, hidden dragon: "One Belt one Road" and Chinese-Russian jostling for power in Central Asia // *Journal of Contemporary East Asia*

- Studies. – 2016. – Vol. 5. – No 2. – P. 61–78. P. 61.
141. Gill B., Oresman M. China's New Journey to the West: China's Emergence in Central Asia and Implications for US Interests. – Washington, D.C.: CSIS Press, 2003.
 142. Goldsmith B. E., Horiuchi Y., Matush K. Does public diplomacy sway foreign public opinion? Identifying the effect of high-level visits //American Political Science Review. – 2021. – Vol. 115. – No 4. – Pp. 1342–1357.
 143. Gong L. Humanitarian diplomacy as an instrument for China's image-building // Asian Journal of Comparative Politics. – 2021. – Vol. 6. – No 3. – Pp. 238–252.
 144. Grix J., Lee D. Soft power, sports mega-events and emerging states: The lure of the politics of attraction //Global society. – 2013. – Vol. 27. – No 4. – Pp. 521–536.
 145. Guo J. Crossing the “great fire wall”: a study with grounded theory examining how China uses Twitter as a new battlefield for public diplomacy //Journal of Public Diplomacy. – 2021. – Vol. 1. – No 2. – Pp. 49–74.
 146. Hartig F. Chinese public diplomacy: The rise of the Confucius Institute. – New York, NY: Routledge, 2015. – 204 p.
 147. Hartig F. Confucius Institutes and the rise of China //Journal of Chinese Political Science. – 2012. – Vol. 17. – Pp. 53–76.
 148. Hartig F. How China understands public diplomacy: The importance of national image for national interests //International Studies Review. – 2016. – Vol. 18. – No 4. – Pp. 655-680.
 149. Hartig F. How China understands public diplomacy: The importance of national image for national interests //International Studies Review. – 2016. – Vol. 18. – No 4. – Pp. 655-680.
 150. Hartig F. Panda diplomacy: The cutest part of China's public diplomacy //The Hague Journal of Diplomacy. – 2013. – Vol. 8. – No 1. – Pp. 49–78. Huang Z. A., Wang R. 'Panda engagement' in China's digital public diplomacy //Asian Journal of Communication. – 2020. – Vol. 30. – No 2. – Pp. 118–140.

151. Hon, Tze-ki. *The Yijing and Chinese Politics: Classical Commentary and Literary Activism in the Northern Song Period, 960–1127*. – Albany: State University of New York Press, 2005. – 217 p.
152. Huang W., Xiang J. Pursuing soft power through the Confucius Institute: a large-N analysis // *Journal of Chinese Political Science*. – 2019. – Vol. 24. – Pp. 249–266.
153. Huang Z. A., Wang R. Building a network to “tell China stories well”: Chinese diplomatic communication strategies on Twitter // *International Journal of Communication*. – 2019. – Vol. 13. – Pp. 2984–3007.
154. Hurley J., Morris S., Portelance G. Examining the debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective // *Journal of Infrastructure, Policy and Development*. – 2019. – № 3(1). – Pp. 139–175.
155. Jiménez-Tovar S., Lavička M. Folklorized politics: how Chinese soft power works in Central Asia // *Asian Ethnicity*. – 2020. – Vol. 21. – No 2. – Pp. 244-268. P. 246–247.
156. Jumakulov Z., Ashirbekov A. Higher education internationalization: Insights from Kazakhstan // *Hungarian Educational Research Journal*. – 2016. – Vol. 6. – No 1. – Pp. 35–55.
157. Karrar H.H. *The new silk road diplomacy: a regional analysis of China's Central Asian foreign policy, 1991-2005. A Thesis Submitted to McGill University in partial fulfillment of the requirements of the degree of Doctor of Philosophy*. – Montreal, 2006. – 374 p.
158. Karrar H.H. *The new Silk Road diplomacy: China's Central Asian foreign policy since the cold war[M]*. – Vancouver: UBC Press, 2010. – 272 p.
159. Kazantsev A., Medvedeva S., Safranchuk I. Between Russia and China: Central Asia in Greater Eurasia // *Journal of Eurasian Studies*. – 2021. – Vol. 12. – No 1. – Pp. 57–71.
160. Kennedy W. *China and the evolution of power: What is motivating China to adopt soft power strategies and how effective have these strategies been?* – Amsterdam:

Universiteit van Amsterdam, 2016. – P. 45.

161. Koshanova S., Rakisheva B. Some aspects of migration for educational purposes from the Republic of Kazakhstan to the People's Republic of China // *Central Asia's Affairs*. – 2016. – Vol. 62. – No 2. – Pp. 12–27.
162. Laruelle M., Peyrouse S. *The 'Chinese Question' in Central Asia. Domestic Order, Social Changes and the Chinese Factor*. – London, New York: Hurst and Columbia University Press, 2012. – 478 p.
163. Latief R., Lefen L. Analysis of Chinese government scholarship for international students using analytical hierarchy process (AHP) // *Sustainability*. – 2018. – Vol. 10. – No 7. – P. 2112.
164. Li H. Y., Wong S. The evolution of Chinese public diplomacy and the rise of think tanks // *Place Branding and Public Diplomacy*. – 2018. – Vol. 14. – Pp. 36–46.
165. Li M. 2008. China debates soft power // *Chinese Journal of International Politics*. – 2008. – Vol. 2. – No 2. – Pp. 287–308.
166. Lien D., Oh C. H. Determinants of the Confucius Institute establishment // *The Quarterly Review of Economics and Finance*. – 2014. – Vol. 54. – No 3. – C. 437–441.
167. Lin P. China's evolving humanitarian diplomacy: Evidence from China's disaster-related aid to Nepal // *Asian Journal of Comparative Politics*. – 2021. – Vol. 6. – No 3. – Pp. 221–237.
168. Liu G. Q. The Confucius Institute initiative in reconstruction of China's national identity // *Journal of Language and Politics*. – 2015. – Vol. 14. – No 6. – Pp. 778–800.
169. Liu X. So similar, so different, so Chinese: Analytical comparisons of the Confucius Institute with its western counterparts // *Asian Studies Review*. – 2019. – Vol. 43. – No 2. – Pp. 256–275.
170. Medeiros E., Fravel T. China's New Diplomacy // *Foreign Affairs*. – 2003. – Vol. 82. – No 6. – Pp. 22–35.
171. Menegazzi S. Chinese think tanks and public diplomacy in the Xi Jinping era

- //Global Society. – 2021. – Vol. 35. – No 3. – Pp. 373–394.
172. Mullerson R. Central Asia: a Chessboard and Player in the New Great Game. – New York, N.Y.: Columbia University Press, 2007. – 400 p.
 173. Muratbekova A. Sinology in Kazakhstan: Past and Present //Вестник КазНУ. Серия Востоковедения. – 2022. – Т. 102. – №. 3. – С. 74–80.
 174. Muratov B., Wilkins S. The development of Uzbekistan as a transnational higher education hub: government and institution rationales, and early outcomes //Journal of Higher Education Policy and Management. – 2024. – P. 1-19.
 175. Muso K. B. Tajikistan Relations with China in the Years of Independency //Вестник Педагогического университета. – 2021. – №. 4 (93). – С. 295–297.
 176. Na-Xi L., Shan-Bing L., Meng-Fang H. How the belt and road initiative can help strengthen the role of the SCO and deepen China's cooperation with Russia and the countries of Central Asia //India Quarterly: A Journal of International Affairs. – 2019. – Vol. 75. – № 1. – P. 56–68.
 177. Nogayeva A. Limitations of Chinese 'Soft Power' in Its Population and Language Policies in Central Asia // Geopolitics. – 2015. – Vol. 20. – No 3. – Pp. 583–605.
 178. Nye J. S. Soft power //Foreign policy. – 1990. – No 80. – Pp. 153-171.
 179. Nye J. Think Again: Soft Power // Foreign Policy. – 23.02.2006. – Vol. 152. – URL: <https://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/> (дата обращения 25.08.2023).
 180. Nye Jr J. S. Get Smart: Combining Hard and Soft Power // Foreign Affairs. 01.07.2009. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2009-07-01/get-smart> (accessed 23.08.2023)
 181. Nye Jr J. S. Public diplomacy and soft power //The annals of the American academy of political and social science. – 2008. – Vol. 616. – No 1. – Pp. 94-109.
 182. Nye Jr J. S. Soft power and American foreign policy //Political science quarterly. – 2004. – Vol. 119. – No 2. – Pp. 255–270.
 183. Nye Jr. J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: PublicAffairs, 2009. 208 p.

184. Nylan M. The Five "Confucian" Classics. – New Haven: Yale University Press, 2001. – 416 p.
185. Ong R. China's security interests in Central Asia // Central Asian Survey. – 2005. – Vol. 24. – No 4. – Pp. 425–439.
186. Pan S. Y. Confucius Institute project: China's cultural diplomacy and soft power projection // Asian Education and Development Studies. – 2013. – Vol. 2. – No 1. – C. 22–33.
187. Perna L. W., Orosz K., Jumakulov Z. Understanding the human capital benefits of a government-funded international scholarship program: An exploration of Kazakhstan's Bolashak program // International Journal of Educational Development. – 2015. – Vol. 40. – Pp. 85–97.
188. Peyrouse S. Discussing China: sinophilia and sinophobia in Central Asia // Journal of Eurasian Studies. – 2016. – Vol. 7. – No 1. – C. 14–23.
189. Plater-Zyberk H. Who's Afraid of SCO? Conflict Studies Research Centre. – Shrivenham: Defence Academy of the United Kingdom, 2007. – 11 p.
190. Rashidov T., Mullojonov P., Rashidova U., Lemon E. Academic Diplomacy: The Educational Aspects of Chinese and Russian Soft Power in Tajikistan // Nationalities Papers – 2023. – Pp. 1-15.
191. Rawnsley G. D. Chinese international broadcasting, public diplomacy and soft power // Routledge handbook of Chinese media / Ed. by G. D. Rawnsley, M.T.Rawnsley. – New York, NY: Routledge, 2015. – Pp. 460–475.
192. Rawnsley G.D. Communicating Confidence. China's Public Diplomacy // Routledge Handbook of Public Diplomacy. 2nd ed. / Ed. by N.Snow, N.J. Cull. – New York: Routledge, 2020. – P. 284–300.
193. Richthofer F.F. von. China, Ergebnisse eigener Reisen und darauf gegründeter Studien (China: The results of my travels and the studies based thereon). 5 vols. – Berlin: D. Reimer, 1877–1912.
194. Scott D. China's public diplomacy rhetoric, 1990–2012: Pragmatic image-crafting // Diplomacy & Statecraft. – 2015. – Vol. 26. – No 2. – Pp. 249-265.

195. Serikkaliyeva A. E., Nadirova G. E., Saparbayeva N. B. Educational migration from Kazakhstan to China: Reality and prospects // *Integration of Education*. – 2019. – Vol. 23. – No 4. – Pp. 504–517.
196. Sevin E. Pathways of connection: An analytical approach to the impacts of public diplomacy // *Public Relations Review*. – 2015. – Vol. 41. – No 4. – P. 562–568.
197. Sheives K. China Turns West: Beijing's Contemporary Strategy towards Central Asia // *Pacific Affairs*. – 2006. – Vol. 79. – No 2. – Pp. 205–224. doi:10.5509/2006792205
198. Snow N. Rethinking Public Diplomacy in the 2020s // *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. 2nd ed. / Ed. by N. Snow, N.J. Cull. – New York, N.Y.: Routledge, 2020. – Pp. 3–12.
199. Song W. China's Approach to Central Asia: The Shanghai Cooperation Organisation. – London: Routledge, 2016. – 184 p.
200. Starr D. Chinese language education in Europe: the Confucius Institutes // *European Journal of Education*. – 2009. – Vol. 44. – No 1. – Pp. 65–82.
201. Stronski P., Ng N. Cooperation and Competition. Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic. – Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2018.
202. Sun W. Slow boat from China: public discourses behind the 'going global' media policy // *Cultural Diplomacy: Beyond the National Interest?* / Ed. by I. Ang, Y. Isar, P. Mar. – New York, NY: Routledge, 2018. – Pp. 46–64.
203. Swanstrom N. China and Central Asia: A New Great Game or Traditional Vassal Relations? // *Journal of Contemporary China*. – 2005. – Vol. 14. – No 45. – Pp. 569–584.
204. Thunoe M., Nielbo K.L. The initial digitalization of Chinese diplomacy (2019–2021): establishing global communication networks on Twitter // *Journal of Contemporary China*. – 2024. – Vol. 33. – No 146. – Pp. 244–266.
205. Uralov O. S. Internationalization of higher education in Uzbekistan // *Social Sciences & Humanities Open*. – 2020. – Vol. 2. – No 1. – Pp. 100015.

206. Wang Y. Public diplomacy and the rise of Chinese soft power // The annals of the American academy of political and social science. – 2008. – Vol. 616. – No 1. – Pp. 257-273.
207. Zacharias G. China's Public Diplomacy: Evolution, Challenges, and the Greek Case // Journal of Liberty and International Affairs. – 2021. – Vol. 6. – No 3. – Pp. 79–89.
208. Zhao Q. How China Communicates: Public Diplomacy in a Global Age. – Beijing: Foreign Language Press, 2012.

Литература на китайском языке:

209. 丁笃本. 《中亚通史》新疆人民出版社 (Дин Дубэн . «Общая история Центральной Азии». – Урумчи, 2007. – 474 с.)
210. 习近平: 文明交流互鉴是推动人类文明进步和世界和平发展的重要动力. 求是 2019 年第 9 期. Си Цзиньпин: Цивилизованные обмены и взаимное обучение являются важной движущей силой для содействия прогрессу человеческой цивилизации и установлению мира во всем мире // В поисках истины. – 2019. – №. 9. – С. 3.
211. 余英时. 《哲学辞典》. 上海辞书出版社. (Юй Юаньпэй. Философский словарь. – Шанхай: Шанхайское издательство словарей, 2009. – 501 с.)
212. 傅斯年《性命古训辨证》, 2006, 广西师范大学出版社, 182 页. (Фу Си Нянь. Диалектика древнего жизненного девиза. – Гуанси: Издательство Гуансийского педагогического университета, 2006. – 182 с.).
213. 储诚意. 哈萨克斯坦的高等教育及其改革[J]. 安庆师范学院学报(社会科学版), 2009, 28(09): 66-70. (Чу Чэнинь. Высшее образование в Казахстане и его реформы // Журнал Аньцинского педагогического университета (издание по социальным наукам). – 2009. – Т. 28. – №09. – С. 66–70).
214. 刘小枫:《施特劳与古典政治哲学》, 上海三联书店出版社, 2002 年版, 第 291 页. (Лю Сяофэн. Штраус и классическая политическая философия. –

- Шанхай: Издательство книжного магазина Shanghai Sanlian, 2002. – 291 с.)
215. 吴宏伟 《中亚地区发展与国际合作机制》 社会科学文献出版社, 2011 年, 345 页。(У Хунвэй. «Механизм регионального развития и международного сотрудничества в Центральной Азии». – Китайское издательство литературы по социальным наукам, 2011. – 345 с.)
 216. 周谷平, 韩亮. “一带一路”倡议与教育外交[J]. 比较教育研究, 2018, № 4.: 3-9. (Чжоу Гупин, Хань Лян. Инициатива «Один пояс — один путь» и образовательная дипломатия // Сравнительные исследования в области образования. – 2018. – № 4. – С. 3–9).
 217. 唐泽园. 浅析上海合作组织框架下的人文合作. 现代经济信息, 2015 年. Тан Цзюань. Анализ гуманитарного сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Современная экономическая информация. – 2015. – № 3. – С. 26.
 218. 姜 岩(中国驻乌兹别克斯坦特命全权大使) 中国与乌兹别克斯坦:友好合作 30 年. 欧亚经济/ 2022 年第 5 期 . Цзян Янь (Чрезвычайный и Полномочный Посол Китая в Узбекистане). Китай и Узбекистан: 30 лет дружественного сотрудничества // Евразийская экономика. – 2022. – №5. – С. 125.
 219. 孙壮志 《中亚国家的跨境合作研究》, 上海大学出版社, 2014 年, 236 页。(Сунь Чжуанчжи. Исследование трансграничного сотрудничества в странах Центральной Азии. – Шанхай: Издательство Шанхайского университета, 2014. – 236 с.)
 220. 孙雍. 乌兹别克斯坦塔什干孔子学院发展研究[D]. 兰州大学硕士学位论文, (Сунь Ижон. Исследование по развитию Института Конфуция в Ташкенте, Узбекистан. – Ташкент, 2020).
 221. 张全生, 郭卫东. 中国与中亚的人文交流合作.——以孔子学院为例. 新疆师 傅 大 学 学 报 (Чжан Цюаньшэн, Го Вэйдун. Гуманитарные обмены и сотрудничество между Китаем и Центральной Азией: на примере институтов Конфуция // Журнал Синьцзянского педагогического

- университета (издание по философии и социальным наукам). – 2014. – Т. 35. – № 04. – С. 64–71).
222. 张岱年,方克立.中国文化概论[M].北京:北京师范大学出版社 (Чжан Дай Нянь, Фан Кели. Введение в китайскую культуру. Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 2004).
223. 曾向红,黄敬荣.上海合作组织对中俄在中亚地区互动的影响[J].兰州大学学报(社会科学版) (Цзэн Сянхун, Хуан Цзинжун. Влияние Шанхайской организации сотрудничества на взаимодействие между Китаем и Россией в Центральной Азии [J] // Журнал Ланьчжоуского университета (издание по социальным наукам). – 2013. – Т. 41. – № 02. – С. 62–70).
224. 李慧,苏卡特,阿米娜. 中国与中亚国家“教育丝绸之路”合作路径探析——基于中亚四国高等教育的发展[J]. 东北大学学报(社会科学版) (Ли Хуэй, Сукат, Амина. Анализ пути сотрудничества Китая и стран Центральной Азии на «Образовательном Шелковом пути» – на основе развития высшего образования в четырех странах Центральной Азии // Журнал Северо-Восточного университета (Социальный Научное издание). – 2018. – Т. 20. – № 04. – С. 419–426).
225. 李立凡.析中俄美大三角与中亚的地缘政治战略——兼论“上海合作组织”的国际地位[J].世界经济研究 (Ли Лифань. Анализ геополитической стратегии треугольника Китай-Россия-Соединенные Штаты и Центральной Азии – и международного статуса «Шанхайской организации сотрудничества» [J] // Мировые экономические исследования. – 2003. – № 04. – С. 21–25).
226. 李雅梅. 乌兹别克斯坦共和国的汉语教学现状与思考[J]. 国际汉语教学动态与研究 (Ли Ямэй. Текущая ситуация и взгляды на преподавание китайского языка в Республике Узбекистан // Динамика и исследования международного преподавания китайского языка. – 2008. – № 2. – С. 13–18).
227. 李飞. 吉尔吉斯斯坦与中国高等教育合作交流研究[D].浙江工业大学(Ли Фей. Исследование по сотрудничеству и обмену в области высшего образования между Кыргызстаном и Китаем. – Чжэцзян: Чжэцзянский

технологический университет, 2013).

228. 杜岩岩, 刘玉媚. 俄美欧中亚跨境教育的战略构想及实施策略[J]. 教育科学, 2020, 36(06): 61-68. (Ду Яньян, Лю Юмэй. Стратегическая концепция и стратегия внедрения трансграничного образования России, США, Европы в Центральной Азии // Педагогическая наука. – 2020. – №36(06). – С. 61–68).
229. 桑东华. 邓小平的和平思想及其时代意义[J]. 马克思主义与现实 (Санг Донхуа. Мысль Дэн Сяопина о мире и ее значении в "Таймс" // Марксизм и реальность. – 2020. – № 03. – С. 156–161). DOI:10.15894/j.cnki.cn11-3040/a.2020.03.021.
230. 梁超. 《中亚局势新动向》社会科学文献出版社, 2012 年, 276 页。(Лян Чао. Новые тенденции в ситуации в Центральной Азии. – Китайское издательство литературы по социальным наукам, 2012. – 276 с.)
231. 江波. 教育合作是中国-东盟命运共同体的重要支柱[J]. 中国高等教育, (Цзян Бо. Сотрудничество в области образования является важной опорой Китайско-асеановского сообщества единой судьбы // Высшее образование в Китае. – 2016. – № 18. – С. 18–19).
232. 汪金国 《全球文化力量消长与中亚政变化研究》。兰州大学出版社, 2010 年, 286 页。(Ван Цзиньго. Рост глобальной культурной мощи и изучение политических изменений в Центральной Азии. – Издательство Ланьчжоуского университета, 2010. – 286 с.)
233. 沈和易, 薛智铭. “一带一路”倡议背景下中国与土库曼斯坦国际合作问题研究 [J]. 大陆桥视野, (Шэнь Хэйи, Сюэ Чжимин. Исследование международного сотрудничества между Китаем и Туркменистаном в контексте инициативы ОПОП // Вид на материковый мост. – 2022. – No 1. – Рр. 84–86).
234. 潘志平. 《中亚的地缘政治文化》新疆人民出版社, 2003 年, 369 页。(Пан Чжипин. Геополитическая культура Центральной Азии», «Исторический статус и перспективы этнических отношений в Центральной Азии. – Синьцзян: Синьцзянское народное издательство, 2003. – 369 с.)
235. 王明昌, 土耳其与中亚国家关系的现状及前景 (Ван Минчан. Состояние и

- перспективы отношений Турции со странами Центральной Азии // Международные исследования. – 2018. – № 05. – Р. 1–6.)
236. 王澍, 柳海民, 樊华. 西方政治哲学视角下教育与国家关系的理论: 特征与启示 [J]. 外国教育研究, 2017, (12): 65-78 (Ван Шу, Лю Хайминь, Фань Хуа. Теория взаимосвязи между образованием и международным отношением с точки зрения западной политической философии: характеристики и откровения // Исследование зарубежного образования. – 2017. – № 12. – С. 65–78).
237. 王红续. 中国共产党领导人的外交理念及其文化渊源 [J]. 当代世界 (Ван Хонсюнь. Дипломатическая философия лидеров Коммунистической партии Китая и их культурное происхождение // Современный мир. – 2011. – № 08. – С. 11–15).
238. 王雪梅, 海力古丽·尼牙孜. 哈萨克斯坦高等教育国际化发展研究 [J]. 比较教育研究 (Ван Сюэмэй, Хелигули Ниязи. Анализ развития интернационализации высшего образования в Казахстане // Сравнительное исследование в области образования. – 2016. – Т. 319. – №8. – С. 7–17).
239. 盛宁. “一带一路”倡议下中哈两国高等教育合作探析 [J]. 文学教育(下) (Шэн Нин. Анализ сотрудничества в области высшего образования между Китаем и Казахстаном в рамках инициативы ОПОП // Литература и образование. – 2020. – Т. 10. – С. 121–123.)
240. 蔡新宇, 高书丽. 中国与俄语区国家教育合作意愿研究 [J]. 国家教育行政学院学报. (Цай Синью, Гао Шули. Исследование готовности сотрудничества в сфере образования Китая и русскоязычных стран // Журнал Национальной академии управления образованием. – 2020. – № 02. – С. 107).
241. 赵会荣. 俄美中欧在中亚: 政策比较与相互关系 [J]. 新疆师范大学学报(哲学社会科学版) (Чжао Хуэйронг. Россия, Соединенные Штаты и Европа в Центральной Азии: сравнение политики и взаимосвязи [J] // Журнал Синьцзянского педагогического университета (издание по философии и социальным наукам). – 2014. – Т. 35. – № 04. – С. 54–63.

242. 赵华胜.中俄美在中亚的存在:上升和下降[J].国际观察(Чжао Хуашэн. Присутствие Китая, России и Соединенных Штатов в Центральной Азии: взлет и падение [J] // Международная вахта. – 2015. – №06. – С. 87–103).
243. 赵华胜.浅评中俄美三大战略在中亚的共处[J].国际观察 (Чжао Хуашэн. Краткий обзор сосуществования трех основных стратегий Китая, России и Соединенных Штатов в Центральной Азии [J] // Международная вахта. – 2014. – № 01. – С. 96–109).
244. 赵华胜《中国的中亚外交》，北京：时事出版社（Чжао Хуашэн. Дипломатия Китая в Центральной Азии. – Пекин, 2008. – 473 с.)
245. 赵常庆《中亚五国新论》，昆仑出版社(Чжао Чанцин. Знакомство с пятью странами Центральной Азии. – Пекин, б.и., 2014. – 456 с.)
246. 赵晓佳.中国与中亚的友好交流研究[J]. 北京 中央民族大学(Чжао Сяоцзя. Исследование дружественных взаимоотношений между Китайской Народной Республикой, Республикой Казахстан и Центральной Азией. диссертация ... кандидата политических наук. – Пекин, 2011. – 299 с.)
247. 辛越优,阚阅.“一带一路”倡议下的高等教育合作:国家图像与推进战略[J].高等教育研究, (Синь Юэю, Кан Юэ. Сотрудничество в области высшего образования в рамках инициативы ОПОП: национальная стратегия имиджа и продвижения// Исследования в области высшего образования. – 2018. – Т. 39. – № 05. – С. 101–109).
248. 邢广程。中国和新独立的中亚国家关系，黑龙江教育出版社，1996 年，304 页。(Син Гуанчэн. Отношения между Китаем и новыми независимыми странами Центральной Азии. – Хэйлунцзян: Издательство образования, 1996. – 304 с.)
249. 郑羽《中俄美在中亚：合作与竞争(1991-2007)》社会科学文献出版社，2007 年，525 页。(Чжэн Юй. «Международные отношения России, стран Восточной Европы и Центральной Азии» «КНР, РФ и США в Центральной Азии: сотрудничество и конкуренция 1991–2007»)). – Китайское издательство литературы по социальным наукам, 2007. – 525 страниц.

250. 郑虹. 浅析俄罗斯“软实力”对独联体国家离心力的缓解作用 [J]. 华南师范大学学报 (社会科学版), 2006, (4) : 76-79+159. (Чжэн Хун. Краткий анализ смягчающего воздействия “мягкой силы” России на центробежную силу стран СНГ // Журнал Южно-Китайского педагогического университета. – 2006. – №4. – С. 76–79+159).
251. 郭晓婷, 大国在中亚地区的发展援助及其成效 (Го Сяотин. Помощь в целях развития со стороны крупных держав Центральной Азии и ее эффективность // Исследование процесса принятия стратегических решений. – 2021. – Т. 12. – № 01. – Р. 77–98).
252. 陈举. 我国新疆与中亚五国高等教育合作发展的机遇与路径选择——基于“全球国家地方”框架的分析 [J]. 教育探索 (Чен Чжу. Перспективы и выбор путей развития сотрудничества в области высшего образования между Синьцзяном и пятью странами Центральной Азии – анализ, основанный на концепции “Глобального, национального и местного” // Образовательное исследование. – 2016. – № 02. – С. 85–89).
253. 顾明远, 薛理银. 比较教育导论——教育与国家发展 [M]. 北京: 人民教育出版社, 1996, 353. (Гу Минъюань, Сюэ Лиинь. Введение в сравнительное образование – образование и развитие страны. – Пекин: People's Education Press, 1996. – 353 с.)
254. 马大正: 《马大正文集》, 上海辞书出版社, 2005 年版, 第 504-505 页 (Ма Дачжэн. Коллекция текстов Ма Да. – Шанхай: Шанхайское словарное издательство, 2005. – С. 504–505).
255. 魏晶晶. 上海合作组织框架下的中国和中亚国家的人文合作. 现代妇女 (下旬), 2013, (06): 14-16. (Вэй Цзинцзин. Гуманитарное сотрудничество между Китаем и странами Центральной Азии в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Современные женщины (Поздние). – 2013. – №06. – С. 14–16.)

Диссертационные исследования:

256. Аюшиева Е.Б. Геополитические интересы России и Китая в Центральноазиатском регионе : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04 / Аюшиева Евгения Болотовна. – Москва, 2003. – 143 с.
257. Гумеров Р. А. Геополитические интересы США, Китая и России в Центральной Азии : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04 / Гумеров Родион Альфредович; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Москва, 2009. – 132 с.
258. Имангазиев А.К. Роль и место стран Центральной Азии в мировой политике (на примере отношений с Россией, КНР и США) : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04 / Имангазиев Алмаз Кулубекович; [Место защиты: Дипломатическая академия министерства иностранных дел РФ]. – Москва, 2009. – 156 с.
259. Кумуков А.М. КНР – Центральная Азия: особенности регионального взаимодействия и субрегионального сотрудничества: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / Кумуков Альберт Мусабиевич; [Место защиты: Казанский (Приволжский) федеральный университет]. – Казань, 2016. – 255 с.
260. Мирзоев Х. Т. Научно-культурное сотрудничество Республики Таджикистан и Китайской Народной Республики в период независимости (1991-2020 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.15 / Мирзоев Хабибджон Табрикджонович; [Место защиты: Таджикский национальный университет]. – Душанбе, 2021. – 188 с.
261. Мураталиева З.Т. Региональная политика России и Китая в Центральной Азии и ШОС как фактор взаимодействия : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04 / Мураталиева Замира Тулкуновна; [Место защиты: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Кыргызско-Российский славянский университет]. – Бишкек, 2010. – 198 с.

262. 李朝飞。中国在中亚的软实力外交研究, 上海外国语大学博士论文, 2018 年, 180 页。(Ли Чаофэй. Исследование о дипломатии мягкой силы Китая в Центральной Азии. Дис ... канд. полит. наук. – Шанхай, 2018. – 180 с.)

Приложение

Отношения Китая с Казахстаном

3 января 1992 года Китай и Казахстан официально установили дипломатические отношения. В декабре 2002 года обе стороны подписали договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. В июле 2005 года Китай и Казахстан установили стратегическое партнерство. В 2011 году обе стороны объявили о развитии всеобъемлющего стратегического партнерства. В сентябре 2019 года обе стороны в очередной раз объявили о развитии постоянного всеобъемлющего стратегического партнерства. В сентябре 2022 года обе стороны объявили о своих совместных усилиях по созданию сообщества единой судьбы Китая и Казахстана, высокого взаимного доверия и солидарности на протяжении поколений.

Анализ данных документов, позволяет определить, что контакты на высоком уровне между Китаем и Казахстаном являются тесными. Председатель Си Цзиньпин посещал Казахстан четыре раза в сентябре 2013 года, мае 2015 года, июне 2017 года и сентябре 2022 года. Президент Токаев совершил государственный визит в Китай в сентябре 2019 года и прибыл в Китай для участия в зимних Олимпийских играх в Пекине в феврале 2022 года. В 2013 году Китай и Казахстан официально запустили механизм регулярных встреч премьер-министров каждые два года. В ноябре 2018 года премьер-министры Китая и Казахстана провели свою четвертую очередную встречу в Пекине. В настоящее время механизмы сотрудничества между Китаем и Казахстаном на всех уровнях налажены и работают без сбоев.

В 2022 году экономические и торговые отношения между Китаем и Казахстаном еще больше укрепились, и объем двусторонней торговли достиг 331,17 миллиарда долларов США, увеличившись на 23,6% в годовом исчислении.

Помимо этого, Китай и Казахстан также тесно сотрудничают в энергетической сфере. Обе стороны совместно построили первый

трансграничный трубопровод для сырой нефти - Китайско-Казахстанский трубопровод для сырой нефти. Кроме того, Китай и Центральная Азия также совместно сотрудничают в строительстве третьей нитки газопровода ABC, полностью проходят через Казахстан.

Сверх всего, сотрудничество между двумя странами в области образования, культуры, науки и техники достигло плодотворных результатов, и они направляют литературные и художественные коллективы выступать друг с другом круглый год. Китай учредил пять институтов Конфуция в Казахстане. По состоянию на апрель 2023 года Китай и Казахстан создали 19 пар дружественных провинций и городов, из которых Пекин и Астана являются дружественными городами друг для друга.

Кыргызстан

С момента установления дипломатических отношений между Китаем и Кыргызстаном 5 января 1992 года отношения между двумя странами развивались активно, плодотворно и стабильно. В 2013 году Си Цзиньпин посетил Кыргызстан и принял участие в саммите ШОС, и между двумя сторонами установилось стратегическое партнерство²⁴⁵.

В июне 2018 года президент Кыргызстана Генбеков совершил свой первый государственный визит в Китай в связи с участием в саммите ШОС в Циндао. Главы двух государств подписали Совместную декларацию Кыргызстана и Китая об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства и отношения между двумя странами достигли нового уровня. В июне 2019 года Председатель КНР Си Цзиньпин посетил Кыргызстан и принял участие в Бишкекском саммите ШОС. Главы двух государств подписали Совместную декларацию о дальнейшем углублении всестороннего стратегического партнерства между Кыргызской Республикой и Китайской Народной

²⁴⁵ 李飞. 吉尔吉斯斯坦与中国高等教育合作交流研究[D]. 浙江工业大学 (Ли Фей. Исследование по сотрудничеству и обмену в области высшего образования между Кыргызстаном и Китаем. – Чжэцзян: Чжэцзянский технологический университет, 2013).

Республикой. 25 января 2022 года Председатель КНР Си Цзиньпин и Президент Кыргызской Республики Запаров совместно приняли участие в видеосаммите, посвященном 30-летию установления дипломатических отношений между пятью странами ЦАР. Что касается мая 2023 года, президент Запаров совершил государственный визит и принял участие в саммите Китай- Центральная Азия. На этом саммите главы государств двух стран подписали Совместную декларацию Кыргызской Республики и Китайской Народной Республики об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства в новую эпоху. Анализ данных документов, позволяет отметить, что дружественное отношение Кыргызстана с Китаем вышли на новый уровень.

Китай является вторым по величине торговым партнером Кыргызстана. В 2021 году объем товарооборота между Китаем и Кыргызстаном составил 77,557 млрд долларов США, увеличившись на 160,6% в годовом исчислении. В 2022 году объем товарооборота между Китаем и Кыргызстаном составит 15,5 млрд долларов США, увеличившись на 105,6% в годовом исчислении.

В дополнение, между двумя странами налажено хорошее сотрудничество в области образования и культуры. Два стороны много раз проводили “дни культуры” друг с другом. Китай учредил в Кыргызстане 4 института Конфуция с 21 аудиторией Конфуция. Кроме того, в целях активно осуществляются обмены между Китаем и Кыргызстаном, и было установлено 23 пары дружественных отношений между провинциями, штатами и городами. 30 декабря 2022 года, приуроченного к 30-летию установления дипломатических отношений между Китаем и Кыргызстаном, в Кыргызстане состоялся публичный показ первого китайского фильма «Цветок Кашгара» (дублированный фильм)²⁴⁶.

Узбекистан

2 января 1992 года, Китай и Узбекистан официально установили дипломатические отношения. 6 июня 2012 года две страны подписали

²⁴⁶ Там же.

Совместную Декларацию об установлении стратегического партнерства между Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой²⁴⁷, а также подписали Договор о дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Республикой Узбекистан 1 сентября 9 декабря 2013 г. В Договоре отметил, что содержание сотрудничества между двумя сторонами в области образования включает: “Договаривающиеся стороны будут принимать необходимые меры для осуществления сотрудничества в области культуры, образования, медицины и оздоровления, туризма, спорта и других областях, представляющих взаимный интерес, и укрепления дружественных обмена между средствами массовой информации, академическими и образовательными учреждениями, литературными и художественными группами.”

22 июня 2016 года обе стороны подписали Совместную декларацию между Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой, устанавливающую всеобъемлющее стратегическое партнерство.

12 мая 2017 года Китай и Украина подписали Совместную декларацию о дальнейшем углублении всестороннего стратегического партнерства между Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой, что ознаменовало дальнейшее укрепление отношений между двумя странами.

Таджикистан

Долгосрочным стратегическим документом повышение уровня жизни и благополучия населения Таджикистан является Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года²⁴⁸. В настоящее время Китай и Таджикистан установили всеобъемлющее стратегическое партнерство, и реализация стратегической стыковки ОПОП и Национальной стратегии стала

²⁴⁷ Совместная Декларация об установлении стратегического партнерства между Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой. 08.06.2018. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_677052/1207_677064/201206/t20120608_8003837.shtml (дата обращения: 28.06.2023)

²⁴⁸ 塔吉克斯坦至 2030 年国家发展战略》圆桌会议举行 состоялся круглый стол на тему "Национальная стратегия развития Таджикистана до 2030 года / Настоящая газета. 25.05.2017. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2017/0525/c1002-29298026.html>. (дата обращения: 28.06.2023)

основным направлением сотрудничества между двумя сторонами. Высокая степень увязки двух стратегий играет все более важную роль в достижении региональной стабильности и устойчивого процветания, а также является краеугольным камнем всеобъемлющего стратегического партнерства Китая и Таджикистана.

С момента установления дипломатических отношений 4 января 1992 года политические отношения между Китаем и Таджикистаном продолжали улучшаться и достигли позитивного, здорового и устойчивого развития. Обе стороны полностью решили пограничные вопросы, оставшиеся от истории, и заключили Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой. Сверх того, в мае 2013 года две страны установили стратегическое партнерство.

Со времени первого государственного визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Китай в сентябре 2014 года лидеры двух стран неоднократно обменивались государственными визитами. В период с 2014 по 2022 год визиты между двумя сторонами достигли 12 раз.

Президент Рахмон прибыл в Китай с государственным визитом с 30 августа по 5 сентября 2017 года и принял участие в диалоге между странами с формирующимся рынком и развивающимися странами. В этот период главы государств Китая и Таджикистана подписали и опубликовали совместное заявление об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства двумя странами.

В 2022 году объем двусторонней торговли составил 22,599 млрд долларов США, увеличившись на 40,4% в годовом исчислении. Из них Китай экспортировал в Таджикистан 22,217 млрд долларов США, увеличившись на 32,4% в годовом исчислении, и импортировал из tower 3382 млн долларов США, увеличившись на 117,6% в годовом исчислении. Китай является крупнейшим в мире источником инвестиций и третьим партнером по величине торговым.

Две страны хорошо сотрудничают в области образования и культуры. Теперь в Таджикистане созданы два института Конфуция, а в Китае и Таджикистане создано 8 пар дружественных городов.

Туркменистан

Историю обмена между Китаем и Туркменистаном можно разделить на три основных этапа.

Первый этап: начало 1990-х годов. В январе 1992 года Туркменистан посетила правительственная делегация Китая. Обе стороны подписали Совместное коммюнике об установлении между КНР и Туркменистаном дипломатических отношений, торгово-экономическое соглашение и протокол китайско-туркменского переговора об экономическом сотрудничестве. 6 января того же года Китай и Туркменистан установили дипломатические отношения на уровне послов.

Второй этап: конец 20-го века - начало 21-го века. Ниязов, тогдашний президент Туркменистана, дважды посещал Китай - в ноябре 1992 года и августе 1998 года. В течение этого периода Китай и Туркменистан совместно опубликовали совместное китайско-туркменское коммюнике и Совместное заявление Китая и Туркменистана о дальнейшем развитии и укреплении отношений дружбы и сотрудничества между двумя странами. Данные два документа еще больше укрепили сотрудничество между двумя странами в различных областях.

Третий этап: с 2013 года по настоящее время. 4 сентября 2013 года две страны подписали совместное заявление об установлении китайско-туркменского стратегического партнерства. 12 мая 2014 года представители Китая и Туркменистана подписали в Пекине Договор о дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Туркменистаном и Совместную декларацию о развитии и углублении отношений стратегического партнерства между Китайской Народной Республикой и Туркменистаном.

Впоследствии главы государств двух стран договорились в Душанбе о создании механизма консультаций между министерствами иностранных дел Китая и Туркменистана. В нем также подчеркивалось общее стремление развивать и углублять китайско-туркменское стратегическое партнерство. В октябре 2020 года Китай и Туркменистан провели шестой раунд переговоров по "Плану сотрудничества по расширению экономического партнерства", и ожидается дальнейшее углубление китайско-туркменского сотрудничества в не сырьевой сфере.

В последние годы в области гуманитарного образования сотрудничество и обмена между Китаем и Туркменистаном добились замечательных результатов. Сейчас тысячи обучающихся, занимающихся землеройными работами, прошли обучение в Китае. В то же время, две страны еще больше укрепили свое взаимопонимание благодаря совместным концертам, выставкам, фестивалям и другим культурным мероприятиям. В 2018 году в Пекине успешно открылся мероприятие - День культуры Туркменистана, который сблизил отношения и способствовал культурной интеграции и между двумя странами. С дальнейшим продвижением мероприятий по культурному и образовательному обмену все больше и больше китайских граждан выезжают в Туркменистан на заработки, что эффективно способствует культурной связи сторон.

Дипломатические ресурсы Китая в Центральной Азии имеют свои преимущества и недостатки. Доминирующие факторы Китая являются долгосрочными и обладают потенциалом для устойчивого развития, но для достижения значительных результатов требуется определенное количество времени. Слабость Китая реалистична и может оказать большее влияние в краткосрочной перспективе, но со временем эти последствия могут постепенно ослабевать. Таким образом, в долгосрочной перспективе дипломатические ресурсы Китая в Центральной Азии будут играть все более очевидную роль.

Таким образом, Центральная Азия является одним из регионов, которые Китай не может игнорировать, и одним из важных направлений китайской

дипломатии. С момента обретения странами региона независимости в 1991 году дипломатический статус Центральной Азии в Китае продолжал укрепляться и находится в процессе непрерывной эволюции – это подтверждает, что важность Центральной Азии для Китая будет продолжать возрастать, и дипломатическое внимание Китая к этому региону будет еще более усиливаться.